Айзек Азимов

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

От легендарного Виза
до династии Палеологов

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Константинополь. От легендарного Виза до династии Палеологов

Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Константинополь. От легендарного Виза до династии Палеологов
Глава 1. Город на берегах пролива
  Забытая империя
  Напротив города слепых
  Афинская дорога жизни
  Приход македонян
  Приход римлян
  Империя продвигается на Восток
Глава 2. Столица Востока
  Город Константина
  Константин и религия
  Империя делится пополам
  Тройное кольцо городских укреплений
  Конец Запада
Глава 3. Запад идет на Восток
  Две стратегии
  Дядя и племянник
  Подготовка к миру и войне
  Восставший из пепла

Победа на Западе
Последние годы
Глава 4. Двойная катастрофа
Новые варвары
Первая катастрофа
Возрождение
Вторая катастрофа
Глава 5. Оборона Европы
Опасность нарастает
Великая осада
Потеря Африки
Великая осада 2
Глава 6. Монахи и императоры
Разрушитель икон
Борьба вокруг икон
Новая империя на Западе
Болгаро-арабские «клещи»
Патриарх и папа
Глава 7. Императоры и полководцы
Новая династия
Варвары севера
Рожденный в пурпуре
Полководцы на троне
Глава 8. На пике могущества
Василий Болгаробойца
Имперские вершины

Мужья императрицы
Появление турок
Глава 9. Запад устремляется на Восток
Последствия поражения
Вторжение норманнов
Воины креста
Последний триумф империи
Закат империи
Разрушить!
Глава 10. Призрак империи
Латинский период
Падение империи продолжается
Турки-османы
Последняя битва империи
Эпилог: Призрак призрака
Генеалогические таблицы
Примечание к генеалогической таблице
Хронология основных событий

Аннотация

В этой книге А. Азимов пишет об одном из самых древних и прекрасных городов мира, основанном императором Константином. Его называли «золотым мостом между Европой и Западом», через столицу Востока шла торговля Западной Европы с Причерноморьем, Ираном, Индией, Китаем. Это был культурный центр со своим университетом, город, в котором процветали ремесла. Здесь набирал силу будущий христианский мир. На столицу Византии обращали завистливые взгляды европейские и восточные завоеватели, ему угрожали гунны, арабы, славяне, норманны, турки-сельджуки, его подвергали нападениям и длительным осадам. Но самым страшным испытанием были Крестовые походы, последний из них стал роковым для города.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Айзек Азимов
Константинополь. От легендарного Виза до династии Палеологов

Isaac Asimov
CONSTANTINOPLE

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф»
© Художественное оформление, ЗАО «Центр-

полиграф»

Глава 1
Город на берегах пролива

Забытая империя

Средние века обычно ассоциируются у нас с падением Римской империи и победой варваров. Мы сразу же вспоминаем об упадке науки и образования, о приходе феодализма и череде локальных войн. Однако это далеко не так, ведь на самом деле Римская империя тогда никуда не делась. Она продолжала существовать на протяжении всего Средневековья. А Европы и Америки в их нынешнем виде попросту бы не было, не продолжай Римская империя играть свою важную роль еще в течение тысячи лет после того, как она, по нашему мнению, «погибла».

Говоря о «падении» Римской империи, мы лишь подразумеваем, что ее западные провинции завоевали племена германцев, нарушив цивилизационные связи некогда единой страны. При этом восточную половину империи эти завоевания не затронули, и еще много столетий она продолжала занимать юго-восточную оконечность Европы и примыкающие к ней территории в Азии.

Эта часть Римской империи оставалась богатой и могущественной, и такое положение сохраня-

лось на протяжении всех веков, когда Западная Европа была слабой и раздробленной. В отличие от неграмотной и невежественной Западной Европы в империи, как и прежде, процветали наука и культура. Ее военная мощь была настолько значительной, что в течение целой тысячи лет ей удавалось отбивать нападения все более многочисленных завоевателей с Востока. А Западная Европа, прикрываясь мощным соседом, могла спокойно развиваться и в результате сформировать собственную развитую цивилизацию.

Именно восточной части империи Западная Европа обязана распространением римского права и знаний греческого мира. Она поделилась с Западом своими достижениями в области искусства и архитектуры, научила хорошим манерам. Восток познакомил Запад с массой вещей: от основополагающего феномена — абсолютной монархии — до такой уже незаменимой мелочи, как вилка. Более того, именно Востоку Восточная Европа и в особенности Россия обязаны обретением новой религии.

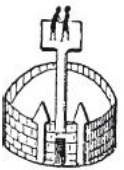
Но вот, наконец, Западная Европа окрепла и стала способной защитить себя. К этому времени силы империи истощились, и она медленно умирала. Чем же отплатила ей за добро Западная

Европа? Презрением и ненавистью. Запад всеми возможными способами стремился навредить несчастному осколку бывшей великой империи, а когда наступил час предсмертной агонии, хладнокровно отказал в помощи. Империя погибла, но неблагодарное отношение к ее памяти сохраняется и по сей день — об истории империи практически ничего не рассказывают в наших школах, а когда все же что-то говорят о ней, то делают это без малейшей симпатии и сочувствия.

Именно поэтому мало кто из жителей Запада понимает, что в столетия, когда Париж и Лондон были жалкими городишками с грязными улицами и деревянными лачугами, на Востоке существовал царь-город — богатый, с великолепными церквями, процветавшими искусством и торговлей. Все видевшие называли его чудом, у всех он вызывал восхищение.

Город был столицей средневековой Римской империи, и имя ему — Константинополь. Однако история его начинается за тысячу лет до того, как он обрел свое имя.

Напротив города слепых



В VII веке до н. э. города Греции были перенаселены. Еды не хватало, да и стоила она очень дорого. Наиболее предприимчивые греки забирали семьи, грузили на корабли имущество и отправлялись на поиски новых земель. На берегах бескрайнего Средиземного моря они надеялись найти места, где будет можно заложить новые города, обрабатывать землю и выращивать хлеб.

Некоторые корабли направлялись на северо-восток. Там Эгейское море, омывающее восточные берега Греции, сужалось до разделяющего Европу и Малую Азию извилистого пролива, называвшегося Геллеспонтом (современные Дарданеллы). За проливом морская гладь вновь становилась

безбрежной — это была Пропонтида, небольшое море, известное сегодня как Мраморное. Далее следовал еще один пролив, Босфор, а за ним лежал Понт[1] — море, которое в наше время называют Черным.

Черное море словно магнитом притягивало будущих колонистов, ведь на его берегах можно было выращивать пшеницу. В отличие от каменистых горных почв Греции бескрайние ровные и плодородные равнины Северного Причерноморья (в античные времена их называли Скифией, а сегодня — Украиной) обещали стать для поселенцев настоящей житницей.

Греческие легенды повествуют о первых попытках проложить торговые пути в этом направлении. Сохранился рассказ о Ясоне и его аргонавтах, отправившихся на поиски золотого руна — овечьей шкуры, чудесным образом превратившейся в золото. В конце концов Ясон нашел ее в Колхиде — области на восточном побережье Черного моря. Мы вправе предположить, что эта легенда — рассказ о реальной торговой экспедиции.

Непосредственно у входа в Геллеспонт стоял древний город Троя. Купеческие корабли, идущие

---

[1] Примечания: 1

Другое древнее название — Понт Эвксинский. *(Примеч. пер.)*

в Черное море и обратно, должны были платить троянцам за проход по проливу. Благодаря этому налогу город богател. Вероятно, знаменитая осада Трои была попыткой греков освободиться от посредников и сделать путь проще. Однако после падения Трои в 1200 году до н. э. Греции предстояло пережить период «темных веков». Племена варваров с севера не дали грекам возможности воспользоваться победой; страна смогла восстановиться лишь через несколько столетий.

В VII веке до н. э. Греция обрела былую мощь, ее корабли бороздили море в поисках мест для новых колоний. Так же как шесть веков назад, во времена Ясона, греческие корабли стремились к богатым зерном побережьям Черного моря. Но сейчас их целью была не только торговля, но и строительство новых поселений.

В 657 году до н. э. по Эгейскому морю в северо-восточном направлении шел корабль под началом некоего Визы. Родиной моряков был город Мегара, стоявший на перешейке, соединяющем северную часть Греции с южным полуостровом Пелопоннес. Мегара не принадлежал к числу основных городов Эллады, оставаясь в тени соседей: в двадцати четырех километрах к востоку располагались Афины, в сорока километрах к западу

— Коринф. Скорее всего, отправка в плавание этого корабля и стала самым важным событием в истории города.

Перед отплытием колонисты обратились за советом к Дельфийскому оракулу — святая святых древних греков. Слова его жриц считались божественным откровением, позволяющим заглянуть в будущее. «Вы найдете новый дом, — сказала им жрица, — напротив города слепых». Как обычно, слова оракула были туманны — никто не слышал о существовании такого города.

Корабль миновал Геллеспонт, пересек Пропонтиду и подошел к Босфору. Длина Босфора около тридцати двух километров, при этом пролив узок — в отдельных местах его ширина не превышает восьмисот метров. Поселение на берегу Босфора получало возможность контролировать торговые пути между Черным и Эгейским морями, подобно тому как в свое время это делала Троя. Удобное местоположение обеспечивало его жителям безбедную жизнь.

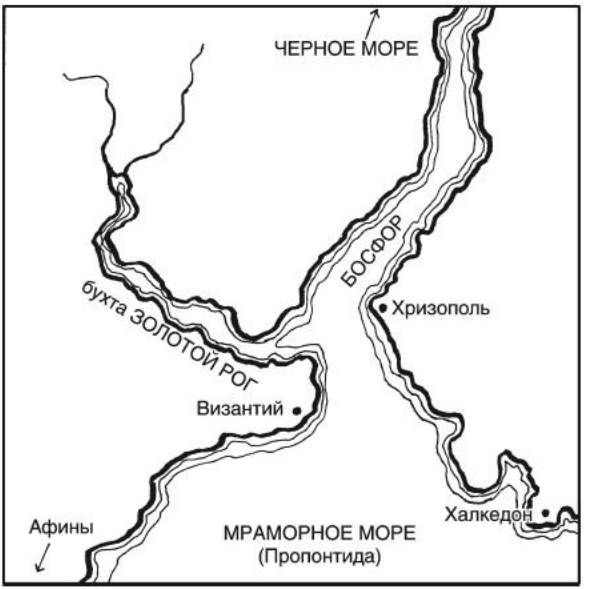
Многих посещали подобные мысли. В 675 году до н. э., за восемнадцать лет до описываемых событий, предшественники Визы, кстати тоже родом из Мегары, основали на азиатском побережье, непосредственно у южного входа в Босфор,

свое поселение, назвав его Халкедоном. Причалив к берегу, моряки, должно быть, испытали большую досаду — Халкедон оказался небольшим, но вполне благоденствующим городом. Пришельцам пришлось лишь пожалеть, что их опередили.

Они продолжили путь и километрах в четырех от Халкедона, на противоположном берегу Босфора, увидели примечательное во всех отношениях место. Если Халкедон располагался вдоль прямого участка берега с довольно небольшими гаванями, то здесь в Босфор впадала река, образуя широкое устье. Просторная бухта, которая позднее получила название Золотой Рог, могла вместить множество судов. К несомненным достоинствам относилось и то, что ее было несложно оборонять. Одним словом, о таком месте можно было только мечтать.

Между рекой и открытым морем протянулась полоска земли — прекрасная площадка для строительства города. С трех сторон она окружена водой. Если с четвертой возвести прочную стену, то город будет неуязвим. Как же, удивлялись спутники Визы, предшественники не разглядели столь удобно расположенную бухту на европейском берегу? Не иначе жители Халкедона

оказались слепцами!



Карта 1. Византий

Вот оно! Оказывается, Халкедон и был тем городом слепых, о котором вещал Дельфийский оракул. Следуя его указанию, Виза основал поселение напротив Халкедона. В свою честь он назвал его Византий, нам же знаком более поздний

римский вариант — Византий[2].

[2] Примечания: 2

Конечно, вполне возможно, что рассказанная мною история — выдумка, легенда, призванная объяснить появление этого названия, а на самом деле человека по имени Виза вообще никогда не было. Существует еще одно объяснение появления названия — оно означает «тесный», ведь город был буквально втиснут в полоску земли, с трех сторон окруженную водой. *(Примеч. авт.)*

Афинская дорога жизни

Полтора столетия Византий оставался процветающим свободным городом. Для многочисленных кораблей он стал промежуточным портом между Черным и Средиземным морями, перевалочной базой зерна и других грузов. Находясь на перекрестке дорог из Европы в Азию, Византий привлекал завистливые взоры всех, кто хотел либо сам контролировать торговые пути, либо упростить проход войск. Однако со времен Троянской войны ни одна большая армия не предпринимала попыток перебраться с одного континента на другой. Ситуация изменилась, стоило появиться Персидскому царству.

Образованное в 559 году до н. э., оно контролировало всю Азию к западу от Индии и север Аравии, а в 546 году до н. э. распространило свою власть и на Малую Азию. В 521 году до н. э. на

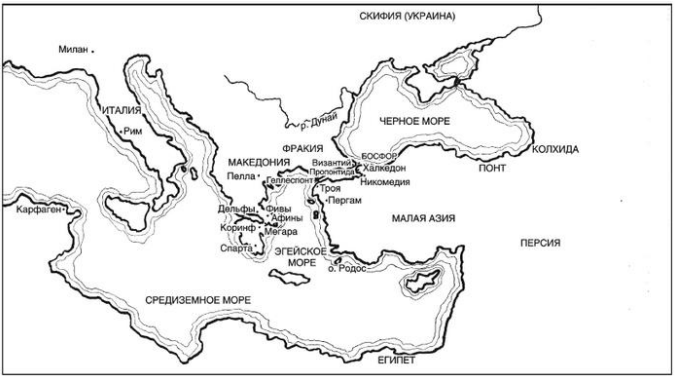
царский трон взошел самый известный персидский правитель — Дарий I. Покорив все соседние азиатские земли и Египет, завоеватель обратил свой хищный взор на Европу.

В 513 году до н. э. армия Дария вторглась во Фракию (область к северу от Эгейского моря) и подчинила ее земли вплоть до реки Дунай. По пути, преодолев воды Босфора, персы покорили и Византий.

Над греческими территориями, расположенными к югу от Фракии, нависла смертельная угроза. И вскоре между персидскими войсками Дария и греческими городами действительно разразилась война. В общей сложности, затухая и разгораясь с новой силой, противостояние длилось почти два столетия[3].

[3] Примечания: 3

Подробно о греко-персидских войнах рассказывается в моей книге «Греки» (1965). *(Примеч. авт.)*



Карта 2. Византий и Древний мир

В течение всей затяжной войны Византий играл исключительно важную роль. Контролируя город, греки бесперебойно получали продовольствие и становились заслоном на пути персов.

Перелом в войне наступил в 480 году до н. э., когда Ксеркс I, сын Дария, отправил в Грецию через узкие проливы огромную армию. Против нее выступили греческий флот, состоявший в основном из кораблей афинян, и армия, главные силы которой составляли воинственные спартанцы.

Греки одержали победы и на суше, и на море: в Саламинском сражении неподалеку от Афин был разбит персидский флот, а в следующем, 479 году до н. э. в сорока километрах к северо-

западу от Афин в битве при Платеях потерпела поражение и персидская армия.

Теперь войска греческих городов перешли в контрнаступление. Афиняне на своих кораблях освободили греческие города на восточном побережье Эгейского моря. Спартанский царь Павсаний[4] повел армию победителей на север. В 477 году до н. э. он изгнал из Византия гарнизон персов и занял город. Так греки вернули себе контроль над перекрестком путей между Востоком и Западом.

И тут жизнь Павсания неожиданно круто изменилась. Персы перешли к новой тактике. Они поняли, что силой оружия им не победить, поскольку вооружение и действия греков на поле боя показали себя гораздо лучше, и пустили в ход золото. Решение оказалось беспроигрышным: персы были богаты и щедры, а греки — бедны и корыстолюбивы.

Приняв дары от персов, Павсаний не думал скрывать окружавшую его роскошь. А вскоре обострились и разногласия между греческими городами: пока Персия представляла собой смертельную угрозу, Афины и Спарта поддерживали

[4] Примечания: 4

Павсаний был регентом при малолетнем царе Спарты, сыне Леонида; командовал объединенным войском греческих городов. *(Примеч. пер.)*

друг друга, а как только была одержана победа, каждый город стал заявлять о своем превосходстве.

Воспользовавшись слухами о том, что персы подкупили Павсания, Афины нанесли Спарте удар. В 476 году до н. э. флот афинян под командованием Кимона выбил силы Павсания из Византия. Поскольку преступление Павсания не вызывало сомнений, он был предан суду по обвинению в государственной измене. Так контроль над Византием получили Афины.

Афины очень рассчитывали на свое новое владение. Самые неплодородные во всей Греции земли не могли прокормить многочисленное население Афин, отчего город зависел от поставок продовольствия из других стран. Теперь афинянам приходилось содержать сильный флот, чтобы охранять Византий и проливы, которые стали своего рода их дорогой жизни. В течение целого столетия каждый предпринимаемый афинянами шаг оценивался с точки зрения безопасности пути в Черное море.

На некоторое время Афины превратились в самый сильный город-государство Греции; Спарта, конечно, оспаривала первенство афинян. Неудивительно, что в конце концов дело

дошло и до военных действий. Война двух полисов, получившая название Пелопоннесской, началась в 431 году до н. э. и продолжалась с переменным успехом и интенсивностью в течение жизни целого поколения[5]. Все это время Афины прочно удерживали контроль над Византием, а происходившие время от времени восстания не имели успеха, пока флот афинян главенствовал на море.

Но к 405 году до н. э. силы Афин окончательно истощились. Единственное, что у них оставалось, — это флот, который отчаянно защищал дорогу жизни, день и ночь патрулируя проливы. Между тем у спартанцев, имевших благодаря золоту персов неограниченные возможности, в это время появился, пожалуй, единственный за всю историю Спарты выдающийся флотоводец — Лисандр. Ему удалось неожиданно напасть на корабли афинян. Это произошло в Геллеспонте у устья реки Эгоспотамы, в двухстах километрах к юго-западу от Византия, когда афинские корабли без экипажей и надлежащей охраны стояли у берега.

Атака спартанцев оказалась внезапной, и афи-

[5] Примечания: 5

Пелопоннесская война, называемая также Первой или Малой Пелопоннесской войной, продолжалась с 431 по 404 г. до н. э. *(Примеч. пер.)*

няне не смогли отвести свои корабли в море. Из ста восьмидесяти судов лишь двадцать смогли уйти невредимыми. После потери флота и перекрытия дороги жизни Афинам не оставалось ничего, кроме капитуляции. Правда, Спарта недолго оставалась в Греции хозяином положения, хотя и держала в этот период в Византии свой гарнизон.

Искусство управления никогда не считалось сильной стороной спартанцев. Отличные воины, они не умели организовать мирную жизнь. Получив власть, они погрязли в коррупции, а беспардонным поведением лишь настраивали против себя народы, которыми пытались править.

Постепенно оправились от поражения и Афины. Хотя вернуть могущество, которым они обладали до Пелопоннесской войны, не удалось, но создать сильный флот и предпринять ряд попыток отвоевать прежнее жизненное пространство они все же смогли. В 389 году до н. э. на севере, в районе проливов, сорок кораблей афинян под предводительством Фрасибула дали бой флоту спартанцев, разбили его и вытеснили противника. Византий вновь перешел под контроль афинян.

Но, как оказалось, не надолго. На беду, греки не умели объединяться. Между тем продолжать жить в городах-государствах, свободных и равных, в окружении более крупных как по территории, так и по численности населения стран, постепенно становившихся все более искушенными в ратном деле, более не представлялось возможным. Тем более когда они попусту растрачивали свои силы в постоянных междоусобицах.

Тем не менее меняться греки не собирались. Им недоставало умения предвидеть развитие событий и готовности жертвовать частью суверенитета ради общего блага. При этом ни один из полисов не обладал достаточной мощью, чтобы навязать другим свою волю. Более того, со временем усилилась тенденция распада существующих объединений. В 356 году до н. э. Византий последовал примеру других городов и вышел из союза, сформированного Афинами; в следующем году Афины признали его независимость. Впервые более чем за сто пятьдесят лет город на берегах пролива обрел настоящую свободу.

Приход македонян

Однако так было не долго. В то время как Византий боролся за независимость, в расположенном к северу от Греции Македонском царстве развернул бурную деятельность недавно занявший престол царь Филипп II.

Он произвел множество перемен в государстве, собрал и обучил великолепную армию, в которую вошли вооруженная длинными копьями пехота — так называемая фаланга — и конница, призванная оказывать поддержку фаланге. Обнаруженные в стране золотые месторождения позволили Филиппу получить средства для подкупа политиков греческих городов-государств.

Благодаря искусным интригам Филиппа, его умению распорядиться золотом и отлично организованной армии Македонии удалось рас-

пространить свое влияние на весь север. Однако покорились Македонии далеко не все. Например, упертые фиванцы удивили греческий мир тем, что в 371 году до н. э. наголову разбили войско спартанцев и стали в Элладе доминирующей силой. Не подчинились Македонии и Афины, так и не восстановившиеся после ужасного поражения, но по-прежнему пользовавшиеся авторитетом за великие подвиги прошлого.

Между тем Филипп мастерски разыгрывал свою партию. Он не предпринимал широкомасштабных действий, которые могли бы вызвать активное сопротивление, а, усыпляя бдительность Афин и Фив, продвигался к цели еле заметными для противника шагами. В какой-то момент афиняне с удивлением обнаружили, что Филипп уже контролирует значительную часть северных территорий, даже не предоставив им случая перейти к решительным ответным действиям. Опасность распознал один лишь афинский оратор Демосфен[6], но ему не удалось передать свою озабоченность гражданам Афин.

---

[6] Примечания: 6

Демосфен (ок. 384–322 до н. э.) — афинский оратор, вождь демократической антимакедонской группировки. Призывал греков к борьбе против захватнической политики Филиппа II (речи против него — «филиппики»); добился создания антимакедонской коалиции греческих полисов; после подчинения Греции Македонией отравился. *(Примеч. пер.)*

В 342 году до н. э. Филипп почувствовал, что готов совершить бросок на Восток, во Фракию, населенную племенами варваров, которые под твердой рукой Филиппа могли стать отличными солдатами. А за Фракией, в пятистах километрах от македонской столицы Пеллы, находился Византий и вожделенные проливы.

Овладев Византием (не важно — хитростью или силой), Филипп перекрывал «линию жизни» афинян и без особого труда становился хозяином всей Греции. Более того, контролируя Византий, он мог повторить путь Дария I, только в обратном направлении — расчистить путь между континентами и выйти на просторы Азии. Амбиции Филиппа не знали границ, и он вполне серьезно намеревался войти в Персию и взять под контроль как можно больше земель некогда великой, а ныне переживавшей упадок империи.

Началась Восточная кампания исключительно успешно. Армии Филиппа заняли Фракию, города северного побережья Эгейского моря и в 340 году до н. э. вышли к окрестностям Византия.

Горожане тут же обратились за помощью к прежним хозяевам, от которых отделились всего пятнадцать лет назад. Афины сразу откликнулись на призыв, хотя в отместку за решительный

выход из афинской конфедерации могли и не делать этого, справедливо полагая, что за все нужно платить. Однако обстоятельства не позволяли действовать по воле эмоций — Византий контролировал пути транспортировки зерна, а за это стоило побороться. Афины направили на север свой флот и спасли защитников города от голодной смерти. Поскольку у Филиппа флота не было, Византий он взять не мог. Предпринималась попытка атаковать город ночью, но нападавших выдала яркая луна, и солдаты Филиппа отступили. Фракию царь удержал, однако получить контроль над проливами так и не сумел.

Победители ликовали: им удалось дать отпор самому Филиппу! Они благодарили покровительницу Византия — Гекату, богиню луны, чей свет спас город. В память о событии была отчеканена монета с изображением символа ночи — полумесяца и звезды, который и в наши дни остается своеобразной визитной карточкой города.

Как бы то ни было, одно поражение Филиппа еще не означало полного разгрома его войск. Неудачная попытка взять под контроль проливы лишь означала, что ему не удалось захватить Грецию малой кровью. Значит, придется воевать по-настоящему. Умелое управление войсками

сведет дело к одной-единственной битве. В 388 году до н. э. у города Херонея (неподалеку от Фив) фаланга македонцев наголову разбила отборные войска фиванцев и обратила в паническое бегство афинян.

Одержав победу, Филипп учредил и возглавил Союз греческих городов. Началась подготовка к вторжению в Персию, но перед самым походом македонский царь пал от рук убийц. Дело отца продолжил сын — знаменитый Александр Македонский (Великий). Александр завоевал все Персидское царство и распространил греческую культуру по всей Западной Азии, доминирующие позиции которой сохранятся в регионе на протяжении более тысячи лет.

В 323 году до н. э., сразу после смерти Александра, соперничающие друг с другом полководцы начали растаскивать великое царство по кускам. Не избежал этой участи и Византий, неоднократно переходя из рук в руки. Однако все было не так плохо, как может показаться на первый взгляд. При всей бессмысленности и затратности междоусобиц правление македонян (полководцев, а затем и царей) обеспечило в этот период греческим полисам сохранение некоторой самостоятельности. В целом выходило, что

теперь города жили гораздо лучше, чем во времена независимости. Так, Византий сохранил статус свободного города и, в отличие от остальной части греческого мира, где создавшееся положение иначе как катастрофой не назовешь, переживал период невиданного развития и подъема.

В 280 году до н. э. с севера на Грецию обрушились кельтские племена галлов. Они захватили Македонию, убили очередного военного, который только что объявил себя царем, и за два года ввергли страну в анархию и разруху. В 278 году до н. э. галлы оказались уже в Малой Азии; справиться с ними удалось только через полвека.

В непростые времена кельтского нашествия Византию удалось избежать разрушения лишь благодаря баснословным подношениям галлам. Несколько раз приходилось отдавать последнее, лишь бы откупиться от окруживших город племен. Потери компенсировались чрезвычайно высокими пошлинами за проход через проливы, а непомерные сборы объяснялись кельтской угрозой.

Наверное, можно понять, в каком сложном положении оказался Византий, но едва ли от этого легче жилось торговому люду и населению, страдавшему от роста цен на хлеб. Одним из

греческих городов-государств, резко осуждавших действия Византия, был Родос. Он располагался на острове в юго-восточной части Эгейского моря, в пятистах шестидесяти километрах к югу от Византия. Благодаря островному положению и наличию сильного флота в годы после смерти Александра Великого городу удалось отбить все атаки македонских полководцев и остаться действительно свободной греческой территорией.

Родос жил торговлей и, чтобы обеспечить свободу мореплавания, боролся и с пиратами, и с сухопутными центрами силы, которые препятствовали развитию торговли, вводя несправедливые пошлины и ограничения. Сборы Византия именно такими и были. Несмотря на то что угроза галльского нападения с годами становилась все более призрачной, а в 232 году до н. э. вообще перестала существовать, пошлины за проход через проливы оставались заоблачными.

Используя превосходство своего флота, жители Родоса решили наказать монополиста. В 219 году до н. э. они нанесли поражение защитникам Византия и не просто потребовали снижения сборов, а добились их полной отмены. Между тем Византий не остался без средств к существованию. Как признанный центр торговли город

зарабатывал хорошие деньги.

Приход римлян

К этому времени в Средиземноморье начало ощущаться влияние еще одного центра силы. На Апеннинском полуострове постепенно и на первый взгляд почти незаметно стал возвышаться Рим. К 202 году до н. э. он одержал победу над большим торговым городом Карфагеном и занял главенствующее положение в Западном Средиземноморье (правда, перед этим Рим сам оказался на грани катастрофы)[7]. Если бы македонские монархии объединились, они могли бы блокировать Рим и не позволить ему расширять свои территории. Однако, подобно греческим городам,

[7] Примечания: 7

Более подробно об этом и о других событиях ранней истории Рима вы можете прочитать в моей книге «Римская республика» (1966). *(Примеч. авт.)*

они, похоже, предпочитали воевать между собой и покориться Риму поодиночке.

В 192 году до н. э. Рим начал войну с крупнейшей македонской монархией — империей Селевкидов, занимавшей значительную часть азиатских земель, прежде принадлежавших Персии. Рим вышел из войны победителем, и в 190 году до н. э. войско римлян впервые высадилось в Малой Азии. Удача и здесь сопутствовала римлянам, и влияние Рима заметно выросло.

В 133 году до н. э. умер, не оставив наследников, пергамский царь Аттал III. Свое царство, лежавшее в западной части Малой Азии, он оставил Риму, который впоследствии превратил его в свою азиатскую провинцию. Прочие царства Малой Азии, еще со времен Александра Великого объединенные греческим языком и культурой, стали послушными марионетками Рима, отличаясь лишь степенью своего падения. Сопротивлялось лишь Понтийское царство на северо-востоке полуострова, но в итоге сдалось и оно. К 62 году до н. э. римский полководец Помпей превратил все некогда самостоятельные царства Малой Азии и Сирию в римские провинции или зависимые государства во главе с царями-приспешниками Рима.

Византий тоже оказался под пятой римлян. В действительности правящая верхушка сама давно пошла на сближение с Римом, видя в нем защитника от греческих и македонских царств, заинтересованных в первую очередь в низких пошлинах.

Конечно, вполне предсказуемо, перемены никак не сказались на размере пошлин. Римляне сами были вынуждены их платить, а потому стремились к сокращению издержек. В итоге Византию позволили остаться «свободным городом», то есть разрешили жить по своим законам, но с условием, что эти законы не будут идти вразрез с интересами Рима. Следить за выполнением условия отряжались специальные назначенцы. Более того, Византий платил Риму налоги и не мог самостоятельно принимать решений о контактах с другими частями римского мира.

Безусловно, получил кое-что взамен и Византий. По мере того как римское господство все шире распространялось на страны Средиземноморья, в регионе становилось спокойнее. Поутихли бесконечные распри и борьба за главенство в регионе. Вопрос был решен — доминирующей силой стал Рим.

Однако необходимо упомянуть и о пятидесяти-

летием периоде гражданской войны, всколыхнувшей римский мир в I веке до н. э., который закончился в 31 году до н. э. При Октавиане, внучатом племяннике Юлия Цезаря, прежние республиканские институты Рима претерпели реорганизацию, и была создана Римская империя. Ее первым императором стал Октавиан, взявший себе имя Август.

На протяжении последующих двух веков все Средиземноморье, в том числе и Византий, жили в обстановке почти полного мира. Никогда прежде, да и позже тоже этому региону не удавалось так долго жить без войн. Были, правда, сражения на границах империи, восстание в Иудее, а в 68 и 69 годах[8] — борьба за власть после смерти императора, но все это были почти не заслуживающие внимания эпизоды, так сказать, легкая рябь на водной глади истории.

Наряду с некоторыми другими странами греко-говорящего мира Византий по-прежнему обладал определенной автономией. В частности, мог выбирать своих правителей — по крайней мере, в

[8] Примечания: 8

Даты событий, произошедших после Рождества Христова, то есть относящихся к новой эре, можно обозначать «и. э.», однако в книге мы не будем этого делать. Например, говоря о 400 годе до нашей эры, напишем «400 год до н. э.», а о 400 годе нашей эры просто — «400 год». *(Примеч. авт.)*

первое столетие существования империи. Однако со временем пришел конец и этому «мягкому сепаратизму». Все острее вставала задача унификации экономики и социальной сферы составных частей империи, с тем чтобы государство могло дать отпор врагам, не дремавшим у ее границ.

Например, на восток от Малой Азии и Сирии располагались обширные территории восточной половины прежней Персидской империи. С закатом Македонской империи местные власти здесь заметно окрепли. При двух династиях персидских царей — Аршакидах (в их правление страна называлась Парфянским царством) и Сасанидах (они возвратили стране прежнее название — Персия) — в течение семи столетий этот район постоянно беспокоил Рим[9].

Когда Рим, чьи экспансионистские устремления заметно пошли на спад, попытался собраться с силами и дать отпор Парфии, вдруг выяснилось, что даже номинально свободные города на Востоке — это потенциально слабое звено управленческой системы. Правивший в 69–79 годах император Веспасиан положил этому конец. Руководствуясь интересами обороны, он сделал

[9] Примечания: 9

Более подробно о землях к востоку от Римской империи можно прочитать в моей книге «Ближний Восток» (1968). *(Примеч. авт.)*

все островки самоуправления составными частями Римской империи. Реформа затронула и Византий. Объявляя горожанам о том, что город перестает считаться свободным, он с некоторой долей презрения заявил: «Вы забыли, что значит быть свободными».

Он был прав, хотя о вине города здесь можно говорить лишь отчасти. В течение двух столетий Византий пользовался лишь номинальной свободой. Фактически его независимость была пустым звуком. Когда же Веспасиан отобрал у города «свободу», он на самом деле лишил его лишь призрачной независимости.

Не важно, имел Византий независимость или нет, но в период установившегося в Римской империи мира богатый торговый город процветал, а его жители даже забыли слово «война». Вероятно, учителя рассказывали школьникам о великой осаде города Филиппом Македонским и о том, как удалось ее ликвидировать, однако с тех пор прошло уже пять веков, лишенных каких-либо героических событий.

И вот наступил роковой 192 год — император Коммод был убит, а Римскую империю сотрясали схватки претендентов на престол. Вскоре их осталось трое: на западе страны — Клодий Аль-

бин, в центральных районах — Септимий Север, на востоке — Песценний Нигер. Все они были командующими армиями, и, что таило особую опасность, силы их войск оказались равны.

Самым решительным и территориально ближайшим к Риму оказался Септимий Север. В 193 году он вошел в город и провозгласил себя императором. Альбину и Нигеру это, естественно, не понравилось. Главная опасность исходила от Нигера — признанного полководца, который контролировал восточную, наиболее процветающую треть империи. Под его властью находился Египет, откуда Рим ввозил большую часть продовольствия. Поведи Нигер игру более расчетливо, он, вероятно, стал бы императором сам.

Но Нигер успеха добиться не смог. Возможно, переоценил свои силы. А предприимчивый Север уже через тридцать дней пребывания у власти оставил столицу и выступил в направлении Византия, который Нигер считал своим оплотом.

Север приказал одной из частей своей армии осадить Византий, а с основными силами направился в Малую Азию, где планировал разбить войска Нигера. В 194 году армия Севера трижды сражалась в Малой Азии с противником и каждый раз одерживала победу. Наконец Северу

удалось схватить и обезглавить Нигера.

Однако эта победа не означала, что Север покончил и с Византием. Много столетий назад Виза не ошибся — сама природа защищала город в бухте Золотой Рог, заметно осложняя задачу захватчикам, в том случае если его жители действительно собирались стоять насмерть. Так, без помощи извне небольшой город противостоял империи целых два года.

Возможно, лучше было бы сдаться сразу, но городские власти не ждали от мрачного Севера ничего, кроме смерти, и потому надеялись, что некие привходящие неприятности (ведь у Альбина еще были войска на западе) отвлекут его внимание от Византия и вынудят предложить приемлемые условия сдачи.

Однако надежды не сбылись. Север продолжил осаду и не позволил Альбину рассредоточить его главные силы. В 196 году Византий признал свое поражение и подвергся жестокому разграблению: виднейшие горожане были убиты, а оборонительные стены разрушены до основания. Византий лишился статуса города и низводился до уровня деревни. На следующий год досталось и Альбину — его войска были полностью разбиты.

Империя продвигается на Восток

Византий долго не мог прийти в себя от катастрофы. Север, правда, в знак раскаяния и примирения приказал отстроить город заново, но медленное возвращение к былому процветанию прервалось пятидесятилетней анархией, которая охватила всю империю после убийства в 325 году Александра Севера, внучатого племянника Септимия Севера.

Хаос позволил племенам варваров и вполне цивилизованным соседям проникать в страну и безнаказанно убивать и грабить. Так, Балканы часто подвергались набегам германских племен готов, а Малая Азия — военным рейдам персов.

Возрождение империи наступило, когда в 284 году к власти пришел Диоклетиан. Он восста-

новил почти умершую экономику страны, при этом основные усилия сосредоточил на более богатой и урбанизированной восточной половине империи. Во главе западной части империи он поставил своего соправителя.

Диоклетиан отдавал предпочтение Востоку во многом потому, что сам родился в Диоклее — небольшой деревеньке, от названия которой и было образовано имя нового императора, — в настоящее время это территория Югославии. Он не любил Рим, а единственный раз, когда он посетил его в качестве императора, оказался крайне неприятным. Кроме того, богатому Востоку угрожало значительно больше опасностей: процветающие города, которых там было довольно много, манили готов и персов. Бедные и малонаселенные провинции Запада же не были столь привлекательны для приграничных племен варваров.

Исходя из этих соображений Диоклетиан восстановил оборонительные сооружения Византия, сделав их такими же мощными, как и век назад, до того, как их разрушил Септимий Север. Диоклетиан занимался этим не из благотворительности, а для того, чтобы противостоять племенам готов. Из всех крепостей Византий оказался самой

неприступной. В свое время это уяснили и Филипп Македонский, и Септимий Север.

При Диоклетиане центр империи сместился к Востоку: столицу, а вместе с ней и двор перенесли в Малую Азию, в Никомедию — город, расположенный в самой восточной точке побережья Пропонтиды, примерно в семидесяти километрах к востоку от Византия.

В течение почти половины столетия Никомедия оставалась одним из важнейших центров империи. Несмотря на то что неприятности не оставляли империю, в целом обстановка уже не напоминала прежнюю анархию. Правда, после отречения в 305 году Диоклетиана от престола последовал период яростных схваток претендентов на корону. Вскоре из их общей массы выделился и постепенно начал набирать силу Константин I.

К 312 году Константин I стал императором западной части империи со столицей в Милане — городом на севере Италии. Восточной же половиной империи в то время правил Лициний, его столицей была Никомедия. Между собой императоры поддерживали шаткий мир, достигнутый в результате «встречи на высшем уровне» в Милане, когда Лициний согласился жениться на сестре Константина. Время от времени мир нару-

шался, между императорами возникали трения и даже небольшие войны. А в 324 году произошел окончательный раскол, и императоры решили добиваться в стране единоличного правления.

Константин решительно продвинулся в восточном направлении, и вскоре две армии встретились около Адрианополя, в двухстах десяти километрах к западу от Византия. У Лициния было два преимущества: флот, значительно превосходящий флот Константина, и более удачные с точки зрения обороны позиции. Но он не сумел должным образом использовать флот и позволил Константину вытеснить его силы с занимаемых позиций. В последовавшей за этим битве пять тысяч лучников Константина зашли в тыл армии Лициния и разбили его войско. Это произошло 3 июля 323 года.

С остатками армии Лициний укрылся за стенами Византия, и вновь, почти через полтора столетия после Септимия Севера, римский император осадил город.

Если бы даже в тот момент Лициний использовал корабли, он все еще мог одержать победу, но Константин, понимавший важность преимущества на море, укрепил флот и под командованием своего старшего сына отправил на врага. Кораб-

ли Константина прорвали блокаду Лициния и открыли торговые пути в Черное море. Это дало Константину возможность обеспечить свое войско продовольствием и лишить его Византий.

Лицинию с небольшим отрядом удалось выскользнуть из города и добраться до Малой Азии, где он собрал еще одно войско. Константин не снимал с Византия осаду, а несколько пленных из числа приближенных воинов Лициния использовал для поимки противника. 18 сентября у Хризополя, расположенного через Босфор от Византия и чуть к северу от Халкедона, состоялась решающая битва. Победа вновь была на стороне Константина. Лициний опять уцелел, но на следующий год был пойман и казнен[10].

Константин стал единоличным правителем Римской империи. Византий сдался на милость победителя. Однако на этот раз город не разрушили. Наоборот, у Константина были особые планы

---

[10] Примечания: 10

Через подземный ход Лициний бежал вместе с семьей и золотом в Никомедию. Оттуда послал к Константину свою жену Констанцию, чтобы она вымолила для него жизнь. Константин согласился сохранить жизнь своему зятю, но взял с него клятву, что тот никогда не будет претендовать на трон. Лициний поклялся и был отправлен на вечную ссылку в Солунь. Однако вскоре начал вести тайные переговоры с вождями северного племени готов, чтобы с их помощью захватить власть. Один из вождей донес об этом Константину, и в 325 году Лициний был казнен. *(Примеч. пер.)*

на этот счет — Византий ждали невероятные перемены.

Глава 2
Столица Востока

Город Константина

Император Константин славился тем, что его необычные идеи обязательно претворялись в жизнь. Не обошли они стороной и религию. За три столетия до Константина в Иудее жил известный проповедник Иешуа (по-гречески Иисус). Часть евреев провозгласила его Мессией (или, по-гречески, Христос), царем иудейским, чей приход был предсказан еще пророками древности. Римляне распяли Христа на кресте, а последователей, продолжавших верить в его божественную сущность, стали называть христианами.

При Павле[11] они активно проповедовали и обращали в христианство не только евреев, но и язычников, причем наибольшего успеха добились как раз со вторыми. Несмотря на то что временами римские власти преследовали новую секту, постепенно число ее сторонников и влияние росло. Последний и самый тяжелый период гонений пришелся на правление Диоклетиана. Но тяжкие испытания не отвратили новообращенных, а лишь укрепили их в своей

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду святой апостол Павел (ок. 10–67 н. э.). *(Примеч. пер.)*

вере. К 300 году христиане Римской империи представляли собой устойчивое меньшинство населения, жившего главным образом в городах.

Константин понимал, какую силу набирают фанатично преданные своей вере христиане. Язычники же, «молчаливое большинство», как правило, были пассивны, а жили разрозненно и на селе, что отнюдь не способствовало реализации замыслов императора. Константин принял решение делать ставку на христиан и воспользоваться их помощью.

Именно поэтому на встрече с Лицинием в 313 году он настоял на издании совместного эдикта о веротерпимости, который освобождал христиан от всех ограничений и давал им полную свободу вероисповедания. Однако Лициний по-прежнему сочувствовал язычникам, и через некоторое время именно его антихристианские шаги Константин использовал в качестве предлога для последней войны между двумя императорами. Константин стал первым императором-христианином (хотя крестился лишь на смертном одре), а позднее историки церкви почтительно назвали его Константином Великим.

Он переустроил экономическую жизнь империи; добился стабилизации национальной

валюты; отчеканил новую золотую монету, которая в первоначальном виде — и по весу, и по содержанию благородного металла — просуществовала в течение многих столетий, когда в Западной Европе монеты практически исчезли из обращения. Купцы всей Европы доверяли валюте Константина и его последователей, свободно принимали ее, способствуя развитию торговле империи и в значительной степени — ее процветанию.

Но Константин не ограничился смелыми реформами в сфере религии и экономики. После победы над Лицинием он обосновался в Никомедии, куда столицу перенес еще Диоклетиан. Но в ознаменование возрождения империи Константин желал построить новую столицу.

Некоторое время он присматривался к Трое — городу, разрушенному греками пятнадцать веков назад и воспетому Гомером в «Илиаде», самой знаменитой эпической поэме всех времен. Для древних творение Гомера было сродни Библии, а сами римляне считали, что ведут свой род от троянца, одного из героев давней войны. (Это — легенда, не основанная на исторических фактах.)

Однако практические соображения взяли верх. Местоположение Трои (на выходе из про-

лива в Эгейское море) не могло сравниться с уникальным положением Византия (на выходе из пролива в Черное море). Константин лично убедился в этом при осаде Византия — город находился ровно посередине между наиболее беспокойными границами: с готами на Дунае и с персами на Евфрате. В случае беды прочные стены Византия, большое войско и боеспособный флот Константина делали город абсолютно неуязвимым. (Впоследствии это неоднократно подтверждалось на практике.)

Итак, Константин решил сделать из Византия новую столицу. На протяжении всей своей долгой истории город оставался лишь местом бойкой торговли — здесь не процветали науки или искусства. Жители его не отметились героическими подвигами и не явили миру выдающихся личностей. До Константина Византий был торговым центром, не более того.

Император не был сторонником полумер, он предпочел убрать все лишнее и начать с нуля. Территория, которую предстояло обнести оборонительной стеной, в его плане оказалась гораздо больше прежней. Стало понятно, что Константин вознамерился построить город не меньше Рима, а именно — «новый Рим». Он и расположил его

на семи холмах.

Строительство градообразующих сооружений проводилось по римскому образцу: форум, здание сената, дворец. Для увеселения горожан выстроили ипподром, главным образом там устраивали состязания колесниц. Возвели новый ипподром на месте старого, сооруженного еще Септимием Севером, когда тот пытался загладить вину и восстановить разрушенный им город. По размеру ипподром Константина был больше и выглядел действительно по-имперски: более четырехсот пятидесяти метров в длину и около ста пятидесяти — в ширину. Размещалось на нем шестьдесят тысяч человек.

Изобразительное искусство империи давно пребывало в застое, но Константину, вероятно, и не нужны были новые произведения. Он хотел сохранить характерные черты прошлого, поэтому для украшения своей столицы приказал свезти из разных мест все самые лучшие скульптуры и живопись. Из Афин забрали даже статуи, созданные семьсот лет назад в золотой век античного искусства. Театры, бани, церкви, резервуары для воды, амбары — все это было выстроено рабами. (Благочестивые сказки верноподданных хроникеров следующих веков описывали разнообразные чу-

деса — например, что орлы приносили камни и мерную ленту, но мы не ошибемся, предположив, что вся эта работа была сделана руками рабов.)

В город всячески привлекали население из других мест. Наконец, Константин решил перевести в Византий императорский двор, и желающие получить должность, высокое положение в обществе или открыть прибыльное дело устремились в новую столицу.

Последний штрих, завершающий создание облика обновленного города, был нанесен 11 мая 330 года. На площади, созданной по образцу римского форума, установили колонну со статуей бога солнца Аполлона наверху. Естественно, Константин не мог допустить, чтобы над площадью царила фигура языческого бога. Он нашел выход из положения — приказал отбить Аполлону голову и заменить ее своей. Как только статую установили на колонну (ей было суждено оставаться там почти восемь столетий), собравшаяся толпа стала бурно приветствовать правителя и читать молитвы. Этот день считается официаль-

ным днем провозглашения новой столицы[12].

Так закончилась история Византия. Всего тринадцать лет не дотянул город до своего юбилея — тысячелетия со дня основания. На его месте теперь стоял «новый Рим, город Константина». Более тысячи лет он официально назывался «новым Римом» и был всем известен как «город Константина»: по-гречески — «Константину полис», по-латыни — «Константинополис», по-русски — «Константинополь». Именно под этим именем старому Византию суждено будет стать самым знаменитым городом эпохи, самым большим, богатым и культурным центром цивилизации.

Но и Византий не исчез бесследно из словаря истории. Новая монета, выпущенная в обращение Константином, на Западе получила название «византин» — по старому имени новой столицы.

[12] Примечания: 12

Автор несколько сгущает краски: статуя Константина на римской колонне из храма Аполлона появилась лишь после его смерти; судьба же колонны действительно драматична, о чем будет рассказано далее. *(Примеч. пер.)*

Константин и религия

Признание Константином христианства имело важное значение и для римского права — император пересмотрел его с точки зрения христианских воззрений. Было отменено распятие на кресте (по вполне понятным причинам) в качестве меры наказания. Он также отменил бои гладиаторов, которые у многих вызывали ассоциации с мучениями первых христиан. Закон стал благосклоннее смотреть на вещи, одобряемые христианством (например, обет безбрачия), и жестче к тем, которые оно порицало (например, разводы).

Начало проявляться и отношение императора к язычеству. Так, он наложил запрет на установку собственных статуй в языческих храмах и отменил изображения языческих богов на мо-

нетах. Наказанием за нарушения становилось изъятие имущества языческих храмов в доход государства.

Между тем признание Константином христианства и строительство новой столицы в итоге оказали важное влияние на саму религию. Являясь защитником и владыкой христианской части населения, Константин I понимал, что как император он обязан помочь определиться с тем, каким должно быть истинное христианское учение.

Его не только не смущало то, что он может не обладать соответствующей квалификацией для решения тонких теологических проблем, он даже не задумывался об этом. В конце концов, христианином он стал не благодаря увещеваниям некоего миссионера, а, как он сам рассказывал, после того, как увидел не небе крест. (Крест стал в христианстве общепринятым символом всего за несколько лет до видения.) Император не сомневался в толковании знамения: веру он принял непосредственно от Господа, а значит, получил божественное вдохновение. Говоря о практической стороне вопроса, заметим, что в языческий период римский император являлся «главным понтификом», то есть главой офици-

альной государственной религии. Константин же решил перенести эту традицию на современный период, считая, что теперь он станет главой христианской церкви.

Ранее Диоклетиан уже произвел некоторые изменения, связанные с положением императора. Его статус был заметно подкреплен восточной пышностью и сложными ритуалами, в значительной степени позаимствованными у врагов-персов. (Главенство императора в религии являлось неотъемлемой частью персидской государственной системы.) Для особо неверующих имелось немалое количество цитат из Библии, которые можно было использовать для подкрепления теории.

Но, как ни странно, сами христиане не оспаривали эту точку зрения. В течение столетий они были разделены на различные секты, и не было никого, кто мог бы выступать в роли третейского судьи между ними. И все-таки требовалась одна истинная вера и религия, чтобы остальные можно было считать ее вариациями, более или менее отличающимися от истины.

За истинную религию было принято ортодоксальное христианство (от греческого «прямое учение»). Прочие, весьма многочисленные раз-

новидности христианства считались ересями (от греческого «выбор»). Какому учению следовать, каждый христианин решал самостоятельно.

По причине отсутствия третейского судьи разногласия, споры и ожесточенные дебаты между сторонниками разных направлений христианства шли бесконечно и безрезультатно. Теперь же все обратились к императору, надеясь убедить его именно в своей истинности, а затем с помощью государственной машины раздавить соперников-еретиков. Поэтому представители всех направлений христианства согласились с тем, что главой церкви отныне является император. Так был создан прецедент, которому суждено просуществовать на Востоке более тысячелетия и оказать значительное влияние на ход истории[13].

Константину удавалось успешно разрешать сравнительно небольшие церковные споры, когда он являлся императором лишь западной части империи, теперь он был готов взяться за более масштабные задачи.

В период окончательной и победоносной

[13] Примечания: 13

Доктрина о контроле императора над церковью получила название «цезарепапизм»; это слово означает, что один и тот же человек является и цезарем (императором), и папой (главой церкви). *(Примеч. авт.)*

схватки Константина с Лицинием Александрию, крупнейший город Египта и центр христианского богословия, сотрясали яростные дебаты. Полемику вели два крупных религиозных деятеля — Арий и Афанасий. Их сторонников называли соответственно арианцами и афанасьевцами.

Попросту говоря, арианцы считали, что Бог имеет высшую силу, а Иисус, даже являясь величайшим из всех живых существ, стоит ниже Бога. Афанасьевцы утверждали, что Бог-Отец, Иисус и Святой Дух — это три разные, но равнозначные составляющие единой Святой Троицы.

Для разрешения спора Константин I созвал собор всех епископов страны; сам он должен был председательствовать на нем и направлять работу собравшихся с целью принятия правильного решения. Поскольку на собор впервые приглашались епископы со всех концов империи, он был назван экуменическим (вселенским) и вошел в историю как I Вселенский собор. Мероприятие состоялось 25 июля 325 года в Никее, в тридцати пяти километрах к югу от Никомедии, тогдашней столице страны.

Собор вынес решение в пользу трактовки Афанасия. Его точка зрения и стала официальной позицией церкви, или католической церкви

(от греческого «единый», «всеобщий»). Отныне сторонников взглядов Афанасия называли католиками. Но арианцы не отказались от своего мнения. На протяжении нескольких веков католики и арианцы существовали параллельно, при этом отношения между ними были враждебными.

I Вселенский собор известен и другими решениями. Во-первых, был создан прецедент, определивший, что право созывать Вселенский собор имеет только император, — возник мощный рычаг воздействия государства на церковь. Во-вторых, собор узаконил неравенство епископов. Ранее все иерархи считались равными, по крайней мере теоретически, теперь же епископы крупных городов получали особые привилегии.

Начнем с того, что епископы Рима, Александрии и Антиохии процветали: три крупнейших города империи имели, кроме всего прочего, и непосредственное отношение к церковной истории. Так, Антиохия стала первым городом за пределами Иудеи, где имелось значительное число христиан; Александрия издавна являлась центром христианской богословской мысли; в Риме, по легенде, первым епископом был сам святой Павел.

Епископов этих городов, используя термин, который в итоге и стал ассоциироваться с ними, стали величать патриархами («главными святыми отцами»). Со временем епископа Рима начали называть просто отцом, по-гречески «паппас», отсюда и римский «папа».

После собора император получил право назначать и смещать патриархов. Этот порядок сохранялся на протяжении всего существования империи и являлся еще одним мощным рычагом влияния государства на церковь.

Естественно, другие города тоже мечтали, чтобы их епископов называли патриархами, но добился этого права только небольшой и малозначительный во всех отношениях Иерусалим.

А как же Константинополь? Город не принимал участия в христианских спорах и во время работы Никейского собора, по сути дела, еще и не существовал. Хотя, конечно, сбрасывать его со счетов тоже было нельзя: все-таки столица — город императора.

Все понимали, что городу предстоит стать новым Римом, отчего он должен пользоваться и всеми привилегиями старого Рима. Константинополь получил своего патриарха, и, поскольку тот всегда имел доступ к императору, главе христи-

анской церкви, было совершенно естественно, что патриарх Константинополя становился выше остальных иерархов.

Патриархии Александрии, Антиохии и Рима, вроде бы по возрасту имевшие право старшинства, конечно, не согласились с таким волевым решением. Самым непримиримым врагом Константинополя по вопросам религиозной доктрины являлась Александрия. Как правило, ее поддерживала Антиохия, а Рим, живший на Западе в изоляции, все чаще и чаще шел собственным путем.

Поскольку в Александрии были сильны позиции афанасьевцев, патриархия Константинополя почти сразу после своего образования встала на сторону арианства. Даже Константин I, несмотря на решения Никейского собора, который сам же и возглавлял, в последние годы жизни все больше отдавал предпочтение именно арианству.

Константин I умер в 337 году не в новой столице, а в Никомедии. Во главе империи стали его сыновья. Восточной частью правил Константин II, который пережил братьев и с 351 года стал единоличным правителем. Ревностный сторонник арианства, он на протяжении четверти века пытался насадить свою веру по всей империи.

Однако безуспешно — против выступили остальные патриархии. Весь Запад, возглавляемый папой римским, твердо отстаивал позиции католичества. Кроме того, в 379 году императором стал Феодосий I, представитель Запада. Он был убежденным католиком, и при нем христианство одержало окончательную победу.

Еще при Константине для язычников наступили тяжелые времена. В 341 году были запрещены жертвоприношения, а в 353-м — закрыты все языческие святилища. При Феодосии их вообще лишили гражданских прав. Так столетие, начавшееся прекращением преследований христиан, закончилось удивительной метаморфозой — гонимые стали гонителями. При Феодосии I католичество официально было признано государственной религией. Под присмотром сурового ока католиков и при поддержке государства язычество и арианство начали ослабевать, а потом и вовсе исчезли.

Империя делится пополам

Между тем на империю обрушилась беда. Из Центральной Азии в Восточную Европу хлынули кочевники — гунны. Германские племена, с которыми им приходилось встречаться, либо были покорены, либо обращены в бегство.

Приближение гуннов приводило в ужас даже вестготов, живших за Дунаем вдоль северной границы империи и когда-то считавшихся проклятием Рима. Теперь они униженно просили позволения пересечь Дунай, где было спокойнее. Римские власти согласились, но при условии, что вестготы переправятся без оружия. В Римской империи они, однако, получили такой недружественный прием, что дело дошло до восстания. Оружие быстро нашлось, и, собравшись вместе,

они даже объединились с гуннами, которые перебрались через Дунай. Так на территории Римской империи внезапно оказалась большая враждебно настроенная армия.

Навстречу выдвинулись римские легионы. Готы по примеру гуннов уже пользовались металлическими стременами, которые были в ходу на просторах Центральной Азии. Эти стремена позволяли всаднику уверенно держаться в седле, обрушиваться на пехоту и наносить удары копьем, не боясь свалиться с коня.

В 378 году у Адрианополя, где за пятьдесят лет до этого Константин одержал победу над Лицинием, войско римлян было наголову разбито конницей германцев. Поражение имело фатальные последствия. Дух римлян был сломлен, и с тех пор при необходимости вести военные действия Рим всегда нанимал германцев. Отныне германские полководцы вели в бой римские армии и в значительной степени держали под контролем государство римлян.

На следующий год императором стал Феодосий I. Ему удавалось придерживаться прежней политики. Фактически он был последним римским императором, единолично правившим всей Римской империей. Но в 395 году он умер; наслед-

никами были два юных сына. По воле Феодосия один стал править восточной частью империи, а второй — западной. Формально Римская империя по-прежнему считалась единым субъектом политики, однако после Феодосия ни один император не управлял всей страной единолично.

Вполне понятно, что два императора в двух столицах, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга, не следовали единой политике. По существу, во главе частей империи оказались противники-интриганы. Именно отсутствие единства способствовало распространению катастрофических бедствий V века.

Государства, которыми после смерти Феодосия I руководили его сыновья, принято называть Западной Римской империей (или Западной империей) и Восточной Римской империей (или Восточной империей). Столицей Западной империи теоретически был Рим, однако фактически императоры за очень редким исключением устраивали свои резиденции в Вечном городе. Обычно они предпочитали жить на севере Италии — в Милане, а позже в Равенне. Восточной Римской империей всегда правили из Константинополя, и в этой книге мы сосредоточим внимание именно на Восточной империи.

Статус первой среди равных принадлежал именно восточной половине империи, о чем свидетельствовал тот факт, что Феодосий оставил ее старшему сыну — Аркадию. В момент смерти отца Аркадию было около восемнадцати лет. Недалекий лентяй, Аркадий не проявлял интереса к государственным делам. Его вполне устраивала роскошная жизнь в стенах дворца, поэтому все вопросы, связанные с управлением страной, он отдал на откуп своим министрам.

Первым министром был германец Руфин, получивший должность по завещанию Феодосия. Это сильно раздражало другого германца, Алариха, который верой и правдой служил Феодосию, командуя отрядом вестготов в римской императорской армии. Аларих считал, что именно ему следовало стать министром и защитником Аркадия.

Недовольный Аларих повел свою армию на Константинополь и стал первым, кто понял, что штурмом город взять нельзя, а единственным способом одолеть его является осада. Аларих отступил от стен Константинополя и направился на юго-запад, в Грецию. По дороге его воины грабили и жгли города, положив начало распространенной практике последующих десятилетий

— безнаказанному мародерству вооруженных отрядов германцев в римских провинциях.

Западная империя могла прийти на помощь, но, к сожалению, между половинами «целого» был спор за контроль над Иллирией — территорией современной Западной Югославии. Обе стороны старалась обратить проблемы другой в свою пользу, но выиграл от этого — третий, то есть Аларих.

В 396 году Восточная империя наконец нашла верное оружие против Алариха. Титулы и деньги сделали свое тайное дело, и, подкупив Алариха, империя указала ему путь дальнейшего следования — Запад. Он ушел из Греции, а затем вторгся в Италию. В 410 году Аларих взял Рим.

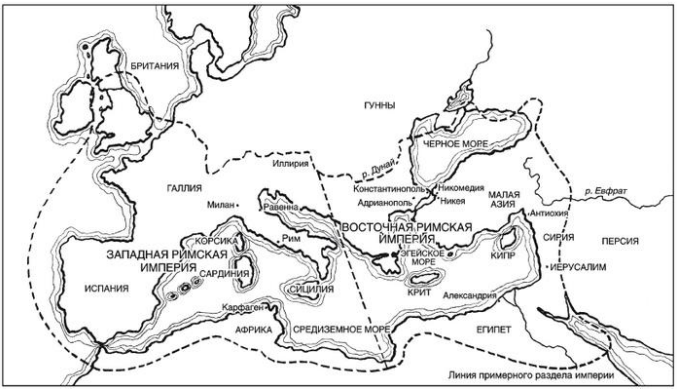
Восточная империя продолжала действовать тем же способом. Обладая значительно большими финансовыми ресурсами, она могла себе это позволить, а ее столица была неприступной. Любой армии варваров было проще взять деньги и отправиться на Запад, чем под стенами Константинополя впустую дожидаться, когда жители сдадут город. Отчасти именно благодаря политике перенацеливания угрозы на Запад Восточная империя оставалась более или менее невредимой, в то время как Западную империю

буквально рвали на куски.

Вот вам пример политической близорукости и эгоизма, ведь, объединись обе части империи против мародеров германцев, Рим вполне мог просуществовать до конца столетия и в итоге дать начало новой цивилизованной римско-германской коалиции, что изменило бы историю мира.

Авторство плана «подкупай и указывай» принадлежит Евтропию, преемнику Руфина на посту главного министра. Евтропий стал первым евнухом, получившим столь заметное влияние в Константинополе.

Практика кастрации мальчиков и преступников возникла на известном своей полигамностью Востоке, где для охраны гарема требовались мужчины, неспособные воспользоваться своим положением. В Константинополе гаремов не было, но евнухи все же пригодились. Поскольку, согласно твердому правилу, евнух не имел права занять трон, а также не мог иметь сыновей, через которых возможно достижение вершин власти, у него не было и явного мотива для организации государственного переворота.



Карта 3. Римская империя в 395 г. после смерти Феодосия I

Более того, кастрация не оказывает негативного влияния на интеллект. Без жены и детей, которые всегда требуют забот и внимания, без интереса к сексу, который отвлекает даже давшего обет безбрачия, евнух мог сосредоточить все силы своего ума на службе государству. Императоры так любили назначать евнухов на придворные должности, что в семьях знати иногда специально кастрировали одного или несколько сыновей, чтобы в будущем обеспечить им хорошее место на госслужбе. (Какой кошмар с позиций сегодняшнего дня.)

Конечно, подобная практика имела и негативные стороны. Большинство мужчин евнухов презирало, а те копили обиды. Имея влияние на императора и особенно на его женщин, они интриговали против тех, кого ненавидели. Более того, оставаясь, по сути, в рамках императорского дворца, они обладали очень узким кругозором. Проводимая ими политика преследовала сиюминутные цели и тоже отличалась узким подходом, например, политика Евтропия, предложившего прибегнуть к подкупу. (Безусловно, были и исключения из этого правила, как это всегда случается при попытке какого-либо исторического обобщения.)

Евтропий устроил брак Аркадия и Евдоксии, дочери чиновника-франка на императорской службе. Цель брака, заключенного всего лишь через три месяца после того, как Аркадий взошел на трон, состояла в том, чтобы помешать Руфину укрепить личную власть, выдав за императора собственную дочь.

Руфин недолго прожил после свадьбы Аркадия, и складывалось впечатление, что Евтропий, действуя через Евдоксию, вот-вот станет полновластным хозяином Восточной империи. Но вышло так, что евнух перехитрил самого себя.

Евдоксия быстро поняла, что у нее, в отличие от Аркадия, сильная воля, что она красива, а Аркадий без ума от нее. Получив в свои руки власть, она больше не нуждалась в Евтропии, который и возвел ее на вершину. Евдоксия добилась того, что его лишили полномочий, а в 399 году сначала изгнали из дворца, а затем казнили.

Имя Евдоксии осталось в истории главным образом за ее ненависть к Иоанну Златоусту, получившему свое прозвище уже после смерти за искушенность в ораторском искусстве и умению воздействовать на аудиторию. Назначенный патриархом Константинополя в 398 году, Иоанн быстро завоевал любовь народа, поскольку направил богатства церкви на устройство больниц и другие благотворительные цели. Он настаивал на неукоснительном соблюдении обета безбрачия священниками и подвергал решительному осуждению безнравственных и лицемерных, был одним из немногих церковных реформаторов, которые действовали в традициях пророков Ветхого Завета. Он осуждал чрезмерное богатство и бедность и даже выступал за отмену рабства (у древних эта точка зрения была неслыханным делом).

Понятно, почему плебс любил Иоанна Зла-

тоуста, а имущие — ненавидели. Сам живший в соответствии с принципами ветхозаветных пророков, в том числе и осуждая правителей за отступления от моральных норм, он сразу же вызвал недовольство Евдоксии. Она вела веселую, распутную, расточительную жизнь, утопая в роскоши, и не терпела осуждений. Зная же наверняка, что патриарх Александрии — враг патриарха Константинополя, она решила столкнуть церковных деятелей между собой.

В 403 году был созван особый Синод (собрание епископов). По сценарию, патриарх Александрии Феофил должен был прибыть в Константинополь и там обвинить Иоанна Златоуста в ереси. Решение о «виновности» было подготовлено заранее. Иоанн Златоуст отказался предстать перед таким судом, после чего был лишен патриаршего сана и отправлен в ссылку.

По стране прокатилась буря народных протестов, и через два дня запаниковавшая Евдоксия была вынуждена вернуть Иоанна в столицу. Однако ход событий лишь укрепил ее в мысли тщательнее готовить почву для ссылки.

Новое заседание Синода состоялось в 404 году. На этот раз в Константинополь ввели отряд германских наемников. Арианская ересь среди

римлян уже не встречалась, а вот германцев в христианство обращали именно последователи Ария. Наемники продолжали исповедовать арианство, отчего им было безразлично все, что происходило с патриархами-католиками. По приказу они были готовы начать расправу над населением, и народ, понимавший свое бессилие, не мог заступиться за своего патриарха.

Иоанна Златоуста отправили в городок на восточном побережье Малой Азии в шестистах пятидесяти километрах от Константинополя. Из этой ссылки его уже не возвращали. В тот же год при родах умерла Евдоксия. Аркадий умер в 408 году.

Тройное кольцо городских укреплений

В год смерти Аркадия его единственному сыну исполнилось только семь лет. Трон он унаследовал как Феодосий II. Новый император, как и его отец, не блистал талантами, но, на счастье, его старшая сестра Пульхерия обладала всеми необходимыми качествами и правила империей на протяжении жизни целого поколения.

Она устроила романтичный брак душки братца с красивой и юной афинянкой Афинаис, воспитанной отцом в традициях античности. Девушка до сих пор оставалась язычницей, что было уже большой редкостью. Однако Феодосию был нужен наследник, а Афинаис казалась столь милой и кроткой, что, по мнению Пульхерии, она могла осчастливить Феодосия, не подвергая опасности ее собственное положение.

Афинаис убедили принять христианскую веру

и новое имя — Евдокия. В 421 году Феодосий и Евдокия поженились, их свадьба была очень веселой и торжественной. Брак оказался счастливым, родилась дочь. Получившая хорошее образование Евдокия писала стихи. К несчастью, она, имевшая большое влияние на мужа и популярность у народа, возжелала получить больше власти, чем Пульхерия была готова ей дать. В 443 году Пульхерия отправила бедную Евдокию в ссылку в Иерусалим, а мягкотелый Феодосий II не осмелился возразить сестре.

При Пульхерии жизнь двора уже ничем не напоминала времена ее матери Евдоксии. Правильная и высоконравственная Пульхерия твердо следовала заветам церкви и впоследствии была канонизирована. Обвинение в отношении Иоанна Златоуста было снято, а в 437 году в Константинополь доставили гроб с его телом. Бывший патриарх был причислен к лику святых, а Феодосий II провел от имени родителей покаянную службу.

Однако это не значит, что Пульхерия ладила с патриархом Константинополя. Несторий был назначен на этот пост в 428 году за красноречие и приверженность ортодоксии. Но если его великолепные ораторские способности ни у кого не

вызывали сомнений, то правоверность Нестория была явно с изъяном. Его идеи о двойной — человеческой и божественной — сущности Христа не укладывались в традиционные представления верующих, а потому оскорбляли слух благочестивой Пульхерии. Они часто ссорились, а Несторий неоднократно выступал с осуждением взглядов правительницы империи.

На примере матери Пульхерия знала, где найти союзника против любого константинопольского патриарха, и обратилась к патриарху Александрии — Кириллу, известному своей твердой позицией в вопросах вероучения. В 431 году в Эфесе, на побережье Малой Азии, был созван III Вселенский собор. Это собрание первых лиц церкви стало одним из самых бурных и скандальных в истории. Поначалу Кириллу удавалось держать ход дискуссий в своих руках, но с приездом новых архиепископов, сторонников Нестория, контроль был утерян. Сам патриарх на собор не явился и не признал его решения правомочными. Между тем его учение было признано еретическим, сам он низложен и отправлен в ссылку в египетскую пустыню.

Следует отметить весьма полезные для государства деяния Феодосия II. Так, в 425 году им

был основан Константинопольский университет — главный центр христианского образования и науки. Важность этого события очевидна, ведь прежде единственным местом обучения являлась Афинская Академия — реликт эпохи языческих знаний и представлений, основанная Платоном еще семьсот пятьдесят лет назад. Кроме того, в 438 году появилось новое собрание законодательных актов, которое получило название Кодекса Феодосия[14].

Хотя Восточная империя и не ощутила в полной мере безжалостность ударов варваров, как Западная, опасения за будущее страны были вполне оправданны. Поэтому одним из главных проектов правления Феодосия стало создание комплекса оборонительных сооружений вокруг Константинополя. Толчком к началу работ послужили события 410 года, когда войско Алариха с легкостью преодолело обновленную оборону

[14] Примечания: 14

Кодекс Феодосия — первый официальный сборник конституций (указов) римских императоров. Содержал конституции (в форме эдиктов, декретов, рескриптов, мандатов) за период 313–437 гг. Состоял из 16 книг, разделенных на титулы и охватывавших уголовное и гражданское право, положения о высших и низших должностных лицах, распоряжения, относящиеся к финансам, положения о военном деле, о правовых отношениях городских общин и сословий, церковное право. В Восточной Римской империи имел силу до появления Кодекса Юстиниана (529 г.), а в Италии до завоевания ее Юстинианом (554 г.). *(Примеч. пер.)*

Рима. По приказу Феодосия предстояло соорудить гораздо более мощные укрепления — тройная крепостная стена должна была прикрывать столицу от бухты Золотой Рог до Эгейского моря.

Строительные работы велись на протяжении жизни целого поколения византийцев — с 413 по 447 год. Перед внешней стеной был выкопан ров шириной около восемнадцати и глубиной почти семь метров. Получалось, что нападавшим для преодоления первой (довольно низкой) крепостной стены под огнем лучников предстояло переплыть водную преграду или соорудить мост.

Преодолев ров и разрушив первую стену, неприятель оказывался перед следующей — высотой более восьми метров, а затем перед третьей, самой высокой и мощной с башнями за двадцать метров высотой, откуда защитники осыпали штурмующих тучами стрел и градом камней из катапульт. За тысячу лет последний рубеж обороны выдержал все удары неприятеля (если не брать в расчет случаи предательства), и сегодня, спустя пятьсот лет после падения Константинополя, даже руины крепости впечатляют своей массивностью.

Во время правления Феодосия II провинции Западной Римской империи подверглись жесто-

кому разграблению германскими племенами, и за пределами Италии император почти не имел реальной власти. Более других преуспели вандалы. Под началом талантливого полководца Гейзериха это племя вторглось в Северную Африку и намеревалось захватить Карфаген. Вандалы уже напрямую угрожали Восточной империи — взяв Карфаген, они оказывались в опасной близости от богатого и слабо защищенного Египта. (В период нашествия варваров III–V столетий Египет оказался единственным местом, которое от них практически не пострадало.)

Западный император обратился за помощью к соседу (императоры были двоюродными братьями), и Феодосий II ответил согласием. Империи объединились для борьбы с общим врагом, и в 431 году флот из Константинополя отправился в западном направлении.

Командовал морскими силами Восточной империи германец Аспар, который прославился десятилетие назад, разбив персидские армии. Однако в противостоянии с вандалами он был менее удачлив. В 434 году мастерство и опыт моряков Гейзериха вынудили корабли Аспара отойти, неся большие потери. А Гейзерих продолжил наступление на Карфаген, взял город и основал в

Северной Африке королевство вандалов, которое просуществовало около ста лет. Тем не менее сражение с флотом Восточной империи убедило Гейзериха не искать неприятностей в той части света, и он принял решение пока не дразнить восточного владыку. В любом случае немалая заслуга в этом принадлежала именно Аспару.

Но настоящие бедствия грозили империи со стороны гуннов. Семьдесят лет минуло с тех пор, как это племя впервые появилось в Европе. Все эти годы они никого не беспокоили, оставаясь в пределах своих владений в Северном Причерноморье, пока в 433 году власть не оказалась в руках энергичного Аттилы. Настойчиво укрепляя свои позиции в государстве, он в 441 году был готов возобновить экспансию. Армия Аттилы переправилась через Дунай и с боями стала пробиваться на юг.

Гунны одержали несколько побед над перепуганными римлянами и продолжали теснить их, все ближе подходя к Константинополю. В 443 году армия Аспара потерпела жестокое поражение под стенами города. Настало время проверить крепость новой оборонительной линии. Неуязвимые на своих судах и косматых лошадях, гунны оказались бессильны перед крепостными стена-

ми — ни перемахнуть, ни разрушить их варвары не могли.

Аттиле пришлось довольствоваться разорением Балкан. Греция занимала крайний юг полуострова, но для империи эти земли значили слишком много, и правительству Феодосия II пришлось пойти по стопам его отца, Аркадия. Аттиле заплатили три тонны золота и обещали выплачивать по тонне ежегодно. За это гунны должны были уйти с Балкан на Запад. Но Аттила не спешил выполнять условия договора. Земли Восточной империи казались ему гораздо богаче, и, как любой шантажист, он рассчитывал получать отступные и дальше. В конечном итоге после гуннов европейские провинции Восточной империи больше походили на пепелище.

В 450 году, на сорок третьем году императорства, Феодосий II умер. Реальный правитель страны, Пульхерия, пережила брата, но нуждалась в формальном главе правительства, через которого могла бы и дальше осуществлять управление империей. Понимая, какую опасность представляют гунны, она остановила свой выбор на шестидесятилетием полководце Марциане. Новый император родился во Фракии, стертой с лица земли ордами гуннов, и потому не испы-

тывал к варварам нежных чувств. Несколько лет он воевал под началом Аспара, был захвачен солдатами Гейзериха и побывал в плену.

Пульхерия могла женить на себе и Аспара, но, к сожалению, тот исповедовал арианство. Это не являлось препятствием для того, чтобы командовать армией или поддерживать незыблемость трона, но императором католиков, не вызвав революционного брожения в массах, он стать не мог.

Марциан же твердостью веры не уступал Пульхерии, и теперь, дополняя один другого, ортодоксальные католики решили вновь поднять вопрос о несторианстве. Дело в том, что, несмотря на осуждение Эфесским собором, учение Нестория по-прежнему имело немало последователей среди духовенства и мирян. Необходимо было нанести ереси последний удар, и в этом вопросе император полностью поддерживал супругу.

В 451 году в Халкедоне, на противоположном от Константинополя берегу Босфора, собрался IV Вселенский собор. (Примерно в то же время в ссылке скончался Несторий.) Заседания собора проходили в строгой и деловой обстановке, не в пример предыдущему в Эфесе. Посетила его и Пульхерия, которую архиепископы встретили

громкими и радостными приветствиями. Несторианство еще раз осудили и объявили вне закона на территории страны. (Учитывая, что ересь не могла исчезнуть в одночасье, было решено отправлять его последователей в изгнание на чужбину — в Персию, Индию и даже Китай.)

Также во время собора были произведены и некоторые иерархические подвижки: епископ Иерусалима стал патриархом, а патриарх Константинополя, признанный в 381 году II Вселенским собором в Константинополе вторым иерархом христианской церкви после папы римского, значительно расширил территорию своего патриаршества. Папа Лев I Великий выступил решительно против усиления позиций константинопольского патриарха, справедливо полагая, что в будущем это решение может быть использовано в борьбе за установление первенства Константинополя над Римом в христианском мире. Так в сражении церковных лидеров двух частей империи, в котором ни одной из сторон не удастся добиться чистой победы, был нанесен первый открытый удар.

Император Марциан оказался порядочным человеком и рачительным хозяином. При нем финансы страны были приведены в порядок, что

сказалось и на содержимом казны под конец его правления. Конечно, продолжай он выплачивать непомерную дань гуннам, заполнить закрома родины вряд ли было бы под силу, а потому, заняв трон, он сразу перестал платить варварам.

Столь дерзкое решение могло привести к непредсказуемым последствиям, не строй Аттила определенные планы в отношении Запада. Он понимал, что на Востоке получил все сполна, тем более что крепостные стены Константинополя останутся неприступными, что бы он ни предпринимал. На Западе же добыча, пусть и победнее, была гарантирована. В 451 году он окончательно и в полной мере решил положиться на тактику «получил и отвалил». Аттила повел своих всадников на Запад, чтобы Восточная империя уже никогда не увидела ни гуннов, ни его самого.

Пульхерия скончалась в 453 году, завещав все свои богатства неимущим. Марциан пережил ее всего на четыре года. После его смерти в 457 году прекратила существование и династия Феодосия I.

Конец Запада

Теперь самым могущественным человеком в Константинополе стал Аспар, уже пожилой предводитель наемного войска германцев. Несмотря на поражения от короля вандалов Гейзериха и гуннов Аттилы, несколько подмочивших его репутацию славного полководца, имея под началом германцев, его власть в городе оставалась неоспоримой.

Не будь Аспар приверженцем арианства, он без проблем сам бы стал императором. С момента своего образования почти пять столетий назад Римская империя не признавала принципа наследования верховной власти или понятия «семьи» первого лица. В принципе императорская должность была выборной. Памятуя о том, что изначально страна была республикой, Августу,

первому императору Римской империи, приходилось сохранять видимость преемственности республиканских традиций.

Хотя нередко сын сменял на троне отца, как, например, Аркадий — Феодосия I или Феодосий II — Аркадия, законом такой порядок закреплен не был. Наследником императора мог стать приемный сын, зять и вовсе не родственник. При отсутствии прямого наследника нового императора выбирали не обязательно из числа родственников. Достаточно было обладать влиянием в одном из центров силы, будь то армия, правительство или даже чернь, и во главе империи мог оказаться любой житель страны.

Такой подход зачастую не только возводил на трон по-настоящему способного и достойного человека, который в ином случае вряд ли был бы замечен, но и провоцировал многочисленные заговоры и перевороты, поскольку любой военачальник или политик (иногда простой крестьянин) мог возомнить себя коронованной особой.

Однако арианство (как и кастрация) было одним из немногих препятствий к занятию трона. Именно поэтому Аспару пришлось искать подходящую кандидатуру среди католиков. Рас-

считывая получить послушное орудие власти, он остановил свой выбор на одном из подчиненных. Так в 457 году императором стал Лев I.

Как и Марциан, Лев I был родом из Фракии и человеком уже преклонных лет — ему исполнилось почти шестьдесят лет. Церемонию коронации проводил сам патриарх Константинополя, и таким образом Лев I стал первым императором, возведенным на престол с непосредственного благословения церкви. Несомненно, это способствовало созданию ореола божественности вокруг императорской власти, и не зря на протяжении всей истории Восточной Римской империи именно император, а не патриарх воспринимался народом как истинный наместник Бога на земле. Так в христианском государстве возникло представление о богоданности монархической власти, которое в свое время окажет серьезное влияние на Запад[15].

Между тем Лев I оказался гораздо более энергичным и независимым человеком, нежели рассчитывал Аспар. Новый император мечтал о

---

[15] Примечания: 15

Статус императора как почти божества не мешал, однако, устраивать против него заговоры, свергать, ослеплять, а иногда и нещадно пытать. Тем не менее правящему императору ореол божественности серьезно добавлял власти и авторитета. *(Примеч. авт.)*

славе, стремился к воссоединению Римской империи и рассчитывал покончить с германскими ордами, заполонившими некогда процветавшие западные провинции.

Наибольшую опасность из новообразований германцев представляло королевство вандалов в Северной Африке, которое империя безуспешно пыталась одолеть при Феодосии II. Королем там по-прежнему был уже семидесятилетний Гейзерих.

В 460 году мало на что способный император Запада снарядил против Гейзериха флот и потерпел настолько сокрушительное поражение, что был вынужден с позором отречься от престола. Теперь попытать счастья решил Лев I. В 467 году ему удалось возвести на западноримский трон своего ставленника. Им стал Анфемий, зять Марциана, предшественника Льва I. Император снарядил огромный флот из тысячи ста кораблей, на которых, по, скорее всего, завышенным оценкам, разместилось около ста тысяч воинов. По пути на Запад армада Льва I отбила у вандалов Сардинию, а затем высадила десант вблизи Карфагена.

Флотом командовал брат жены Льва I Василиск. Родство с императором, несомненно, большая удача, которая, правда, не наделяет талантом

военачальника автоматически. Как выяснилось, флотоводцем Василиск оказался никудышным.

Он собрал все корабли в одной гавани, лишив их возможности маневра, и, будто испытывая судьбу, выставил охранение из самых беспечных моряков. Гейзериху оставалось дождаться темноты, направить свои корабли в самую гущу неприятельских и поджечь их. Подобной бойни и гибели от огня на море еще не знала история. Кое-как несколько судов императора смогли выбраться из бухты, но главные силы погибли.

Считается, что поражение обошлось империи в шестьдесят пять тонн золота, надолго опустошив казну государства. Василиск же укрылся в одной из церквей, смог выжить и даже избежал наказания — как-никак шурин императора. После фиаско в Северной Африке Лев I отказался от попыток объединить две части империи, предоставив Запад его собственной судьбе.

Вместо этого он решил избавиться от Аспара. Личные мотивы, конечно, играли здесь главную роль. Именно Аспару он был обязан своим нынешним положением, а как известно, за все приходится платить. Вряд ли существует правитель, который будет долго терпеть рядом человека, способного потребовать встречной

услуги. К тому же Аспар активно поддерживал назначение Василиска командующим флотом, и теперь пятно позора косвенно ложилось и на него.

Наконец, не исключено, что Лев I всерьез задумался над печальной участью Запада, где наемники, начиная со службы в императорской армии, постепенно подминали под себя провинцию за провинцией. Такая перспектива не устраивала хозяина Восточной Римской империи, но вполне могла стать реальной, пока рядом со своими германцами находился Аспар. Константинополь был неприступен для внешнего врага, но взять его, причем практически без боя, мог отряд, уже находившийся за крепостными стенами. Император решил, что больше не может полагаться на наемников из числа варваров. Он понял, что защитниками Восточной Римской империи должны стать его подданные, люди, разделяющие его идеалы, преданные властным институтам своей страны.

Без сомнения, монархи Запада разделяли подобные взгляды, но в их владениях не было необходимого количества людей, способных достойно заменить германцев. Востоку в этом смысле повезло больше. В самом центре Малой

Азии находилась гористая местность Исаврия, где жили исключительно выносливые и отважные люди. Постепенно Лев собрал вокруг себя личную гвардию из исаврийцев, во главе которой поставил испытанного воина Зенона. А чтобы добиться их абсолютной преданности, без лишнего шума устроил брак Зенона со своей дочерью Ариадной.

В 471 году Лев был готов нанести решающий удар. Исаврийцы действовали молниеносно: Аспара схватили и казнили, его германцев частично перебили, частично сослали в отдаленные провинции. Так Лев исполнил свою мечту — отныне Восточную Римскую империю станут защищать собственные вооруженные силы, а не солдаты-наемники (по крайней мере, в течение ближайших шести столетий).

Вскоре у Зенона родился сын, названный в честь деда Львом, который должен был наследовать императорский трон. После смерти в 474 году Льва I несколько месяцев страной правил малолетний Лев II, но вскоре умер и он. Встал вопрос о том, кто будет следующем императором. Довольно неопределенный порядок передачи власти позволял Зенону, простому солдату незнатного рода, но зятю одного императора и

отцу другого, законным образом наследовать трон. Зенон объявил себя императором, после чего в течение двух лет отстаивал титул в борьбе с другим соискателем, Василиском, также членом императорской семьи — он приходился шурином одному императору и дядей другому. В 476 году Зенон одержал победу. Так начальник исаврийской гвардии стал владыкой Восточной Римской империи.

В тот же год на Западе произошло событие, имевшее чрезвычайно важные последствия. Германец Одоакр занял Италию и сместил императора Западной Римской империи. Примечательно здесь то, что завоеватель не поставил во главе страны нового государя и на Западе просто не стало больше императоров.

Многие авторы, исследующие историю с позиций сегодняшнего дня, часто трактуют происшедшее как «падение Римской империи». На самом деле это, конечно, не соответствует действительности. Действия Одоакра привели лишь к тому, что императоры перестали занимать трон на Западе. На Востоке же император продолжал управлять вполне самодостаточной Восточной Римской империей, а теоретически являлся владыкой всей империи — ее западной и восточной

частей, — кем и являлся ранее Феодосий I.

В последующие эпохи императоры в Константинополе будут всегда заявлять права на провинции, входившие в состав империи на пике ее славы и могущества. Вплоть до последних дней существования Византии они будут именовать свои владения Римской империей, себя — римскими императорами, а подданных — ромеями (римлянами). С упорством, достойным лучшего применения, такие заявления будут звучать из Константинополя даже тогда, когда под властью византийских монархов окажется мало что, кроме собственно столицы.

Однако именовать территории, которые контролировали власти Константинополя, Римской империей было бы преувеличением. С 476 года Рим редко оказывался в руках императоров династий с Востока и уж тем более никогда не становился центром политической власти Византии. Более того, Рим, как правило, оказывался центром оппозиции Константинополю.

Что же тогда понимать под Восточной Римской империей? В последующие века западные европейцы именовали ее империей греков, что справедливо лишь отчасти. Действительно, были времена, когда население страны составляли

преимущественно люди греческой культуры и языка. Однако нередко в состав империи входили во множестве иные народы, а их обычаи и традиции сохранялись и развивались наравне с греческими.

Можно взглянуть на вопрос иначе. Римскую империю называют так потому, что управление осуществлялось из Рима. А поскольку Восточная Римская империя управлялась из Константинополя, может, логичнее называть ее Константинопольской? Согласитесь, не звучит. Со временем вспомнили об историческом названии Константинополя — городе Византий — и перенесли его на всю империю со столицей в Константинополе. Так на картах появилась Византийская империя.

Историки до сих пор спорят, когда за государством впервые утвердилось это название. Многие говорят о VII веке, но я бы настаивал на времени правления императора Зенона. Именно при нем император в Константинополе успешно правил в провинциях Востока, когда на Западе императора уже не было.

Глава 3
Запад идет на Восток

Две стратегии

Магическая сила слов «Римская империя» до сих пор была настолько сильна, что германские воины, теперь управлявшие Западом, не осмеливались признать, что они, по большому счету, разрушили половину империи. Одоакр никогда не называл себя королем Италии, а лишь объявил правителем германских племен на ее территории. А посему с удовлетворением принял от императора Зенона, который продолжал поддерживать видимость того, что Одоакр в Италии являлся лишь его наместником, титулы патриция и военачальника империи. Так обе стороны по умолчанию следовали избранным правилам игры.

На самом деле фактор престижа на протяжении столетий оставался действенным оружием константинопольских императоров. Обладавший реальной силой вождь племени варваров покупался громким титулом, монаршей мантией, жезлом или любым другим символом имперской власти.

Однако настолько ли нелепо подобное увлечение на первый взгляд шутовскими атрибутами?

Символы, пусть ровным счетом ничего не значившие, поднимали авторитет и вес как в собственных глазах вождя, так и у его подданных. Власть крепла, что в конечном итоге и требовалось.

Тем не менее, несмотря на внешние проявления доверия Одоакру, Зенону делалось не по себе каждый раз, когда он вспоминал, что под самым боком у него находится королевство германцев. Он постоянно думал о том, как бы ослабить соседа, пока тот сам не решил отправиться на Балканы.

Между тем как нельзя кстати подвернулось и средство против Одоакра. В балканские земли вторглись новые завоеватели — остготы. За столетие до описываемых событий они были покорены гуннами, но после гибели Аттилы и распада его империи оказались свободными и уже по собственной воле продвигались к югу от Дуная.

Во главе народа стоял способный и дальновидный Теодорих, пришедший к власти в 474 году. Зенон решил делать ставку на него, действуя по старому принципу «получил и отвалил», — даровать титул полководца империи и отправить в Италию воевать с Одоакром. Одним ударом Зенон устранял угрозу своей империи со стороны остготов и, стравливая в Италии германские племена,

рассчитывал на ослабление обоих.

Теодорих с благодарностью принял предложение императора и в 488 году с Балкан отправился в Италию. В течение нескольких лет он разбил войска противника, убил Одоакра и основал новое королевство, причем гораздо более мощное, чем было у предшественника. На это, готовя свой блестящий план, Зенон, конечно, не рассчитывал. Однако, получив собственное государство, Теодорих проявил свои лучшие качества государя и миролюбца и не досаждал империи.

Но головную боль у Константинополя вызывали не только набеги варваров. Во время правления Зенона церковь продолжала серьезно беспокоить несторианство. По мнению последователей этого учения, Иисус был человеком, но для свершения великого промысла наделен божественным духом. Католики же считали, что Иисус в равной степени соединял в себе и человеческое, и божественное, то есть являлся богочеловеком. Учение о двух находящихся в определенной взаимосвязи ипостасях Иисуса — человеческой и божественной — было окончательно осуждено IV

Вселенским собором в Халкедоне как ересь[16].

Однако уже отвергнутое несторианство породило другую крайнюю версию относительно личности Христа — монофизитство. Богословы, разрабатывавшие это учение, считали, что у Христа может быть только одна собственная природа — божественная. Отсюда и название: «монофизитство» по-гречески — «одна природа, одно естество».

В 451 году Халкедонский Вселенский собор осудил и монофизитскую ересь. Однако если влияние несторианства, вытесненного за пределы империи, пошло на спад, то монофизитство стало набирать силу. Особенно прочными позиции учения оказались в Египте и Сирии, то есть среди негреческого населения империи. Сторонниками монофизитства оказались патриархи Александрии и Антиохии, которые на равных вели дискуссию с патриархом Константинополя. А народные массы провинций использовали оппозиционное течение в христианстве как знамя

---

[16] Примечания: 16

Основной религиозный догмат несторианства — положение о самостоятельно существующей человеческой природе Христа; согласно ему Иисус с его человеческой природой и Сын Божий Логос с его божественной природой — это не одно и то же лицо, а две разные субстанции и две природы, соединившиеся на время в земной жизни Христа. Подробнее см.: *Раннее* христианство. Т. 1; *Гарнак А.* История догматов. М., 2001. *(Примеч. пер.)*

протеста против засилья греков.

Зенон изо всех сил старался положить конец распространению ереси и где убеждением, где силой добился от иерархов подписания документа, содержавшего некий компромисс между взглядами католиков и монофизитов. Как обычно бывает в жизни, компромиссное решение не устроило ни одну из сторон[17].

В 491 году Зенон умер, не оставив после себя прямого наследника. Правда, оставалась его вдова Ариадна, дочь Льва I и мать Льва II. Родственные узы сразу с тремя императорами давали ей определенные преимущества. Вскоре она вышла замуж за главного казначея империи[18], известного своей исключительной честностью и пользовавшего популярностью в народе. Во

[17] Примечания: 17

Осудив монофизитскую ересь и подтвердив решение Эфесского собора против несторианства, Халкедонский собор признал ортодоксальную формулу: «две различных и нераздельных природы в одном лице», мистически преодолевавшую рассудочную ограниченность обеих предшествующих версий христологической проблемы. Эта формула соответствовала мнению тогдашнего авторитетного римского папы Льва I Великого и поэтому на Западе была принята довольно быстро. Однако на Востоке она встретила мощное противодействие как несториан, так и — особенно — монофизитов, которые превалировали в ряде важных областей Восточной империи, в частности в Египте, откуда шли основные поставки хлеба. Желая сохранить мир в государстве, Зенон издал «Эдикт о единстве», в котором был допущен ряд отступлений от халкедонской формулы в духе монофизитства. Рим не принял этого эдикта, и давно нараставшее взаимное отчуждение западной и восточной церквей переросло в открытый раскол. *(Примеч. пер.)*

[18] Примечания: 18

В этот исторический отрезок его ведомство именовалось Комитетом священных щедрот. *(Примеч. пер.)*

время коронации его, уже императора Анастасия I, восторженная толпа приветствовала криками: «Правь, как и жил!»[18]

По большому счету Анастасий I так и поступил. Он сумел провести реформу, которая всегда настолько же популярна, насколько и редка — он снизил налоги. При этом ему удалось почти невозможное — сокращение доходной части бюджета никак не сказалось на качестве управления страной.

Потом Анастасий разогнал гвардию исаврийцев, созданную Львом I. Разобравшись с германцами, они настолько поднялись при патроне Зеноне, что сами стали представлять для нового императора не меньшую опасность. Это стоило Анастасию довольно грязной гражданской войны в Исаврии, чем не преминули воспользоваться бдительные персы. Они одержали ряд побед в приграничных стычках и захватили несколько греческих крепостей.

Между тем на Балканах появились новые враги. Зенон избавился от остготов, отправив их в Италию, но на полуострове оставались славянские племена. Во времена могущества Рима они

---

[18] Примечания: 18

В этот исторический отрезок его ведомство именовалось Комитетом священных щедрот. *(Примеч. пер.)*

расселились в болотистой местности в районе современной российско-польской границы. Затем, в столетия упадка Римской империи, они оказались под гнетом сначала остготов, затем гуннов и снова — остготов.

Терпеливый и упорный народ сумел выжить в условиях жестокой эксплуатации, а когда поработители исчезли, предприняли собственную экспансию: на восток — на равнины современной России и Украины, на запад — в восточные земли Германии и на юг — на Балканы.

На Балканах славяне оказались вместе с не-славянами-болгарами, выходцами из Азии, народом близким к гуннам, ранее проживавшим на берегах Волги (существует гипотеза о родстве корней в словах «Волга» и «болгары»). После исчезновения государства гуннов болгары продолжали жить по берегам Дуная.

Со временем болгары перемешались со славянами, приняли их язык и полностью растворились

среди славянского населения[19].

Следует отметить одно серьезное отличие славян от германских племен: германцы тяготели к формированию особой военной касты, правившей подданными крестьянами, а славяне в равной степени оставались и землепашцами, и воинами. Совершая набеги, они селились на завоеванных землях, возделывали их и растили детей. В течение нескольких столетий славяне изменили этнический состав населения к югу от Дуная, распространившись практически до берегов Эгейского моря, где остаются и по сей день.

В наследство от Зенона императору Анастасию кроме зарождавшейся славянской волны досталась и непростая религиозная дилемма — предстояло делать выбор между западной и

---

[19] Примечания: 19

Древнейшим народом на территории Балкан были фракийцы. В дальнейшем население пережило сложный процесс взаимного влияния различных этнических элементов. К середине VII в. на всем Балканском полуострове преобладающим этническим элементом являлись славяне, образовавшие в Придунавье союз семи славянских племен. Во второй половине VII в. на правом берегу Дуная появились болгарские (булгарские) племена под предводительством хана Аспаруха, содержавшие в себе значительные славянские элементы. Эти племена приходили в соприкосновение с местным славянским населением. Впоследствии болгары приняли славянский язык и культуру, полностью ассимилировались в основной массе славян, передав им свое племенное название — болгары.

Говоря о происхождении болгар, автор, очевидно, ошибочно имеет в виду население древнего государства булгар, существовавшего в Сред-

нем Поволжье и Нижнем Прикамье (VIII–XIV вв.). Это были тюркские племена, входившие в Гуннский (Хуннский) союз, которые активно взаимодействовали со славянскими и угро-финскими племенами. Судя по оставшимся памятникам, булгарский язык имеет много общих черт с современным чувашским языком, с которым и составляет булгарскую группу тюркских языков. Булгарский язык оказал также некоторое влияние на венгерский и болгарский языки, так как южная часть булгар, оттесненная волнами кочевников с востока в VII и IX вв. в южнорусские степи, вошла в этнический состав венгров и болгар. *(Примеч. пер.)*

южной версиями христианского учения.

Оставаясь политически с Константинополем, южные провинции Византийской империи — Египет и Сирия — выступали сепаратистами в религиозной сфере, так как по-прежнему следовали монофизитству и не собирались принимать католичество. А западные провинции бывшей Римской империи, уже никак не связанные с Константинополем на государственном уровне, были и оставались католиками, поддерживая борьбу Рима с монофизитами.

Какой же путь выбрать? Попытаться примириться с югом, продолжив политику компромисса Зенона, или же пойти дальше, полностью избрав южную стратегию? Тогда, успокоив египтян и сирийцев, в Восточном Средиземноморье можно создать компактную и мощную империю, правда навсегда потеряв западные провинции.

При реализации западной стратегии Анастасий мог рассчитывать на возвращение потерянных областей, о правах на которые Константинополь никогда не забывал напоминать. А что до Египта и Сирии, то куда они денутся? Пусть ворчат, в любом случае императорская армия уверенно контролировала ситуацию. Твердо отстаивая позиции Запада, правители Константинопо-

ля получали поддержку католиков западных провинций, вынужденных жить под пятой иноземцев-ариан — остготов в Италии, вестготов в Испании и вандалов в Северной Африке.

В конце концов Анастасий решил реализовывать южную стратегию — выбор западного пути привел бы к войне, а он предпочитал мир. Так император все сильнее сближался с монофизитами.

К сожалению, это неминуемо вело к трениям внутри страны. Греки Балкан и Малой Азии были католиками в не меньшей степени, чем итальянцы или испанцы, и высказывали недовольство про-южной политикой Анастасия.

В Константинополе это наглядно, а иногда и небезопасно проявлялось на ипподроме. После запрещения гладиаторских боев страсть людей к зрелищам нашла воплощение в конских ристаниях — соревнованиях в искусстве управления колесницами. Одежда возниц различалась по цвету, чтобы зрители могли различать, кто побеждает, а кто отстает. Сначала это были красный и белый цвета, позже добавились голубой и зеленый.

Постепенно люди привыкали к цвету одежды любимца и начинали «болеть» за него ничуть не меньше, чем, например, американцы за свою

бейсбольную команду. Со временем жители Константинополя даже перещеголяли фанатов бейсбола. Обладатели голубых и зеленых накидок заметно опережали других, число их поклонников росло, равно как и напряжение на трибунах.

Конечно, дело было не только в лошадях и колесницах. Зрители уже давно разделились в соответствии со своими политическими и религиозными пристрастиями. Вышло так, что «голубые» поддерживали католицизм, «зеленые» — монофизитство. А стоило Анастасию сделать выбор в пользу южной стратегии, как Константинополь захлестнула волна беспорядков, которые провоцировали «голубые». Кончилось тем, что в 513 году командующий Балканской армией пошел на открытый мятеж,

поддержанный славянами и болгарами[20].

Анастасию удалось сначала разрядить обстановку, а в 515 году полностью подавить восстание. Выходило, что южный путь себя не оправдывал, и император начал делать реверансы в сторону Запада.

Прогресс не заставил себя ждать — влиятельные итальянцы начали интриговать против короля остготов. Разгневанный Теодорих под конец долгого, отмеченного успехом и процветанием правления, искренне заботившийся о благосостоянии народа Италии, ответил на вероломство подданных тиранией[21].

Прозападная политика Анастасия не принесла ожидаемого успеха. Духовный глава Рима продолжал настаивать на своем главенствующем

---

[20] Примечания: 20

В V–VII вв. население в Константинополе и других городах было организовано в так называемые димы, которые обладали военными (с VI в. имели свои вооруженные отряды), хозяйственными и религиозными функциями. Димы играли большую роль в политической жизни городов, осуществляя свое влияние через особые политические организации — цирковые партии ипподрома, где во время состязаний ставились, а иногда и решались важнейшие вопросы. На ипподроме димы делали представления правительству, выражали одобрение или неодобрение его политики. Крупнейшими из цирковых партий были «зеленые» (прасины) и «голубые» (венеты), получившие название по цветам одежды своих возничих. Партии включали в себя различные социальные слои: аристократию, купцов, ремесленников, бедноту; однако в партии «голубых» руководящую роль играли аристократические элементы, в партии «зеленых» — торгово-ремесленные. *(Примеч. пер.)*

[21] Примечания: 21

Автор, вероятно, имеет в виду период правления следующей династии византийских императоров — Юстина и Юстиниана, когда религиозные контакты между Востоком и Западом возобновились в полном объеме и схизма была прекращена. Сближение в понтификат папы Ормизды (519–520 гг.) выразилось в оживлении переписки и обмене посольствами между римским клиром и сенатом, с одной стороны, и императорским двором — с другой. Одновременно новые императоры объявили войну всем ересям. В ответ Теодорих принял превентивные меры против сената и отдельных придворных римлян. В 524 г. Юстин не без ведома нового папы Иоанна I издал эдикт против ариан. В следующем 525 г. король остготов направил Иоанна I в Константинополь для переговоров о прекращении антиарианских репрессий. Вернувшись в Рим весной 526 г., папа не привез с собой ожидаемых результатов, был брошен в тюрьму, где вскоре умер. Осенью того же года умер и Теодорих, оставив королевство ослабленным и раздираемым противоречиями. *(Примеч. пер.)*

положении над патриархом Константинополя, на что последний не соглашался. (Именно этот вопрос станет камнем преткновения политики компромиссов.) К тому же в это время у католиков появилась зона новых интересов. В Галлии (территория современной Франции) к власти пришло новое германское племя франков под предводительством Хлодвига I.

Франки были язычниками, но в 496 году их король получил крещение и стал католиком. Так франки первыми среди германцев приняли не арианство, а католичество. В результате остававшиеся в тени католики Италии, Испании и Африки, ненавидевшие своих правителей ариан и с подозрением относившиеся к амбициозным планам Византии, постепенно стали сближаться с франками[22].

В 518 году Анастасий умер. Ни южная, ни западная стратегия императора не принесли ожидаемого результата, но казна была полна, а государство сохраняло мощь и стабильность. Согласимся, что в создавшихся условиях дело могло принять гораздо худший оборот.

---

[22] Примечания: 22

Подробная история франков изложена в моей книге «Темные века» (1968). *(Примеч. авт.)*

Дядя и племянник

Анастасий I не оставил прямого наследника, что сразу привело к интриге. Начальник личной охраны императора возглавлял и дворцовую стражу, а потому при отсутствии очевидного преемника без труда мог объявить императором самого себя — вряд ли кто осмелился бы перечить его солдатам. Так власть перешла к новому императору.

Монарх выглядел довольно странно. Во-первых, ему было уже шестьдесят восемь лет. Он родился в крестьянской семье в провинции Иллирик, откуда вышли Диоклетиан и Константин I; предки его, скорее всего, были готами. За всю жизнь он так и не выучился грамоте, и образованные столичные греки немало удивились,

когда узнали, что ими будет править старик, не умеющий читать.

Но старик оказался на удивление разумным и крепким, а подле себя имел племянника, который с лихвой компенсировал недостатки своего дяди. Императора звали Юстин, племянника — Юстиниан. В год коронации Юстина ему исполнилось тридцать пять лет. Это был действительно блестяще образованный, тонкий и обходительный человек, который легко расположил к себе аристократию двора.

Юстин в полной мере использовал таланты родственника, так что не будет преувеличением сказать, что в период царствования императора истинным правителем являлся Юстиниан. В то же время император не позволял племяннику переходить грань дозволенного, хотя понимал, что жить ему оставалось недолго. Предполагалось, что Юстиниан станет его преемником, если будет вести себя подобающим образом. А чтобы племянник не зарывался, Юстин до самого конца не объявлял его наследником.

Оба были ревностными (даже фанатичными) католиками и, придя к власти, решительно отказались от южной стратегии в пользу западной. Так начинался краткий медовый месяц Рима и

Константинополя, а папа пользовался полным расположением византийских монархов.

Между тем Италия по-прежнему находилась во власти Теодориха, человека необразованного и пожилого, как и сам Юстин. При нем Византия могла рассчитывать на успех только на духовной ниве. Но вечной жизни не бывает, а сыновей он не имел.

В любом случае Юстиниан мог себе позволить немного подождать, тем более что в 526 году Теодорих умер. Ему на смену пришел малолетний внук с матерью в роли регентши. А 4 апреля 527 года, предчувствуя скорый конец, император Юстин короновал племянника как своего соправителя. Не прошло и четырех месяцев, как 1 августа, после девяти лет правления, Юстин скончался. Переход власти прошел без эксцессов.

Юстиниан с самого начала разделял титул и власть с супругой Феодорой, коронованной одновременно с ним. Феодора, возможно, самый противоречивый персонаж в истории. По большей части мы знаем о ее жизни из произведений современника, византийского историка Прокопия, труды которого изобилуют хвалебными описаниями деяний императора и императрицы. Однако в секретных «Анекдотах» (от греческого

anecdotos — «неизданный») он с беспощадной критикой обрушился на всех высших должностных лиц, обласканных им в официальных хрониках[23].

Не исключено, что скандальные описания, представленные в «Анекдотах», сущая правда, о которой ради сохранения жизни приходилось помалкивать. Но возможно, Прокопий привирал и даже выдумывал намеренно, желая насолить оппонентам или надеясь потрафить читателю.

В любом случае мы уже не узнаем, насколько можно доверять этому автору. По его словам, Феодора, дочь служителя цирка в Константинополе, рано стала актрисой, а потом — куртизанкой. Добившись успеха на новом поприще, она пользовалась большой популярностью, пока не привлекла внимание Юстиниана, в то время наследника трона. Юстиниан без ума влюбился в нее и упросил дядю дать разрешение на брак.

---

[23] Примечания: 23

Имеется в виду Прокопий из Кесарии, административного центра Палестины, секретарь и советник Велизария, главнокомандующего Византийской империей на важнейших театрах военных действий. «Анекдотами» автор называет политический памфлет или, как говорили во времена историка, «псогос» (хула), у которого не было названия. Впервые это сочинение упоминается в словаре Суда (X в.) как неизданное; после обнаружения в XVII в. именуется «Тайной историей» (см.: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993). *(Примеч. пер.)*

Свадьба состоялась в 523 году, когда ему исполнилось сорок, а ей двадцать три года.

Несомненно, многих возмутит сама мысль о том, что проститутка может обернуться императрицей, но, напоминаю, что мы знаем о ее происхождении и роде занятий со слов единственного источника — историка Прокопия. Как бы то ни было, из других источников известно, что о таком счастливом браке можно только мечтать, а императрица вела себя самым благочестивым образом и не давала повода для скандалов. Иные могут возразить: раз она строила жилье для оставивших прежнее ремесло проституток, значит, было что вспомнить из собственной прошлой жизни. А если Феодора просто по-человечески отнеслась к отверженным париям общества, что тогда?

И еще одно замечание: не важно, проститутка или нет, как императрица Феодора проявила себя опытной и искусной правительницей, ни в чем не уступавшей своему супругу-императору. В течение всех двадцати лет пребывания на троне она была Юстиниану верным другом и помощником, а однажды, о чем речь впереди, сохранила для него власть, а возможно, и жизнь. С полным правом можно констатировать, что союз Юстиниана и Феодоры — самый выдающийся пример

правящей пары монархов в истории.

Император и императрица не совпадали в одном — в выборе стратегического политического курса. Феодора являлась убежденной сторонницей южной стратегии и, не скрывая своих симпатий к монофизитам, убеждала мужа искать примирения с южными провинциями страны, правда, без особого успеха. Сам же император, бескомпромиссно настроенный на реализацию западной стратегии, мечтал о возрождении древней Римской империи в прежних границах и с единой католической церковью. Себя он видел и императором, и главой церкви — высшим властителем государства и архипастырем своих подданных.

Подготовка к миру и войне

Достигнув императорского престола, исполненный религиозного экстаза, Юстиниан тотчас объявил войну ересям всех мастей. Ужесточались законы против иудеев, ариан и язычников, подразумевая полное искоренение чуждых католицизму верований.

Отметим, что действовал император вполне в духе времени. По мере того как общество процветало, верхушка духовенства становилась все более непримиримой к любым отклонениям от ортодоксии. Лет за восемьдесят до коронации Юстиниана папа Лев I определил, что ересь есть преступление, заслуживающее смертной казни.

Самым заметным ударом императора по

инакомыслящим стало закрытие в 529 году Афинской Академии. Заведение, основанное в 387 году до н. э. самим Платоном, на протяжении девяти столетий оставалось центром языческой философской мысли. Начиная со времени правления Константина влияние Академии на общество неуклонно сокращалось, и теперь школа представляла собой собрание безобидных гуманитариев, которые по привычке штудировали манускрипты древних. Наверное, их стоило сохранить в качестве занятных ископаемых прошлых эпох, но, одержимый верой, Юстиниан распорядился закрыть Академию. Печально вздыхая о безвозвратно ушедшем времени, последние философы античности отправились в Персию[24].

Некоторые исследователи вполне обоснованно датируют конец древней истории именно 529 годом. Даже в период упадка языческая Академия давала знания древнегреческого языка, от которого христианские ученые империи бежали как от чумы. Лишившись Академии, страна на два столетия погрузилась во тьму, во всяком случае в смысле классического образования.

---

[24] Примечания: 24

Персия с ее просвещенным монархом также не стала приютом для ученых; большинство вернулось в Афины, где мирно почило. *(Примеч. авт.)*

Несколько позже Юстиниан оборвал еще одну нить, которая связывала людей с прошлым. Начиная с 509 года до н. э. Римской империей (а ранее Римом — городом-государством) правили два консула. После провозглашения в 29 году до н. э. империи они потеряли властные полномочия, но первый император Август по возможности сохранял элементы республиканской формы правления. Когда же Константин основал Константинополь, консулов новой столицы стали назначать, и эта практика сохранялась вплоть до 541 года. Теперь же, спустя 1050 лет, Юстиниан положил конец этой традиции.

Отказ от института консулов стал лишь одним из этапов масштабной ревизии всей правовой системы, которую задумал Юстиниан. Дело в том, что на протяжении длительного времени каждое более или менее действенное правительство издавало свои законы, забывая или не обращая внимания на прежние. Со временем накопился ворох никчемных, противоречащих друг другу законодательных актов. Возникла настоятельная необходимость привести все в систему, избавиться от балласта, заполнить лакуны.

Придя к власти, Юстиниан сразу создал комиссию из десяти законоведов по пересмотру

действовавшего законодательства; руководство было возложено на видного византийского юриста Трибониана. Работая не покладая рук, тщательным образом отбирая и перерабатывая наследие целых веков, комиссия уже в 529 году представила императору двенадцать томов систематизированного и удобного для пользования любым юристом законодательства, насчитывавшего 4652 закона. Так увидел свет Кодекс Юстиниана. За ним последовал выход 50-томного собрания извлечений из сочинений римских юристов II и III веков (на этот период приходится золотой век римского права), сохранивших значение для практики и толкования положений нового кодекса. И наконец, появилось обобщенное руководство-учебник по правоведению.

Кодекс Юстиниана вышел исключительно консервативным. Составители, где имелась возможность, сохраняли преемственность с положениями римского права, закрепив, однако, юридически новое положение императора, которое ввел еще Диоклетиан двести пятьдесят лет назад. По новому кодексу, власть императора объявлялась абсолютной, а его воля — законом.

При всем неприятии последнего положения стоит отметить, что новое законодательство

значительно укрепило многие права и свободы, которые покажутся нам вполне приемлемыми. Так, судья, как представитель императора, наделялся высшей властью в зале заседания и следовал исключительно букве закона. Теперь кодекс приобретал функции последней инстанции, и даже император, вроде бы являвшийся персоной высшего уровня, считал себя субъектом права.

Под влиянием христианской морали некоторые статьи становились гуманнее, нежели во времена язычества, другие, наоборот, ужесточались. Например, стало легче освобождать рабов и продавать землю; большую защиту получали вдовы, а дети более не считались собственностью родителей. С другой стороны, жертвоприношение языческим богам теперь каралось смертью, а христианин-вероотступник приговаривался к отсечению головы. Евреям по новому кодексу запрещалось иметь рабов-христиан и переходить в христианскую веру.

Именно новый кодекс считается главным вкладом Юстиниана в историю. Он оставался основным законом страны на протяжении девятисот лет и в свое время заложил фундамент права на Западе.

Примечательно, что изначально кодекс писался на латинском языке, будто авторы еще раз хотели подчеркнуть, что считают свою страну наследницей прежней, Римской, империи. А ведь в главных провинциях говорили в то время по-гречески. Более того, греческий считался языком культурной элиты в пределах всей империи. Правда, очень скоро появился греческий перевод кодекса. Словно в подтверждение мысли о невозможности повернуть ход истории вспять, Кодекс Юстиниана стал последним великим произведением Византии, записанным латинскими буквами, хотя еще столетие латынь оставалась языком юриспруденции.

Империя менялась, причем глубина и серьезность изменений очевидны, хотя на первый взгляд, возможно, и не сотрясали основ государства. Например, величественная тога, неотъемлемая часть римских патрициев, при Юстиниане исчезла. Ее место заняла парчовая накидка, которую в славные дни империи римляне сочли бы одеждой варваров.

Параллельно Юстиниан разрабатывал кульминацию западной стратегии, для чего тщательно готовил свой образ императора-ортодокса. Вскоре он планировал начать боевые действия и

потому хотел предстать перед народами Запада католиком-освободителем. Казалось, и время было подходящим — по-настоящему достойного противника в Западной Европе не наблюдалось. Теодорих, Хлодвиг, Гейзерих и Аларих умерли, а преемники не годились им и в подметки. Юстиниану оставалось решить два вопроса — найти искусного полководца и заключить мир на восточных рубежах империи, чтобы все свои силы сосредоточить на Западе.

От прежних времен на Востоке императору досталась война с персами. Хотя что в этом удивительного — Рим уже шестьсот лет воевал с восточными соседями (парфянами или персами), причем боевые действия велись в основном в пограничье и, несмотря на упорство сторон, конфигурация границы менялась мало.

Как правило, персы выигрывали генеральные сражения, потому что обладали численным перевесом. Византийцы же старались избегать столкновений в лоб, предпочитая создавать мощные оборонительные сооружения, способные выдержать натиск превосходящих сил противника. Против крепостей персидские войска были бессильны и, несмотря на победы в чистом поле, раз за разом были вынуждены соглашаться на

очередной, ничего не решавший мир.

Традицию нарушил молодой воин по имени Велизарий. Он родился во Фракии, на севере Балкан, и, возможно, был славянином (по крайней мере, об этом можно судить по имени, означающим «белый принц» или «белый восток»). Уже в двадцатилетием возрасте отмечались его смелые рейды в глубь территории противника вплоть до Армении. А в двадцать пять он одержал славную победу в битве при Даре в северной Месопотамии (около тысячи ста к юго-востоку от Константинополя) над прежде непобедимой в открытом бою персидской армией. Персы тогда тоже имели численный перевес. Юстиниан решил, что нашел своего полководца. В 532 году Византия заключила с персами мир, а Велизария отозвали в Константинополь[25].

[25] Примечания: 25

Именно во время битвы при Даре Велизарий впервые приблизил Прокопия, которому было поручено написать историю правления Юстиниана. На долгие годы Прокопий стал секретарем полководца. Возможно, его убийственная критика в адрес императора и императрицы в «Анекдотах» объясняется суровым и несправедливым отношением монарха к Велизарию. При этом автор не щадил и самого полководца, хотя

Восставший из пепла

Велизарий пригодился как нельзя кстати, правда, в несколько ином качестве, нежели предполагал Юстиниан. Противостояние партий «голубых» и «зеленых» приобретало все более ожесточенный характер, а уличные стычки становились обыденным делом. Зачастую, прикрываясь своим «цветом», люди под шумок воровали и устраивали погромы, оставаясь безнаказанными. Чаще верх одерживали «голубые», а раз они поддерживали католицизм, то и император был на их стороне.

Среди неудачников год от года росли мятежные настроения, чем пользовались влиятельные люди страны, недовольные политикой императора, — толпу легко было использовать для

достижения собственных далеко идущих политических целей. Так два племянника императора Анастасия негласно снабжали «зеленых» оружием и деньгами. По современным понятиям именно они имели все права на трон, занятый Юстинианом, но не будем забывать, что теоретически «должность» императора на тот момент была выборной, а не передавалась по наследству.

Буря грянула в январе 532 года во время грандиозного состязания колесниц на константинопольском ипподроме. По мере развития событий трибуна «зеленых» распалялась, начали раздаваться возгласы недовольства, оскорбительные последующие поколения, без сомнения, отдавали должное его неоспоримым заслугам и таланту. Отсюда мы можем заключить — раз Прокопий несправедлив в оценке Велизария, то и его трактовка правления и личностей Юстиниана и Феодоры должна быть поставлена под сомнение. *(Примеч. авт.)* выкрики в адрес императора, который, правда, сохранял спокойствие.

Во время двадцать второго заезда Юстиниан не выдержал и приказал глашатаю утихомирить «зеленых». Это не помогло, и тогда император приказал ответить тем же — осыпать проклятия-

ми и оскорблениями плебс. Завязался комичный диалог, в результате которого с императора вмиг слетел ореол величия, а «зеленые» опасно осмелели.

Восставшие «зеленые» высыпали на улицы, громили дома богачей и правительственные здания, полгорода охватил пожар — началась гражданская война. Народ скандировал лозунг «Ника!» (с греческого «побеждай»), из-за чего восстание и вошло в историю под названием «Ника».

Не на шутку испугавшийся Юстиниан пытался было идти на уступки мятежникам, но было поздно. Любое предложение, еще вчера воспринимавшееся как величайшая милость, сегодня с подозрением отвергалось. Восставший народ полностью контролировал ситуацию в столице.

Юстиниан укрылся в дворцовом комплексе, наполовину представлявшим собой крепость, где обдумывал создавшееся положение. Так проходил день за днем; захваченный город догорал, а толпа короновала одного из племянников Анастасия.

Казалось, что иного выхода, кроме бегства, не оставалось. Ступени дворца выходили непосредственно к Босфору, где в ожидании приказа

стояли корабли императорского флота. На заседании совета, на котором присутствовали Феодора и Велизарий, Юстиниан откровенно высказался за добровольное изгнание. Он предложил погрузить казну на суда, искать спасения подальше от Константинополя и ждать перемен.

Возможно, все так бы и случилось, а карьера императора на том и закончилась, не возьми слово Феодора. С плохо скрываемым презрением она заявила, что Юстиниан волен поступать по своему усмотрению: «Вот — море, вот — твои корабли». Императрица же отступать из города не собиралась, по ее мнению, сама должность правителя подразумевает риск мятежа и даже гибель, а потому скитаниям она предпочитает смерть. В заключение Феодора произнесла: «Мне нравится изречение древних: царская власть — прекрасный саван».

После таких слов Юстиниану не оставалось ничего, кроме как остаться. Он спросил Велизария, можно ли взять ситуацию под контроль, и услышал утвердительный ответ. Под началом полководца оставалось три тысячи воинов, которых он скрытно рассредоточил вокруг ипподрома, где в ожидании окончательной победы собрались зачинщики мятежа.

Блокировав все входы и выходы, Велизарий с солдатами устремился на поле ипподрома. Во много раз превосходившие нападавших мятежники оказались в ловушке. Сказался фактор внезапности и то, что многие из них были навеселе. Прокладывая себе путь, солдаты убивали направо и налево, а паника довершила дело. В кровавой бойне полегло около тридцати тысяч человек. Разрушенный и притихший Константинополь лежал у ног Юстиниана. Племянников Анастасия казнили, партии ипподрома запретили. А восстание, которое, по существу, превратило город в руины, способствовало обретению им еще большего величия и красоты. Император с энтузиазмом взялся за возрождение столицы, и вскоре из пепла восстал обновленный и прекрасный Константинополь.

Юстиниан привлек к работе архитекторов Исидора из Милета и Анфимия из Тралл (города на юго-западе Малой Азии). Творения зодчих радовали жителей в течение девяти столетий. Конечно, случались реконструкции, переделки, но в целом все время существования империи столица сохраняла вид, который ей придали Исидор и Анфимий при Юстиниане.

Современные градостроители, несомненно,

сочтут план застройки несовершенным, потому что при наличии всего нескольких главных магистралей остальные улицы, узкие и кривые, где и жили в немыслимой скученности люди, напоминали трущобы. Однако стоит заметить, что в Константинополе обстановка была не хуже, чем в других городах того времени, тем более что нищета зачастую обуславливалась масштабностью поселения. По некоторым оценкам, при Юстиниане в многонациональном Константинополе проживало не менее шестисот тысяч человек, а в иные моменты истории — до миллиона. Прокормить большее количество людей до начала промышленной революции просто не представлялось возможным — в городах начинался голод.

Между тем за крепостными стенами, протянувшимися более чем на двадцать километров, и пятьюдесятью надежно укрепленными воротами скрывались чудеса, которых не имел ни один город мира того времени. Одни просто радовали глаз — роскошные дворцы и церкви, украшенные позолотой, изящными скульптурами и произведениями искусства. Другие использовались по прямому назначению — три бесплатные больницы для горожан, приюты для обездоленных,

городское освещение и пожарные команды, водопровод и канализация, которые действовали вполне сносно. В Западной Европе горожане ни тогда, ни тысячу лет спустя ничего подобного не имели.

Город был хорошо подготовлен к долговременной осаде: за многокилометровыми стенами надлежащим образом хранился запас зерна и пресной воды; при наступлении неприятеля с моря со дна на поверхность поднималась массивная цепь, преграждая вход кораблям в бухту Золотой Рог. По всем статьям Константинополь можно считать самым богатым и эффективно управляемым городом эпохи.

При Юстиниане сложился и особый византийский стиль в изобразительном искусстве. Его визитной карточкой стали мозаики — картины, сложенные из кусочков цветного или прозрачного стекла на подложке из золотой фольги. Обычно мозаичные панно передавали библейские мотивы, лик Иисуса или портреты императоров.

Возможно, людям, которые привыкли к традиционной живописи, передача человеческих образов средствами мозаики покажется грубоватой, едва ли не карикатурной. Но это ощущение исчезает, стоит посмотреть на мозаики на свет

— отражая и преломляя солнечные лучи, кусочки стекла начинают светиться, излучая непередаваемое внутреннее тепло. В церквях мозаики как бы оживают, наполняя пространство неземным свечением.

Церкви Константинополя сами по себе богатейший вклад византийской архитектуры в мировую культуру. Примерно к 480 году зодчие Малой Азии достигли совершенства в установке полусферического купола на квадратное основание, была решена задача установки в купольном потолке окон, не нарушая устойчивости конструкции. Теперь, не боясь обрушения, можно было возводить массивные и большие по площади купола.

После разрушений, которые сопровождали в Константинополе восстание «Ника», новые методы строительства получили возможность внедрения в практику. Храм Святой Софии (Айя-Со-фия)[26], важнейший христианский комплекс города, оказался разрушен почти до основания,

[26] Примечания: 26

Айя-София означает святая мудрость. Следует помнить, что в данном случае имеется в виду благость, присущая Богу; сама же церковь также посвящена Богу. Обычно название этой церкви переводят как собор Святой Софии, и может возникнуть ошибочное впечатление, что она воздвигнута в честь некоей канонизированной женщины. *(Примеч. авт.)*

и Юстиниан решил возродить его во всем великолепии.

Руины разобрали, площадку расширили и за шесть лет силами десяти тысяч человек возвели самый красивый храм Божий в истории человечества. Колонны были выполнены из пурпурного полевого шпата — порфира и пестрого зеленого мрамора — змеевика. Стены, облицованные отполированным цветным мрамором, украсили многочисленные мозаики. Площадь одной мозаичной композиции на золотой фольге превышала полтора гектара.

Но поистине прекрасным вышел купол собора. Идеальная форма сферического потолка и компоновка окон позволили наполнить светом все внутреннее пространство (триста тридцать метров в поперечнике и пятьдесят пять метров в высоту). Играя в мозаичных композициях, солнечный свет буквально струился, подчеркивая красоту интерьера. Казалось, гигантский купол парил в воздухе, поддерживаемый невидимыми небесными нитями, вовсе не имея земных опор. (Через двадцать лет землетрясение повредило купол храма, но его восстановили, даже увеличив в размере.)

За всю долгую историю Византийской империи

не удалось создать нечто более великолепное, чем собор Святой Софии императора Юстиниана. Он стал вершиной византийского искусства, которая радует всех и сегодня, четырнадцать с лишним столетий спустя. (Пусть по прихоти судьбы это уже и не церковь.)

В 537 году строительство было завершено. Не в силах сдержать восхищение, Юстиниан воскликнул: «Соломон, я сделал лучше!» Если сравнивать ресурсы, которыми располагала империя Юстиниана и царство Соломона, стоит признать справедливость сказанного императором Византии. По случаю освящения собора Юстиниан устроил грандиозный праздник для жителей Константинополя. По оценкам хронистов более поздних времен, на торжественное пиршество пошло более десяти тысяч голов овец, быков, свиней, оленей и несчетное количество птицы.

Говоря о масштабности строительства в столице, следует отметить, что во многом оно осуществлялось за счет других городов страны. Величие и красота Константинополя требовали концентрации сил и средств всей империи, обрекая остальные поселения на прозябание. По существу, при Юстиниане воплотилось в жизнь обещание создать империю одного города; впо-

следствии эта тенденция усилилась.

Победа на Западе

Даже полностью отдавая себя восстановлению Константинополя, Юстиниан не забывал о наступлении на Запад, призванном вернуть земли, отобранные германскими племенами, и восстановить империю Константина I и Феодосия I.

Первый удар предстояло нанести по королевству вандалов в Северной Африке и его столице Карфагену. К тому же море лишало вандалов возможности быстро получить помощь союзников — других германских государств.

В 533 году Велизарий возглавил флот из пятисот кораблей, на которых разместилось пятнадцать тысяч солдат, столько же моряков, пять тысяч лошадей, необходимое снаряжение и припасы. Экспедиционные силы оказались гораздо слабее тех, что предприняли попытку атаковать

Карфаген при Льве I, но Юстиниан рассчитывал на успех и имел на то основания. Полстолетия назад флотом командовал бездарный Василиск, а противостоял ему прославленный Гейзерих. Теперь у вандалов не было военачальника, равного Гейзериху, а силами византийцев руководил Велизарий.

Все вышло, как и рассчитывал император. После высадки на берега Африки полководец ввел в армии железную дисциплину, запретил насилие и грабежи гражданского населения. Одержав победы в двух решающих сражениях над не успевшими опомниться вандалами, Велизарий практически сразу взял под контроль всю Северную Африку, отправив королевство германцев на свалку истории.

Победы Велизарию обеспечили талант управления подчиненными, умение вовремя провести на поле боя маневр и перегруппировку войск и технические новшества.

У гуннов византийцы переняли металлические стремена, которые превратили конницу в мощную силу внезапного удара, способную смять противника, гарантируя всаднику возможность остаться в седле. У персов позаимствовали кольчугу и латы. Теперь воин и его боевой конь

были надежно укрыты от неприятеля. Более того, кольчуга защищала и лучников, главную силу византийской армии. Лучники первыми вступали в бой, пуская стрелы с большого расстояния, оставаясь неуязвимыми для противника. Нарушив боевые порядки врага, лучники уступали место закованной в броню коннице. В ближнем бою, с копьями наперевес, всадники довершали разгром неприятеля.

Войска германцев ничего не могли противопоставить такой тактике, а талантливое управление Велизария мощной конницей объясняет превосходство относительно малочисленной армии византийцев над превосходящими силами вандалов. Позже, когда Велизарий будет парадом проходить по покоренным городам, пуская вперед пленных германцев, их униженные жены будут в оцепенении наблюдать за процессией. Мало того что победителей оказалось гораздо меньше побежденных, они и выглядели не такими рослыми и могучими, как их поверженные защитники. Проклятия и обвинения в трусости будут сыпаться из толпы: женщинам невдомек, что личное мужество и героизм еще не гарантируют победы.

Не могли германцы исправить положение и

взяв на вооружение тактические ухищрения византийцев — чтобы закованный в броню всадник научился управлять боевым конем, пущенным в галоп, требовались годы тренировок.

В 534 году Велизарий с триумфом вернулся в Константинополь. В обозе за ним следовал и плененный последний король вандалов. За победу Юстиниан пожаловал полководцу титул консула[27] (этот институт власти, наследие прежней Римской империи, просуществует еще семь лет) и вообще оказывал ему массу почестей. Но чувствовалось, что что-то идет не так. Ответ оказался прост. Несомненно, рассчитывая на успех, император не предполагал, *насколько грандиозным* окажется этот успех. Ведь любой военачальник мог без труда стать императором (как и дядя Юстиниана), тем более столь популярный в стране после славной победы.

Самым разумным для Юстиниана решением было побыстрее отправить Велизария из страны. В 535 году император так и поступил, послав полководца в Италию воевать с остготами. Велизарий собрал армию, которая была в два раза сильнее той, что одолела вандалов, но и против-

[27] Примечания: 27

Консул — почетный титул, в Византийской империи не связанный с реальной властью, как в Риме. *(Примеч. пер.)*

ник ожидал его не чета африканцам.

В очередной раз казалось, что западная стратегия Юстиниана полностью себя оправдывает. Сицилия сдалась почти без сопротивления, а католическое население, как и ранее в Африке, с радостью приветствовало освободителей. Высадившись в Италии, армия Велизария беспрепятственно дошла до Рима, прежде чем остготы пришли в себя и смогли приготовиться к отпору.

И тут Юстиниан повел себя странно. Он перестал оказывать содействие экспедиционным войскам. Однозначно стремясь к победе, император хотел, чтобы она не досталась его главнокомандующему слишком быстро и легко. Желательно, чтобы ореол героя чуточку, но поблек. Так Юстиниану было бы уютнее в Константинополе. Отправка в Италию подкрепления и дополнительных средств была приостановлена. Велизарию пришлось воевать с теми силами, что он привез с собой, в условиях ограниченного финансирования и понимая, что дома его не очень-то поддерживают.

Несмотря на то что Юстиниану ставят в вину отказ от отправки подкрепления, я позволю себе выступить в его защиту. Дело в том, что византийцы, как правило, одерживали победы

не числом, а умением, то есть наличием в армии профессионалов. Насколько нам известно из хроник, численность армии империи никогда не превышала ста двадцати тысяч человек, а защищать приходилось немалые границы.

Подготовка каждого тяжеловооруженного воина требовала времени и средств, его берегли. Уклонение же от сражения всегда оставалось в Византии главным принципом ведения войны. Не важно, что приведет к цели — дипломатия, хитрость, измена или подкуп — в перспективе все выйдет дешевле, чем в случае кровопролитного сражения. Позволим себе предположить, что Юстиниан на самом деле считал, что Велизарий справится, имея под началом ограниченный воинский контингент.

Надо заметить, что такая политика, пусть и лишенная романтического ореола, оправдывала себя на протяжении столетий. Дикие воины Запада, которые всегда полагались лишь на мощь и количество и мало ценили человеческую жизнь, считали византийцев трусами. Учитывая то, что наше понимание истории имеет западные традиции, подобные оценки перешли и к нам, отчего трактовка роли и места Византии однобока. Хотя даже краткий обзор долгой истории империи

с ее многочисленными победами и даже поражениями, после которых страна настойчиво и целеустремленно шла к новым победам, подскажет, что византийцев ни в коем случае нельзя назвать трусами.

Между тем Велизарию удалось добиться успеха, несмотря на бережливость Юстиниана, — он выдержал длительную осаду за стенами Рима, а потом сам окружил столицу остготов Равенну. Но далее ситуация «законсервировалась». Из Константинополя казалось, что действия византийской армии не эффективны, и император в тревоге направил в Италию представителя двора, чтобы тот на месте оценил обстановку.

Эмиссаром стал армянин Нарсес, снискавший расположение Юстиниана во время восстания «Ника». Рискуя жизнью, он сумел уговорами и довольно скромными взятками отвратить многих «голубых» от стана мятежников (они и так поддерживали императора, а к восстанию примкнули исключительно в расчете на поживу).

Поднимаясь по служебной лестнице, Нарсес стал главным камергером двора. Иными словами, более влиятельного человека во дворце не было — Юстиниан доверял ему всецело. Возможно, отчасти и потому, что придворный обладал

качеством, которое не позволяло ему даже мечтать об императорском звании — Нарсес был евнухом[28].

Приезд в 538 году в Италию пожилого евнуха (ему уже исполнилось шестьдесят лет) не обрадовал Велизария. Было нетрудно догадаться, что Нарсеса прислали, чтобы шпионить за полководцем, а потому они не поладили.

Наконец далее оставаться в войсках стало невыносимо, и Нарсес вернулся домой. Вскоре в Константинополе узнали (возможно, от самого Нарсеса), что осажденные Велизарием остготы якобы выступили с предложением сложить оружие, но сдаться ему, а не императору. Выходило, что германцы готовили сдачу на выгодных условиях, а именно — предлагали военачальнику свою поддержку в том случае, если тот попытается узурпировать трон (иначе зачем ему принимать условия, которые осажденные не собирались предлагать Юстиниану?).

Трудно сказать, насколько правдива дошедшая до нас история. Не исключено, что подстроил

---

[28] Примечания: 28

Нарсес, армянин из Персоармении, перешедший вместе с братом Аратием и матерью на сторону Византии, стал препозитом священной спальни, то есть ведал личными покоями императора; в его управлении находились все ведомства, обслуживавшие личные нужды императора. *(Примеч. пер.)*

все Нарсес, чтобы отомстить Велизарию. Как бы там ни было, император, скорее всего, поверил навету и с тех пор с подозрением воспринимал любые шаги полководца. В спешном порядке, через голову командующего, он решил заключить с остготами долгосрочное перемирие и разделить Италию пополам — юг оставить за собой, а север отдать германцам. Узнав о сговоре, Велизарий отказался подписывать такой договор и ужесточил осаду, не обращая внимания на советы подчиненных. И самое интересное, что прав оказался Велизарий — оставшись без продовольствия, остготы сдались.

Можно лишь догадываться, как рвал и метал император. Всем было ясно, что Велизарий одержал великую победу, причем в его действиях не просматривалось и тени нелояльности (как, впрочем, и в дальнейшем). Но выходило, что он вел себя гораздо решительнее, чем сам император, панические настроения которого выглядели теперь особенно глупо.

В гневе в 540 году Юстиниан отозвал Велизария с театра военных действий, и сразу выяснилось, что полководец один стоит целой армии. Как только Велизарий уехал, византийцы начали терпеть одно поражение за другим, создалось

впечатление, что не далек тот день, когда их окончательно вытеснят с полуострова.

Конечно, имелись и объективные причины для отзыва Велизария. Зная о том, что Византия все больше увязает на Западе, в 540 году персидские войска без объявления войны вторглись в Сирию и вскоре вышли на побережье Средиземного моря. Осадив Антиохию, они обещали не трогать город, если получат полтонны золота. Услышав отказ, персы взяли город штурмом и разграбили его.

Императору пришлось срочно направлять в Сирию войска, а во главе ставить опального Велизария. Полководец сумел сдержать натиск персов, но Юстиниан опять подстраховался, оказывая ему лишь символическую помощь. Однако в 545 году своими успехами Велизарий добился согласия персов на перемирие. Ценой стала тонна золота от Юстиниана.

Следует заметить, что не только персы терзали государство Юстиниана. Вечный нарыв напоминали Балканы — набеги славян и болгар практически не прекращались. В некоторой степени это происходило от отчаяния. В это время на Восточную Европу обрушилась новая волна кочевников — аваров, близких по культуре и языку

гуннам, появившимся здесь столетие назад. Захватывая земли славян и болгар, они вынуждали некоторые племена отступать дальше на запад. Добавим, что в 542 году в течение нескольких лет Константинополь был во власти бубонной чумы, так что можно только удивляться, как Юстиниан вообще сумел удержаться у власти[29].

Но Юстиниан удержался. Ни персы на востоке, ни славяне на севере, ни чума в самом сердце империи не смогли заставить его отказаться от четкого следования западной стратегии. Еще до заключения мирного договора с Персией император отправил в Италию Велизария, свою безотказную палочку-выручалочку, посмотреть, как можно остановить собравшихся с силами остготов.

Однако даже в столь непростой для империи момент Юстиниан не решился выделить ему необходимое количество войск. Как и прежде мечтая победить так, чтобы слава не досталась целиком полководцу, Юстиниан добился лишь того, что за четыре года вялотекущей позиционной войны ни Велизарий, ни противник не

[29] Примечания: 29

Первая пандемия чумы известна в истории как Юстинианова; она продолжалась около пятидесяти лет и унесла в Египте, Сирии, Малой Азии и Европе около ста миллионов человек. *(Примеч. пер.)*

сумели существенно продвинуться вперед.

В 548 году Велизарий уже навсегда был отозван в Константинополь. (В том же году от рака скончалась императрица Феодора; ей не исполнилось и пятидесяти лет.) Но отставка Велизария не решала проблему противостояния с остготами. Императору требовался человек, не уступавший ему в таланте полководца и которому он мог всецело доверять. Выбор пал на евнуха Нарсеса.

Удивительно, как в евнухе Юстиниан смог разглядеть человека, который способен повести за собой войска. В 551 году он неплохо зарекомендовал себя на Балканах, отбивая атаки варваров. А в 552 году, когда придворному исполнилось уже семьдесят четыре года, Юстиниан, взвесив все «за» и «против», все-таки решился на авантюру и направил Нарсеса в Италию. И здесь новый главнокомандующий явил такие чудеса активности, что, пожалуй, не свойственны ни одному полководцу, который рассчитывает на серьезные победы.

Правда, справедливости ради стоит отметить, что Нарсес обладал тем, чего так не хватало Велизарию — доверием императора. Он получил гораздо больше солдат и денег, чем умело распорядился. В том же 552 году Нарсес нанес

противнику сокрушительное поражение и уничтожил королевство готов. Подавляя один за другим очаги сопротивления, он установил на всей территории Италии власть Византии. Столица новой провинции осталась в Равенне, как и при последних западных императорах, среди которых еще недавно были Одоакр и Теодорих.

Так Италия вновь стала частью Римской империи, через восемьдесят лет после ее «падения». Причем всерьез и надолго. Некоторые области полуострова останутся в составе Византии еще около пятисот лет, а ее культура оставит заметный след в истории полуострова.

По всей Италии византийцы начали строить церкви, украшая их мозаиками. Некоторые сохранились и по сей день. Так, собор Святого Марка в Венеции, имевшей долгие и прочные связи с Византией в раннем Средневековье, несомненно, несет в себе черты византийского стиля. А в церкви Сан-Витале в Равенне и сегодня можно любоваться мозаичными портретами Юстиниана и Феодоры.

Тщательно выверенный церемониал, представленный здесь, на родной итальянской земле, а не в далеком Константинополе, произвел на европейцев поистине неизгладимое впечатление.

В значительной степени он присутствует в римско-католическом чине Ватикана и в церемонии коронации британских монархов.

Благодаря византийскому правлению Италия оказалась более просвещенной, нежели территории, которые остались под контролем франков и погрузились во тьму невежества (земли сегодняшних Германии и Франции). И все же слабый лучик из Византии достигал и тех мест, где жили франки и англичане, — ирландские монахи, изучавшие греческий в Италии, во время своих миссионерских путешествий несли восточные знания далеко на Запад[30].

[30] Примечания: 30

Подробнее смотрите в моей книге «Становление Англии» (1969). *(Примеч. авт.)*

Последние годы

Масштабное наступление Юстиниана не ограничилось завоеванием Италии. В 554 году экспедиционный корпус византийцев отправился в Испанию, где в состоянии анархии пребывало королевство вестготов. Вскоре в южной трети Иберийского полуострова было восстановлено правление империи.

Однако победы в заморских землях не могли обезопасить Балканы, из года в год подвергавшиеся набегам варваров. Юстиниан регулярно подкупал вождей, натравливая одно племя на другое или умиротворяя сразу всех. Иногда такая тактика оправдывала себя, иногда давала обратный эффект. Варвары начинали смотреть на империю как на источник легких денег: больше

набегов — больше доходов.

На Дунае Юстиниан выстроил около восьмидесяти укрепленных пунктов, но и они не могли остановить жадные до разбоя и грабежей племена. Зачастую наступавшие просто обходили крепости, а настоящая беда грянула зимой 558/59 года. Зима выдалась необычайно холодная, и лед основательно сковал реку. Полчища варваров беспрепятственно перешли Дунай по льду; среди них были славяне и авары.

Во много раз превосходя пограничную стражу, они пробивались на юг. Так над Константинополем нависла самая страшная опасность с момента основания города Константином. Практически вся византийская армия оказалась разбросана по театрам военных действий — в Испании, Италии, Африке. Нельзя было полностью положиться и на крепостные стена города, которые серьезно пострадали два года назад во время сильного землетрясения.

Юстиниану не оставалась ничего другого, как в очередной раз обратиться за помощью к Велизарию. Забытый государем опальный полководец, которому было уже за пятьдесят, пришел на помощь и в этот раз. Поистине нужно обладать какими-то сверхчеловеческими

качествами, чтобы раз за разом откликаться на призыв исполнить свой долг, несмотря на черную неблагодарность спасаемого им человека. Однако всему есть предел — оставалось совершить последний акт спасения и в последний раз покорно снести обиду.

Взяв за основу войска триста гвардейцев дворцовой стражи, Велизарий провел мобилизацию горожан Константинополя и сформировал ополчение. Лошадей собирали где только можно: в императорских конюшнях, конфисковывали у частных лиц и даже в цирке. Вокруг города выкопали ров, а за ним, чтобы создать у противника иллюзию присутствия многочисленной армии защитников, зажгли множество бивуачных костров. Теперь за крепостными стенами оставалось ждать дикой атаки варваров.

Велизарий знал, что в тактическом арсенале врага нет приемов, кроме мощной атаки в лоб, а потому оставил несколько сотен своих первоклассных бойцов впереди для отражения первого удара. Остальные силы были размещены на флангах для одновременного обходного маневра. В результате продуманных действий полководца противник был рассеян. Так опасность миновала, а Велизарий одержал свою последнюю победу.

В 561 году император почувствовал себя плохо, и по городу поползли слухи о его смерти (Юстиниану было семьдесят восемь лет). Когда же они не подтвердились, самые нетерпеливые начали готовить переворот. О замыслах недоброжелателей стало известно Юстиниану, и он со всей жестокостью начал «чистки». Под каток репрессий попало несколько человек из окружения Велизария, которые под пытками назвали его имя. Исполненный мужества и спокойствия, каким он оставался в любой, даже самой опасной ситуации, полководец предстал перед судом. А посему мы можем с полной уверенностью говорить о его невиновности.

Но сварливый император хотел верить, что Велизарий виновен, и поверил в это. Его не казнили, но конфисковали все имущество и посадили под домашний арест. Однако на этот раз пришлось отступить и императору. Во-первых, народ возмутился столь неуважительным отношением к знаменитому человеку, а во-вторых, было очевидно, что жить ему оставалось недолго. Летом 564 года Юстиниан устроил показательное представление своего великодушия — Велизарию вернули имущество и расположение монарха, а в марте 565 года полководец умер.

Впоследствии распространилась легенда, будто бы после обвинения в заговоре Велизарий был ослеплен и последние годы жизни провел, скитаясь и моля жителей столицы: «Подайте полководцу Велизарию на пропитание!» Заметим, что это — выдумка людей, которым отчего-то недостает чудес и злоключений в суровой правде бытия.

Юстиниан не надолго пережил Велизария — он умер 14 ноября 565 года в возрасте восьмидесяти двух лет. Это был во всех отношениях выдающийся человек. Он находился у власти тридцать восемь лет, а с учетом времени пребывания рядом с троном его дяди Юстина все сорок семь. Мало кому из римских и византийских императоров удавалось нечто подобное. Еще меньше тех, кто мог бы сравниться с ним по масштабности свершений.

Он в полной мере реализовал все задуманное, оправдала себя, по крайней мере внешне, и западная стратегия. Под ударами его армии прекратили существование государства германцев-ариан — вандалов и остготов. Лишь в Центральной Испании пока держалось заметно ослабевшее королевство вестготов.

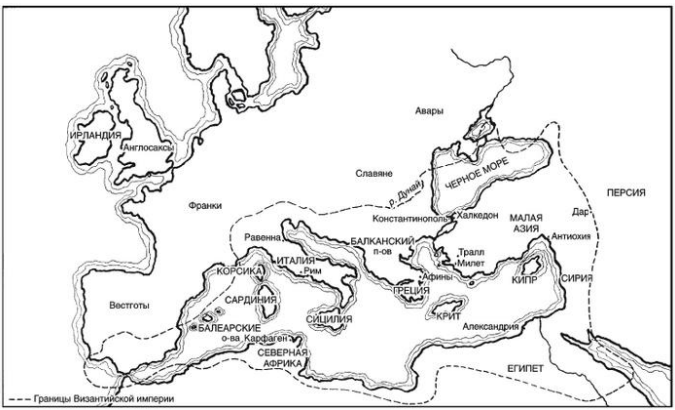
Империя почти вернулась в границы времен

Феодосия I: Северная Африка, Италия, все острова Средиземного моря и значительная часть Испании воссоединились с остальной частью государства. Активность империи не затронула лишь франков, которые захватили Галлию, прежнюю провинцию Римской империи, но они были католиками, а потому формально признавали свое подчиненное положение. (Оставался еще ранее принадлежавший римлянам остров Британия, за который бились кельты и саксы, но он не входил в зону интересов и влияния Византии.)

Восстанавливая территориальную целостность империи, Юстиниан не мог предотвратить нападений персов на восточные провинции и варваров на Балканах, но в целом граница на этих направлениях удерживалась и потери оказались не столь значительными.

Обстановку внутри страны в период правления Юстиниана можно охарактеризовать как череду триумфальных побед на фоне восстаний, эпидемии чумы и землетрясений, в результате которых Константинополь нередко становился ареной страшных событий. Кодификация Юстинианом римского гражданского права стала поистине царским подарком всей будущей Европе, а достижения в области архитектуры и градостроения

превратили столицу в город-чудо.



Карта 4. Византийская империя в 560 г. при Юстиниане I

Необходимо отметить невероятную работоспособность императора. Он принадлежал к числу тех немногих монархов, что находили истинное удовольствие, вникая в мелочи управления государством, был неприхотлив в еде, равнодушен к винопитию и мало спал. Его так и называли — «император, который всегда на ногах».

Много внимания уделял Юстиниан моральным качествам и эффективности своего чиновничьего аппарата (надо сказать, император в основном

не ошибался в людях). В какой-то степени это определялось его личными качествами, но и диктовалось условиями войны, на которую требовались огромные средства. Народом же Юстиниан управлял так, как позволяла в тот или иной момент ситуация.

Не обошлось, правда, и без серьезных ошибок. И самая главная — просто немыслимая цена, которую пришлось заплатить за реализацию внешнеполитической стратегии императора. Славные завоевания на Западе стоили слишком дорого. Кончилось тем, что Византийская империя, которая весьма внушительно выглядела на карте мира, оказалась на грани банкротства. Не способствовали территориальные приращения и экономическому росту — за два столетия варварского владычества бывшие провинции империи сами оказались в плачевном состоянии.

Значительная часть торговых связей Византии приходилась на страны Востока, и с экономической точки зрения Юстиниан был заинтересован в стабильных договоренностях с Персией. Это вынуждало оставить мечты об империи в границах периода правления Феодосия I.

Например, шелковые ткани и специи доставлялись в Византию с Дальнего Востока, проходя

в Центральной Азии через руки многочисленных посредников. На каждом отрезке пути цена возрастала, и в Константинополе товар стоил уже в полном смысле слова на вес золота. Главные караванные пути контролировали персы. Получалось, что, диктуя цены, они направляли полученные от византийцев средства на продолжение войны все с теми же византийцами. Понимая абсурдность своего положения, Юстиниан старался перенаправить товаропоток на север Прикаспия, через земли варваров, или обеспечить доставку морем, вокруг Индии и Аравии, но не преуспел.

И все же одна победа была одержана и здесь. Специи давали растения, которые могли расти только на Дальнем Востоке, и с этим ничего поделать было нельзя. А вот выкрасть секрет производства шелка оказалось возможным. Шелковую нить получали из кокона одомашненного шелкопряда, питающегося листьями тутовника. Юстинианом были подкуплены два монаха, перса, которые жили в Китае. Во время очередного возвращения из Поднебесной они спрятали гусениц бабочки в полых бамбуковых посохах и благополучно доставили их в Константинополь. Около 550 года в Византии началось собственное

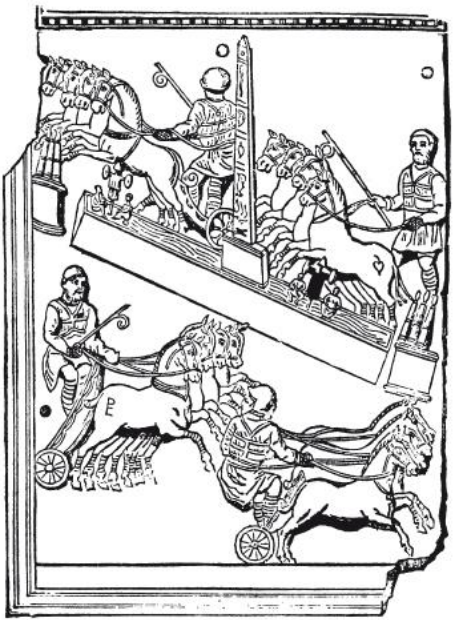
производство шелковых тканей, а все последующие поколения шелкопряда в Европе — потомки тех «перебежчиков».

При несомненных плюсах, полученных Юстинианом от успешной реализации западной стратегии, не следует забывать о серьезных издержках, вызванных отказом воспринимать реалии, существовавшие на юге страны. Пока здравствовала Феодора, ее сочувствие монофизитам сглаживало острые углы и оставляло населению южных провинций империи некую надежду на возможность следовать собственным духовным путем. Иногда ей даже удавалось спасать еретиков от неминуемой кары центральной власти. С кончиной императрицы прекратилось и заступничество. Жителям Египта и Сирии оставалось наблюдать за торжеством ортодоксального католицизма, который навсегда отделил их от остальной части империи. С тех пор для монофизитов не существовало большего врага, чем Константинополь.

Правда, инакомыслящие мало что могли противопоставить диктату империи. Надежд на успех восстания почти не было, а бессильная злоба недовольных не затмевала реальные победы на Западе. Однако вскоре Константинополю придет-

ся жестоко поплатиться за то, что Юстиниан не внял чаяниям людей на юге страны.

Глава 4
Двойная катастрофа



Новые варвары

У Юстиниана не было сыновей, которые могли бы автоматически наследовать трон. Не в пример дяде Юстину, не выбрал он себе и преемника, чтобы, назначив его сначала соправителем, обеспечить более или менее спокойный переход власти. А значит, в соответствии с принципом «выборности», к власти мог прийти любой, имевший достаточную поддержку хотя бы одного из наиболее могущественных слоев населения: военных, чиновничества или плебса.

Правда, у Юстиниана было семеро племянников, один из которых, Юстин, и оказался фаворитом. Действовать он начал сразу, как только узнал о кончине великого императора. Молниеносно провел все необходимые мероприятия, чтобы предстать перед народом, а дворцовая гвардия его короновала. Затем будущий император Юстин II устремился на ипподром, где восторженная толпа приветствовала его, — дело было сделано.

Начиная свое правление, Юстин II действовал из самых лучших побуждений. Он отдавал себе отчет в том, что при его дяде Юстиниане все завоевания империи проводились сооб-

разно принципу разумной безопасности или едва выходили за эти рамки. А посему решил придерживаться политики неагрессии и мирной обороны. Это позволило всецело заняться укреплением экономики Византии. Император выплатил часть долгов, на которые Юстиниан закрывал глаза, снизил налоги и даже несколько смягчил давление власти на монофизитов.

Режим экономии мог дать результат только при условии прекращения выплаты дани племенам варваров на севере. И подобно Марциану, который столетие назад отказался платить гуннам, Юстин II проигнорировал аваров. Конечно, можно было в очередной раз воспользоваться формулой «получил и отвалил», но Запад уже не был столь привлекателен, как прежде. Без сомнения, покорить франков, контролировавших земли к северу от Пиренеев и Альп, не составляло труда, вот только поживиться в их владениях было почти нечем.

Авары предпочитали удерживать позиции на Востоке и в боях отстаивать право на дань. Византийцы в долгу не оставались, и к 571 году авары получили сполна: им пришлось согласиться на мир с империей и выдвинуться в западном направлении, выйдя к самой франкской границе,

правда не предпринимая открытых военных действий против местных племен.

Однако при Юстиниане границы страны расширились настолько, что усилия по отражению натиска врагов на одном участке тут же приводили к ослаблению позиций на другом, и даже такой маневр варваров грозил империи катастрофой. Новая напасть пришла из Италии, которую недавно покорил Нарсес. К моменту прихода к власти Юстина II Нарсес все еще оставался наместником Византии в Италии. «Железный» евнух из Равенны и в девяносто лет был полон сил и энергии.

Само собой, Юстин считал, что дряхлеющему военачальнику пора на покой. Не прочь он был избавиться и от других наследников прошлого режима, назначив на ответственные посты своих ставленников (вполне в традиции новых руководителей).

В почетной отставке Нарсес прожил еще шесть лет и скончался в 573 году в возрасте около девяноста пяти лет. Кроме него, будет только один правитель за девяносто — он войдет в историю через шесть столетий после Нарсеса и, на беду Византии, окажется ее злейшим врагом.

Позднее в связи с отставкой Нарсеса выдумали

легенду, которая, однако, кажется слишком невероятной и жестокой, чтобы оказаться правдой. А виновницей всего объявили новую императрицу Софью, которая имела на Юстина II не меньшее влияние, чем Феодора на его дядю и предшественника.

Софья якобы отправила к Нарсесу посыльного с мотком пряжи. На словах тот передал, что правителю Италии следует оставить военное дело настоящим мужчинам, а самому, как евнуху, отправиться во дворец, где со служанками заняться прядением. На это, как сообщают источники, едва не потеряв от возмущения дар речи, Нарсес ответил: «Я ей такого напряду, что вовек не распутает!» А перед отъездом якобы пригласил в Италию новое племя германцев.

Если эту историю выдумали для того, чтобы как-то объяснить появление новых варваров, то не стоило и огород городить. Все и так очевидно — авары ушли с Балкан, встретив жесткую оборону Юстина. Правда, была и другая причина: они отступили, встретив хазар — новое племя кочевников-азиатов, устремившихся сюда с бескрайних просторов Центральной Азии.

Авары двинулись в западном направлении и обосновались на территории современной

Венгрии. Новую опорную базу варвары будут удерживать более двухсот лет. Миграция аваров в Венгрию оказала серьезное давление на германцев, уже населявших эти земли. Предстояло решать: принимать бой или уходить. Лангобарды, один из германских народов, предпочли поиск свободных земель. В 568 году, перевалив через Альпы, они вышли на равнины Северной Италии.

Окажись в тот момент в Италии Велизарий, Нарсес или другой византийский полководец их уровня, наступление германцев наверняка было бы отбито. Теперь же, без должного руководства и из-за малочисленности войск, приходилось отступать. В Северной Италии лангобарды основали свое королевство; вооруженные отряды тех же германцев захватили и отдельные районы южнее нового государства.

Заметим, что византийцы не сдавали свои позиции без боя, а оказывали противнику упорное сопротивление. (О чем нередко пренебрежительно забывают западные авторы.) Они сумели закрепиться в южных областях полуострова, в широком коридоре в центральной части от Рима до Равенны, в Венеции и Неаполе.

Лангобардское вторжение стало хорошей про-

веркой на прочность политики расчетливой экономии, которой придерживался Юстин II. Действительно, соблазн бросить все ресурсы на Запад ради спасения завоеванного был велик. Но с Востока могли последовать гораздо большие беды, где по-прежнему империи угрожала Персия. Там заканчивался период царствования великого Хосрова I, который уже два раза бился с Юстинианом, а теперь атаковал и Византию Юстина, полагая, что император на самом деле перебросит значительные силы в Италию.

В 572 году первым же броском персидские войска глубоко вклинились в Малую Азию, но Юстин правильно оценил ситуацию. Он не стал предпринимать никаких действий в Италии, полностью сосредоточившись на предотвращении куда более серьезной опасности. Персам пришлось вернуться на исходные позиции, а в 576 году подписать мир на ставших уже привычными условиях.

Однако напряжение физических и душевных сил не прошло для Юстина, и так человека с неуравновешенной психикой, бесследно, вызвав новое обострение. У императора оказались парализованы ноги (скорее всего, именно на нервной почве), и со всей очевидностью встал вопрос о

передачи властных полномочий дееспособному правителю.

Судьбе было угодно, чтобы вот уже целое столетие ни один правящий император не имел сына-наследника. Единственный сын Юстина умер, а с родственниками он не ладил. Но уже по традиции рядом оказался начальник дворцовой стражи, высокий красавец, на которого положила свой наметанный глаз императрица Софья. Она и убедила мужа сначала усыновить его, а потом возложить на него обязанности управления государством. В 578 году, после тринадцатилетнего правления (из них четыре года — в полном забвении), немощный император скончался, а приемный сын взошел на престол под именем Тиберия II.

Тиберий намеревался и далее следовать политике сохранения мира за пределами империи и жесткой экономии внутри страны, но, как выяснилось, эти желания взаимно исключали друг друга. Для поддержания мира на Балканах приходилось опять платить дань аварам, что, останавливая опустошительные и кровопролитные набеги варваров, неминуемо выкачивало огромные средства из казны. Причем это не мешало так называемой «славянизации» северной

части Балкан — тихому проникновению на эти территории мирного крестьянского люда славянского происхождения. На восточной же границе не прекращались пограничные конфликты, приобретая характер перманентной необъявленной войны в периоды между формальными войнами двух государств.

Правил Тиберий всего четыре года, и предчувствие скорой смерти позволило императору сознательно выбрать преемника. Наследника опять не оказалось, и он назначил Маврикия, наверное самого способного полководца Византии после Нарсеса.

Маврикий родился в Малой Азии и гордился тем, что его предки принадлежали к славной римской династии. Карьера военного выдвинула его на должность главнокомандующего силами империи на Востоке, где он одержал несколько важных побед в сражениях с персами. Зная о близком конце, Тиберий благословил брак Маврикия со своей дочерью Константиной. После смерти императора Маврикий без осложнений и на радость родителям, которые присутствовали на торжествах, был коронован.

Неудивительно, что первым желанием Маврикия-императора стало как-то урегулировать

отношения с Персией. Тем более что этому благоприятствовала и обстановка у соседей — в 579 году умер Хосров I и в стране начались беспорядки, а на восточных окраинах царства активизировались кочевники.

В 589 году царем Персии стал внук Хосрова I, но вспыхнувшая гражданская война практически сразу вынудила молодого Хосрова II покинуть родину. Оказавшись в Византии, он получил личную защиту императора. Искренность поступка Маврикия не вызывает сомнений. Он сознательно шел на риск, выступая в войне на стороне законного претендента на трон, рассчитывая, что тот в будущем не забудет своего спасителя. (Неблагодарность в политике настолько общее место, что кое-кто может спросить, а в своем ли уме пребывал Маврикий, идя на такой шаг, однако последующие события подтвердили правильность решения императора.)

Армия Маврикия и войска, сохранившие верность царевичу, одержали победу и возвели на трон законного владыку, который сполна отблагодарил милосердного соседа. В 591 году он согласился заключить с Византией мир на условиях, о которых можно было только мечтать: Персия возвращала империи все ранее занятые

крепости и передавала большую часть Армении. Кроме того, Хосров поклялся Маврикию хранить мир и, что самое удивительное, сдержал свое слово! (Однако именно столь идиллическая картина и приведет империю к страшным последствиям, заставляя поверить, что любой путь, даже самый благостный, неминуемо ведет к катастрофе.)

Но на Западе дела империи, как ни старался Маврикий, развивались не столь благополучно. В Центральной Италии им был образован Равеннский экзархат, далекая и изолированная от основной части государства провинция. Принимая во внимание то, что эта территориальная единица империи в наибольшей степени была подвержена нападению противника, власть в Равенне находилась в руках военного наместника, которому подчинялась гражданская администрация. Статус-кво удавалось поддерживать лишь благодаря упорству императорской армии, которая сумела остановить дальнейшее продвижение лангобардов на юг. Именно поэтому Византия сохранила свои владения в Центральной Италии еще почти на два столетия.

Стоило византийцам начать наступление, как тем же отвечали германцы. Сложилось некое равновесие, которое не удавалось нарушить

ни одной из сторон. В Испании под натиском заметно окрепших вестготов империя теряла одну область за другой, что привело к тому, что владения императора теперь ограничивались несколькими городами и крепостями на самом юге страны.

Осложнилась обстановка и на Балканском полуострове. Авары под началом своего величайшего за всю историю предводителя кагана Баяна форсировали Дунай и в 591 году (в год наивысшего успеха Маврикия на Востоке) оказались у стен Константинополя.

Маврикий поспешил домой и поначалу даже сам водил византийцев в бой, став первым императором-воином сразу двух столетий. Вскоре, правда, он передал ведение кампании Приску, одному из своих военачальников, который в 601 году в решающей битве на берегу Дуная (недалеко от современного Белграда) разгромил армию аваров.

Первая катастрофа

К сожалению, с годами Маврикий все меньше пользовался популярностью в стране. Его политика бережливости и экономии раздражала тех, кто имел возможность погреть руки на государственных расходах. Да и столичные жители тяготились ограничениями, которые навязывало правительство. Однако действительно серьезный кризис разразился в дунайском приграничье, где реальная угроза со стороны кочевников вынуждала Маврикия вводить в войсках железную дисциплину, одинаково необходимую и непопулярную. Само собой, солдаты начали выражать недовольство.

В 602 году авары предложили императору обменять двенадцать тысяч пленных византийцев на шесть тысяч золотых монет. Маврикий засомневался, стоит ли поддаваться на шантаж, а авары недолго думая казнили несчастных. Армию сотряс взрыв негодования — завтра любой из них мог оказаться в плену и потому не собирался экономить для императора ползолотого. Среди недовольных быстро отыскался предводитель — младший офицер Фока. Оставив позиции, солдаты целыми подразделениями маршем направлялись в Константинополь.

Если бы гвардия и население города сохранили верность императору, мятежников, скорее всего, удалось остановить у стен столицы. Но Маврикию не повезло, и мятеж вспыхнул уже внутри крепостных стен. Повторялись события семидесятилетней давности, те, что произошли во время восстания «Ника», с той лишь разницей, что у Маврикия не было императрицы Феодоры, Велизария во главе дворцовой гвардии и Нарсеса в толпе восставших. Маврикий поступил так, как собирался было Юстиниан: он отрекся от престола, покинул город и, переправившись через Босфор, оказался в Азии. Оттуда спасшийся бегством император с мольбой обратился к Хо-

срову II, прося помощи, что сам оказал царю всего десять лет назад.

После бегства Маврикия народ вполне мог объявить императором его старшего сына (у него их было пятеро), но в этот момент в распахнутые восставшими горожанами ворота с триумфом вошли солдаты мятежной армии. Во главе процессии на колеснице, запряженной четверкой белоснежных лошадей, в город въехал Фока. Оказывается, армия уже провозгласила его императором, и константинопольцам оставалось лишь приветствовать нового монарха.

Фока тотчас отправил отряд для поимки Маврикия и его сыновей. Все были убиты на месте, создав печальный прецедент в истории Византийской империи. В Риме III столетия уже был период анархии, когда покушения на императоров совершались одно за другим, но после правительственной реформы Диоклетиана все императоры, за очень редким исключением, умирали в собственной постели или на поле брани.

Со времени основания Константинополя сменилось восемнадцать императоров, и лишь восемнадцатый — Маврикий — стал жертвой насилия собственных граждан (напомним, что близок к этому был и Юстиниан), и, к сожалению,

далеко не последней. Из нескольких десятков императоров более половины насильно лишились трона, были подвергнуты истязаниям, ослеплены или убиты. Сорока императорам пришлось самим проверять справедливость слов Феодоры о том, что «царская власть — прекрасный саван», и участь их была ужасной.

Вскоре весть об отречении Маврикия и последовавшей за этим казнью дошла до Хосрова II и потрясла его. Он остался верен договору с Маврикием, явив миру необычайный пример дружелюбия на фоне столетий вражды между двумя народами, и объявил Византийской империи войну. Царь шел в поход, чтобы отомстить за своего союзника, и поклялся воевать до тех пор, пока убийцы друга не получат справедливого возмездия. Так началась последняя, самая ожесточенная и победоносная из всех персидских кампаний на Западе.

Уже первые успехи Хосрова не на шутку испугали Фоку. Первый император-солдат среди тех, кто прежде получал этот титул по наследству или за очевидные заслуги и личные качества, он оставался тем же недалеким человеком, что и прежде, и не знал, что делать. В панике Фока заключил с аварами мир, заплатив огромный

выкуп, за что его сразу возненавидели военные.

Хуже того, ради симпатий Запада император развязал репрессии против монофизитов и признал за папой верховенство над патриархом Константинополя. Однако дальше хвалебных речей папы Григория I в адрес восточного тупицы, незаслуженно занимавшего императорский трон, дело не пошло.

Узнав об этом, православное духовенство пришло в ужас. Как-никак, а после побед Юстиниана на Западе политически Рим контролировался Константинополем, что в глазах, по крайней мере, византийцев выглядело последним кирпичиком в величественном сооружении всего христианства, на вершине которого возвышался патриарх Византии. С того момента глава Константинопольской церкви именовался патриархом единой христианской церкви, заявляя права на вселенскую церковную власть, и уж тем более — над папой.

Конечно, никто из пап не признавал нового титула патриарха и не отказывался от собственных притязаний на руководство общехристианской церковью, но и поделать ничего с позицией Константинополя не мог. Даже после вторжения лангобардов и утратой Византией большей части

Италии Рим входил в Равеннский экзархат и папа всецело зависел от императора. Теперь, когда Фока сдал позиции и империи, и патриархата, возмущенное восточное духовенство встало в ряды непримиримой оппозиции.

Но самым неразумным шагом императора стало преследование сторонников монофизитства. Сирийцы больше не видели смысла, жертвуя собой, защищать деспота, который их же и подвергал гонениям. Кончилось тем, что вместо отпора наступающим персам они устроили им торжественную встречу как освободителям. Крепости византийцев сдавались одна за другой. Армии Хосрова II, как нож в масло, врезались в земли Сирии и Малой Азии и в 608 году достигли Антиохии, окружили город и приступили к осаде. Жители Константинополя запаниковали, крепко жалея о том, что сами усадили на трон столь бездарного человека. Однако он продолжал оставаться их императором, а имея под началом придворную гвардию, установил в городе власть террора.

Возглавлял оплот империи в Северной Африке способный полководец Ираклий. Назначенный на свой пост Маврикием, он и теперь остался верен своему императору, выжидая удобный

момент, чтобы отомстить за гибель начальника. В 610 году Ираклий решил, что час настал. Он не сомневался в верности своих войск, а главное — к нему присоединился Приск, не менее опытный и надежный полководец империи.

Приск повел армию в Египет, а флот под началом сына наместника, которого тоже звали Ираклий, направился непосредственно в Константинополь. Завидев на горизонте корабли Карфагена, жители столицы в исступлении бросились во дворец. (Гвардия благоразумно не сопротивлялась.) Фоку схватили и растерзали. После восьми лет непрекращающихся бедствий его правлению пришел конец. Новым императором провозгласили молодого Ираклия. Народ приветствовал его как спасителя, посланного небесами.

Правда, мало что говорило о благоволении небес. Империя трещала по швам, и, казалось, ничто не может остановить падение государства. Восхождение на престол Ираклия уже не воспринималось как чудо, совершенное по мановению волшебной палочки.

Хосров II вторгся в пределы империи с одной целью — отомстить за гибель Маврикия, и теперь, когда его убийца получил по заслугам,

приняв гораздо более жестокую смерть, вроде бы полагалось заключать мир с Византией. В жизни, однако, люди не часто ведут себя последовательно, а Хосров зашел слишком далеко, чтобы ни с того ни с сего взять и остановиться. Придворные льстиво называли его Хосров Парвиз («Победоносный»), и это не могло не нравиться. После столь славного продвижения на Запад его собственная победа в войне приобретала самодостаточную ценность. Как тут трубить отбой?!

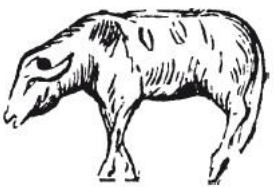
И в первые годы правления Ираклия Хосров продолжал штамповать победы: в 613 году пал Дамаск, в 614-м — Иерусалим. А чтобы утрата города Христа доставила византийцам еще большие мучения, персы захватили и Истинный крест, на котором, как считалось, был распят Иисус Христос.

По легенде, крест извлекли в 326 году во время раскопок, которые проводились под началом матери Константина I, Елены. А доказательством того, что это именно тот священный крест, стали чудеса, которые происходили вокруг него. Теперь же солдаты Хосрова без благоговения, как обычную деревяшку, тащили его в Ктесифон, столицу персидских царей.

К 615 году завоевание Малой Азии заверши-

лось. Победоносные персидские армии стояли на берегу Босфора, в Халкедоне, разглядывая очертания Константинополя. В результате войны Византийская империя лишалась всех своих владений в Малой Азии, а ее древние христианские провинции оказались во власти персов-огнепоклонников.

Возрождение



В первые годы правления, которые отмечены чередой военных неудач, Ираклий настойчиво занимался переустройством и укреплением хозяйства страны, проведением финансовой, административной и военной реформы. Этот же период отмечен и поступком, который вряд ли красит его как руководителя и человека. Приск, полководец, при поддержке которого Ираклий стал императором и который вел его войска в бой с персами, был силой доставлен в Константинополь и пострижен в монахи. Конечно, можно найти оправдание, сказать, что в минуту опасности во главе армии должен находиться только один человек, а пребывание Приска на свободе

было чревато гражданской войной. Тем не менее подобный шаг говорит не в пользу императора.

Одно из нововведений Ираклия определило развитие империи на столетия вперед. Он ввел в государстве военно-административные округа по образцу Равеннского экзархата. Таким образом, функции управления в империи передавалась в руки военных.

Округа назвали фемами (от греческого названия военного отряда), отчего в стране сразу повеяло милитаризмом. Вся полнота власти в фемах передавалась ее начальнику — стратигу, которому подчинялись гражданские чиновники. Военной силой становилось военнослужилое сословие — крестьяне-общинники, которым передавались земельные наделы с правом наследования на все время, пока они служат в императорской армии. Реформа предполагала, что в стране возникнет надежное сословие крестьян-воинов, и в определенной степени эти надежды оправдались. Главным поставщиком образцовых военнослужащих в течение четырех веков оставалась Малая Азия.

Неутомимым помощником во всех начинаниях Ираклия был Сергий, один из самых замечательных людей, когда-либо носивших титул

патриарха Константинополя. Он стал патриархом в 610 году, в год восшествия на престол императора Ираклия. В тесном взаимодействии оба трудились не покладая рук, самоотверженностью служения напоминая тандем Юстиниана и Феодоры. Сергий предоставил в распоряжение императора богатства церкви, без которых его амбициозные реформаторские планы вряд ли могли бы осуществиться.

Именно патриарх Сергий в критический момент стал спасителем Ираклия. В 618 году, после восьми лет упорнейшего труда, императору, по сути, было нечем гордиться. Персы по-прежнему стояли на Босфоре, на расстоянии прямой видимости от Константинополя, и начинали вторжение в Египет, практически не встречая сопротивления местных монофизитов. С Запада приходили известия о падении под ударами вестготов последних крепостей византийцев в Испании. А на севере авары опять вторглись на территорию Балкан.

В минуту отчаяния Ираклий предложил (как когда-то Юстиниан) оставить Константинополь, отступить в Карфаген и попытаться спасти от глобальной катастрофы хотя бы одну провинцию империи. Однако, подобно Феодоре, Сергий оста-

вался спокоен и тверд. Искренняя уверенность патриарха передалась императору и вдохновила его на продолжение праведных трудов. Правда, предстояли еще несколько тяжелых для страны лет. В 619 году персы покорили Египет и, похоже, нацелились на Карфаген.

И здесь они все-таки остановились. Католики Карфагена не собирались безучастно сдаваться врагу по примеру монофизитов Сирии и Египта, а Хосров не решился на продолжение наступления, справедливо опасаясь растягивать коммуникации армии, которые и так оказались слишком велики. Европейские же провинции империи не могли быть атакованы по причине отсутствия у персов военного флота.

Так, захватив лучшие земли Византийской империи, Хосров был вынужден остановиться и ждать, когда Ираклий запросит позорного мира. А тот, наконец, как раз оказался готов провести контрнаступление. Император откупился от аваров, заключив перемирие, и в 622 году ринулся в Азию.

Вот вам один из многочисленных примеров истории, наглядно демонстрирующих огромное значение флота. Не имей Ираклий кораблей, он сделал бы не больше, чем Хосров, — сидел на

берегу Босфора и наблюдал за неприятелем. С кораблями же его армия оказалась далеко в тылу противника.

В январе 623 года императорский флот доставил армию в район Исса на северо-востоке Средиземного моря, где Малая Азия встречается с Сирией[31]. Не ожидавшие нападения персы были вынуждены в спешке перестраивать свои порядки, чтобы встретить войско Ираклия, но его хорошо обученные воины дрались умело. Нанося удары и с фронта, и с тыла, Ираклий одержал в этом сражении убедительную победу.

К сожалению, нам неизвестны подробности сражения — рядом с Ираклием не было своего Прокопия, чтобы оставить потомкам историю его деяний. Мы лишь можем предполагать, что после сражения при Иссе византийцы отправились в Армению. Персы, чтобы не оказаться отрезанными от основных сил, были вынуждены оставить позиции на полуострове. В течение последующих трех лет Ираклий вел кампанию в Армении, восстановил престиж империи, поставив Персию

[31] Примечания: 31

Исс — город в древней Киликии (близ современного города Дертойл, в Турции), где в 333 г. до н. э. войска Александра Македонского нанесли решительное поражение силам персидского царя Дария III, после чего продолжили поход в Финикию. *(Примеч. пер.)*

практически на грань поражения. Однако персы смогли остановить продвижение византийцев на юг, в центральные районы царства. Создалась тупиковая ситуация.

К 626 году уже не «Победоносный» Хосров был в отчаянно тяжелом положении. Пытаясь выправить ситуацию, он рассчитывал выйти в тыл силам противника и, не имея флота, обратился за помощью к аварам. Кочевники, несомненно преследуя собственные цели, согласились.

В июле 626 года около восьмидесяти тысяч аваров и славян оказались у стен Константинополя и приступили к осаде. Одновременно армия персов, обойдя главные силы византийцев, вновь выдвинулась на запад и в Халкедоне ожидала падения столицы. Хосров рассчитывал, что Ираклий поспешит на выручку гарнизону и оставит без прикрытия пути доставки провианта и оружия.

Но персам не повезло. Ираклий остался на восточном побережье Черного моря, намереваясь твердо следовать заранее утвержденным стратегическим планам, а Константинополь предоставил собственной судьбе. Император был уверен в крепости городских стен и таланте патриарха. Со спокойной решимостью Сергий

возглавил оборону города. Крепостные стены добавляли уверенности, а флот регулярно доставлял все необходимое для обороны. Авары поняли, что ничего не добьются, и сняли осаду.

Армия в Халкедоне была потрясена радостным кличем, который сопровождал уход кочевников от стен Константинополя. Ираклий со своим войском по-прежнему оставался у них в тылу. Тут нервы не выдержали уже у персов, и они безропотно сдались.

Персидские солдаты больше не верили в успех и требовали возвращения домой. Императорские войска вновь взяли под контроль Египет и Сирию и гнали противника прочь, буквально наступая на пятки отступающим. Однако Ираклий хотел не просто вернуть некогда утраченные земли, он понимал, что должен преподать Персии урок, который будет усвоен надолго. Для этого император заключил союз с хазарами, кочевым народом, который обосновался в степях Причерноморья. Новые союзники обещали не пускать докучливых аваров южнее Дуная. Теперь, когда за фланг в Подунавье можно было не беспокоиться, Ираклий мог начать наступление в центральные районы Персидского царства.

Византийцы вошли в Месопотамию, где ино-

земные армии не появлялись уже триста лет. Решающее сражение произошло неподалеку от руин Ниневии, столицы древней империи ассирийцев. Так, в декабре 627 года в последней битве сошлись солдаты, говорившие на греческом и персидском языках. Начало же противостоянию двух культур и языков было положено одиннадцать веков назад в битве при Марафоне.

Ожесточенное сражение продолжалось весь световой день и закончилось полной и безоговорочной победой армии Ираклия. Упорное и мастерски организованное преследование отступавшего противника продолжалось почти до стен столицы Персии. (Больше никогда в истории персидские армии не будут совершать походы в дальние страны.)

Хосров II воевал с Византией шестнадцать лет. За первые восемь лет он добился практически всего, в последующие восемь — почти все потерял. Сколько раз еще в истории за блистательным возвышением будет следовать катастрофическое падение, и последний тому пример — Адольф Гитлер.

Несмотря на то что царь не собирался сдаваться, его подданные понимали, что мир возможен лишь при отсутствии его на троне, и смерть

владыки их вполне устраивала. В 628 году в результате заговора знати Хосров и почти все его сыновья были убиты. Единственный оставшийся в живых сын некогда «Победоносного» Хосрова заключил мир с Византией.

По условиям мирного договора империя возвращала себе контроль над всеми утраченными землями. А в 629 году торжественная процессия пронесла по улицам Иерусалима крест, на котором был распят Иисус. Святыня вернулась на место после пятнадцатилетнего пребывания в руках безбожников. Нес крест сам император Ираклий.

Вторая катастрофа

В 630 году, через триста лет с момента основания Константинополя, Византийская империя являлась мощным и стабильным государством. Вот уже сто пятьдесят лет не было Римской империи, а ее восточная половина по-прежнему существовала, не меняясь со времен императора Августа.

Все провинции, некогда составлявшие Восточную Римскую империю, при Ираклии, как и при Константине I в 330 году, находились под жестким контролем Константинополя. Правда, Балканы терзали племена аваров и славян, но их набеги вызывали лишь досаду и раздражение, так как серьезной политической силы за язычниками пока не просматривалось.

Более того, под контролем Константинополя по-

прежнему находились земли, некогда входившие в состав Западной Римской империи. Значительные приращения территории времен Юстиниана — Северная Африка, все острова в Средиземном море и значительная часть Италии — контролировались византийцами. Империя, которая «пала» сто пятьдесят лет назад, оставалась мощным, размером почти со все Средиземноморье, государством, военное преимущество которого в Европе было неоспоримым.

Будущее казалось прекрасным. Вестготы, франки или лангобарды на Западе, со своей примитивной и неэффективной военной машиной, могли лишь «пощипывать» окраины империи. Вестготы — захватить несколько укрепленных городов на побережье Испании; лангобарды — назойливо докучать набегами на земли Равеннского экзархата; франки же вообще ничего не могли, воюя исключительно между собой.

Из цивилизованных держав на равных с Византией могла сражаться лишь Персия, но теперь и она была повержена. Поражение имело для нее катастрофические последствия. Трон многократно переходил из рук в руки, окончательно повергая некогда сильное государство в хаос. Становилось очевидным, что в ближайшее время

эта страна не конкурент империи Ираклия.

Но затяжная война с Персией, без сомнения, ослабила и Византию. Не умаляя значения побед и славного возвращения в пределы империи креста Иисуса, следовало признать, что империя вышла из войны истощенной и в военном, и в финансовом отношении. Появись неожиданно новый враг, равный по силе Персии, и обескровленная Византия вряд ли нашла бы силы и волю к сопротивлению. Однако в 630 году мало кто задумывался об этом. Тогда казалось, что по мощи никто не может соперничать даже с заметно ослабевшей империей.

Однако новый противник появился, причем, как говорится, откуда не ждали. На огромных просторах пустынной Аравии, мало влиявшей на ход развития тысячелетней истории цивилизованного человечества, появился пророк Мухаммед. На основе теологических представлений иудеев и христиан, а также собственных видений он предложил своему народу новую религию — ислам (от арабского «покорность», имеется в виду покорность Всевышнему). Проповеди Мухаммеда, собранные в Коране, стали священным писанием мусульман.

Пока Ираклий громил Персию, Мухаммед

собирал под своим началом племена арабов-кочевников и создавал отряды легкой кавалерии. Его воины фанатично верили в справедливость своей веры и были готовы обратить в нее — единственно истинную — весь мир. Пророк направил письма Ираклию и Хосрову с предложением добровольно присоединиться к воинам ислама, а в случае отказа обещал жестоко наказать неверных. Адресаты в недоумении порвали письма. Хосрову увидеть, к чему это приведет, не довелось, а вот Ираклий увидел.

В 632 году Мухаммед умер, но оставил после себя готовую в любой момент «взорваться» объединенную Аравию. Взрыв произошел на следующий год, когда армии арабов начали первые атаки на приграничные районы Византийской империи и Персии. Государства, гиганты по занимаемой площади и репутации в мире, были обескровлены войной и, на свою беду, сильно недооценили нового противника.

Ираклий поначалу предоставил возможность разобраться с арабами местным гарнизонам. И тут вновь напомнили о себе плоды западной стратегии Анастасия. Сирийские монофизиты, не оказавшие сопротивления персам, не стали воевать и с появившимися из пустыни арабски-

ми всадниками. Вскоре все основные цитадели империи были окружены, а многие из них сданы своими же защитниками, которым просто надоело воевать.

В начале 634 года пал сирийский город Боера, в ста пятнадцати километрах к востоку от реки Иордан. В Константинополе сдачу крепости начальником гарнизона расценили как государственную измену. Летом 635 года после долгой осады был захвачен Дамаск, гораздо более важный в стратегическом отношении город на сирийском направлении.

Ираклий словно очнулся от оцепенения. Получалось, что арабы — не шайка разбойников из пустыни, справиться с которыми можно силами местных властей, а действительно серьезная угроза всему государству, требующая соответственного отношения. В спешном порядке была собрана армия и под командованием брата императора Феодора направлена в Восточную Сирию. Дамаск был отбит, и некоторое время казалось, что опасность миновала.

Однако арабы собрали еще более мощную армию и продолжили наступление. В 636 году две армии сошлись в решающем сражении на берегу реки Ярмук, притока Иордана, к югу от Тивери-

адского озера, в сорока пяти километрах к западу от Боеры. Тяжелая конница империи — против легкой кавалерии, мощь — против маневренности и скорости.

Будь у Феодора воображение талантливого полководца и действуй арабы шаблонно, императорская армия наверняка одержала бы победу. Но Феодор привык воевать как учили — по учебнику. Трижды массивная лава его всадников пыталась смять боевые порядки арабских воинов. Но эффективность этих атак напоминала попытки сделать отверстие на водной глади: при каждом ударе арабы расступались и, развернувшись, возвращались на исходные рубежи. Когда же закованные в тяжелые доспехи кони и всадники начали терять силы от жары и жажды, на них с криками, обращенными к Аллаху, со всех сторон обрушились арабы.

В бойне полегла лучшая часть византийской армии, арабы же одержали очень важную для себя победу. Разбитые и сломленные духом византийцы оставили Сирию. Поражение, похоже, полностью парализовало волю Ираклия, которому оставалось править империей еще пять лет. Он не только не направил против арабов новые силы, но и вообще больше не предпринял ни

одного военного похода.

Историки иногда задаются вопросом: почему бесстрашный герой, который методично реформировал империю, спасал стоявшую на краю гибели страну, одерживал самые блистательные победы на Западе со времен Александра Великого, сидел сложа руки в своем дворце и ничего не делал для обуздания арабов?

Думаю, ставя вопрос таким образом, они, по крайней мере, несправедливы. При всех своих достоинствах Ираклий все-таки оставался простым смертным. А правление его отнюдь не назовешь беззаботным. Многие годы он пытался, нередко утратив всякую надежду на успех, отвести от империи катастрофу. Еще больше времени ушло на то, чтобы вернуть Малую Азию и Месопотамию. Теперь же, когда императору было уже за шестьдесят, выходило, что все приходилось начинать сначала.

В военном плане он сделал все, что мог, — собрал армию, но она погибла. Что еще требовалось от него? И вообще был ли вопрос чисто военным? Что было лучше: бросить государственные дела и в образе героя вести своих доблестных воинов к очередной славной победе или оставаться на троне, мудро рассудив, что не следует спасать тех,

кто сам не хочет быть спасенным? Да и как можно было спасти сирийцев, сдававшихся первому встречному завоевателю? Не лучше ли задаться вопросом: а почему Сирия сдавалась столь безропотно, ведь прежде ее защитники считались стойкими воинами?

Наверняка Ираклий понял, что причину неудач следует искать в западной стратегии его предшественников, в том, как, не учитывая реалии жизни в южных провинциях, центр сознательно настраивал население против себя. Дело даже не в армии и сражениях. Пойди Константинополь навстречу чаяниям южан — и они защитили бы себя сами. И здесь стоит напомнить о патриархе Сергии, много доброго и полезного свершившего при императоре Ираклии. Именно он дальновидно предоставил в распоряжение государя богатства церкви; поддержал его в трудную минуту, отговорив бежать из Константинополя; явил решимость и стойкость во время опаснейшей осады столицы аварами. Теперь же ради сохранения страны Сергий был готов поступиться и некоторыми догмами ортодоксального христианства.

Патриарх подготовил и предложил учение, которое, по его мнению, могло удовлетворить как католиков, так и монофизитов. В его компро-

миссном взгляде на христологический вопрос Христос имел две природы — божественную и человеческую (на чем настаивали католики), но единую волю (что являлось уступкой монофизитам). Компромиссное богословское учение получило название монофелитство (от греческого «одна воля»).

В окончательном виде учение было обнародовано в 638 году. Как часто случается при желании угодить сразу всем, ситуация только ухудшилась. Население южных провинций встретило новость в штыки — слишком часто им приходилось разочаровываться в нововведениях Константинополя. Западные католики Италии и Северной Африки были не менее категоричны в своем неприятии компромисса. Получалось, что, не добившись примирения с Югом, Ираклий нанес оскорбление и Западу, настроив против себя оба мира.

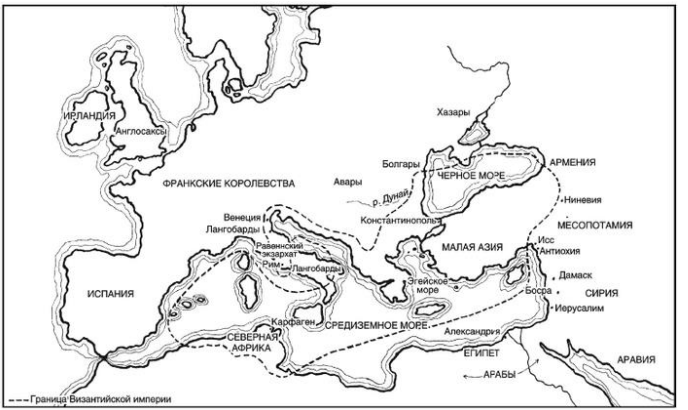
А империя между тем терпела одно поражение за другим, практически не оказывая противнику сопротивления. В 637 году арабы завоевали Иерусалим — всего через девять лет после выдворения из города персов. На этот раз Истинный крест, с пышностью и блеском возвращенный на свое законное место в 630 году, исчез навсегда. В 641 году

умер Ираклий. Именно в этот момент войска арабов начали завоевание Египта. В 642 году кампания закончилась взятием Александрии.

Ираклий правил страной тридцать один год. Время это было наполнено удивительными контрастами, которые могут сравниться лишь с тем, что пережил его современник и главный противник — Хосров II. Поочередно Ираклий все утратил, вернул и вновь потерял. Поистине нечеловеческими усилиями ему удалось предотвратить первую катастрофу, нависшую над империей, а вот справиться со второй сил не хватило. Не нашелся и человек, способный взвалить на себя эту задачу. А Сирия и Египет расстались с Византийской империей навсегда.

Конечно, катастрофа есть катастрофа, и лишь закоренелый оптимист найдет нечто положительное в самой что ни на есть печальной ситуации, в которой оказалась Византия. Мол, целое столетие Сирия и Египет выжимали из империи все соки, платя взамен лишь тем, что с затаенной злобой пока воздерживались от открытого сопротивления Константинополю; оставались источником постоянных конфликтов и открывали двери любой армии, оказавшейся на пороге империи; и, пожалуй, все, что случи-

лось, — к лучшему.



Карта 5. Византийская империя в 640 г. при императоре Ираклии

Как бы там ни было, теперь империя стала полностью католической и почти исключительно греческой по языку и культуре. В конце правления Ираклия страна все в большей степени превращалась в Греческую империю, как ее и будут называть в Западной Европе в эпоху позднего Средневековья. При нем латинский исчез из судов, правительственные учреждения получили греческие названия, а законодательные акты перевели на греческий язык.

Будь страна меньше, она была бы гораздо сильнее — единая в плане религии, языка, образа мыслей, происхождения своего народа и его веры. Но оказалось, что, призванная объединять народ, общая религия как раз и не стала объединяющим фактором. До времен правления Ираклия представители двух ветвей католичества, как бы ни ссорились по вечному вопросу: кто главнее — папа или патриарх, говорили на одном языке и понимали друг друга. Но и так слишком тонкая связующая нить порвалась. Теперь, когда западные священники говорили на итальянском и не знали греческого, а греческие — не знали итальянского, они стали друг для друга иностранцами.

При Ираклии в моду вновь вошли бороды. Существует мнение, что мужчины стали бриться во времена Александра Македонского. У императора якобы борода не отличалась густотой, отчего он, собственно, и начал ее сбривать. Через столетие привычку перенял и римский мир — Сципион преклонялся перед всем греческим и перенес ее на Запад. Теперь Восток, предложивший миру этот обычай, отказался от него, а Запад, перенявший его у Востока, сохранил.

Так, казалось бы, ничего не значащая мелочь

активно способствовала распространению волны враждебности между двумя народами: на Востоке безбородыми остались только евнухи, на Западе же бороды по-прежнему носили только крестьяне и варвары.

А потому бородатым византийцам все люди Запада напоминали евнухов, а в представлении чисто выбритых европейцев все бородачи являлись варварами. Розовощекость итальянских священников, равно как и окладистая борода греческих, стала еще одной из причин взаимной нелюбви и подозрительности.

Глава 5
Оборона Европы

Опасность нарастает

Впервые почти за два столетия (после кончины Феодосия II) со смертью Ираклия смена власти в Византийской империи стала происходить династически, то есть трон наследовали сыновья и внуки прежнего правителя.

Правда, начиналось все довольно неубедительно. После Ираклия на троне оказались оба сына — Константин III и Ираклион, — и двор сразу разделился на два враждующих лагеря. Ситуация осложнялась тем, что братья были не родные, а сводные. Второй женой Ираклия стала его племянница Мартина (мать Ираклиона). Разразился жуткий скандал, потому что большинство благочестивых церковников расценило эту связь как инцест. Но Ираклию достало авторитета и влияния, чтобы пережить осуждение определенной

части духовенства[32].

После смерти мужа Мартина возглавила партию противников своего пасынка Константина. Казалось, не избежать гражданской войны, но, не пробыв на троне и трех месяцев, Константин III неожиданно умер от туберкулеза. (Народная молва тут же обвинила Мартину в отравлении.) Ираклион начал править единолично, однако явил такую несостоятельность, что очень быстро оказался в изгнании.

Не прошло и года со дня смерти Ираклия, как с политической сцены сошли его сыновья, но династия не пресеклась — на трон возвели одиннадцатилетнего сына Константина III, который стал править империей как Констант II.

Не успел новый император достичь совершен-

---

[32] Примечания: 32

Церковь и светский закон отрицательно относились уже ко второму браку, с огромным трудом и всякого рода ограничениям допускали третий и совсем запрещали четвертый. Несмотря на то что встречались и «четверобрачники», сожительство таких супругов не считалось законным. Устанавливая возрастные ограничения для вступающих в брак (с пятнадцати лет для юношей и четырнадцати — для девушек), закон исключал браки для лиц, состоящих в родстве вплоть до шестого колена. Непреодолимым препятствием признавалось и духовное родство. Например, за брак крестного с крестницей карали, как за кровосмесительство, отсечением носа. Однако законы нарушали в первую очередь их издатели — императоры. Так, Мануил I Комнин и Андроник I Комнин имели детей от родных племянниц. За это закон предусматривал не только отсечение носа, но и казнь. Однако императоры остались, естественно, безнаказанными. *(Примеч. пер.)*

нолетия, как арабы полностью овладели Египтом. Несомненно, среди ортодоксально настроенного духовенства находились и те, кто взирал на бедствие с мрачной невозмутимостью. Всегда можно было сказать, что сирийцы и египтяне — еретики, разгневавшие Бога, а их завоевание сначала персами, теперь арабами — не что иное, как заслуженная кара небесная. По такой трактовке событий мучения и страдания шли им только на пользу, а освобождение от арабского ига возможно лишь при обретении истинной веры и искреннем раскаянии.

Однако многие в Константинополе расценивали создавшееся положение с более светских позиций и считали, что если монофизиты и должны покаяться, то сделать это необходимо как можно быстрее. Таким образом, при Константе II компромиссные положения монофелитства продолжали распространяться в обществе.

К сожалению, без видимого успеха. Население Египта и Сирии не собиралось отказываться от своего учения, даже оказавшись под пятой поработителей. В очередной раз не нашел подтверждения расхожий миф о том, что братья, пребывающие в ссоре, мирятся перед лицом общей опасности. Наоборот, жизнь подсказывает,

что в гражданской войне противоборствующим сторонам легче примириться с чужаком, нежели с родственником.

Ничего не добившись насаждением монофелитства в завоеванных арабами провинциях, Константинополь серьезно осложнил себе жизнь и на Западе. Еретическое учение осмелился осудить даже папа Мартин I, и это несмотря на то, что Рим по-прежнему контролировался императорской армией. За своеволие в 653 году папу сместили и сослали в отдаленную провинцию на восточном побережье Черного моря.

Но главную тревогу вызывали события за пределами империи. К моменту совершеннолетия Константа II арабы не только подавили последнее восстание в Александрии (645 год), но и завершили завоевание Персии. Теперь халиф[33] Осман стал правителем Аравии, Персии, Сирии и Египта. Выходило, что за исключением Малой Азии и собственной Аравии он владел всеми землями Персидского царства, которые принадлежали Хосрову II в период его наивысшего могущества лишь поколение назад. Само собой напрашивалось направление следующего главного удара

[33] Примечания: 33

Халиф по-арабски — «преемник», «заместитель»; имеется в виду преемник Мухаммеда на земле. *(Примеч. авт.)*

— Малая Азия и Константинополь. Для его реализации Осману требовался флот, которого пока не было.

Начал готовиться к отражению удара и Констант. Он продолжал развивать фемную систему управления страной, которую ввел Ираклий, особое внимание уделяя районам Малой Азии.

Между тем, получив собственный флот, арабы могли, не дожидаясь покорения Малазийского полуострова, предпринять атаку на столицу империи — Константинополь. Но сначала они решили проверить корабли в менее серьезной операции и в 649 году временно овладели Кипром, островом между Малой Азией и Сирией. В 654 году новые мореходы высадились на Родосе, у юго-западной оконечности Малой Азии.

Сами новички в морском деле, арабы комплектовали команды из опытных мореплавателей и после операции на острове Родос решили, что приобрели необходимый опыт для осады Константинополя с моря. Понимая, какая опасность нависла над империей, Констант надеялся пресечь поползновения противника в самом зародыше, для чего решил встретиться с ним как можно дальше от столицы. В 655 году два флота сошлись к востоку от Родоса. Флагманской гале-

рой командовал сам император, но все усилия и маневры византийцев не давали желаемого преимущества — арабы казались неуязвимыми. Флот Византии потерпел сокрушительное поражение, император чудом остался в живых и с трудом добрался до Константинополя.

Некоторое время путь на столицу оставался совершенно открыт, но арабы не смогли воспользоваться случаем. Их флот был заметно потрепан, предстояли ремонт и строительство новых судов. Именно в этот момент злую шутку с арабами сыграл единственный враг, одолеть которого они были не в силе, — соплеменники-единоверцы. В 656 году халиф Осман был убит. Его место занял зять Мухаммеда — Али, правление которого отмечено долгой и кровопролитной гражданской войной. Военно-морскую экспедицию в Константинополь пришлось отложить, а византийская столица получила столь желанную отсрочку длиной в двадцать лет.

Междоусобица в халифате позволила Константу заняться делами на других границах страны. Хотя авары больше не представляли серьезной опасности, на севере оставались славянские племена, и император нанес им ощутимое поражение. Не останавливаясь на достигнутом,

Констант, словно в качестве компенсации за утраты на Востоке, мечтал о завоеваниях на Западе и даже провозглашении Рима столицей единой империи.

В 661 году император с большей частью двора отправился в Грецию, где в некогда славных Афинах провел всю зиму. В следующем году он был в Южной Италии, в 663-м — в Риме, где императора не видели уже двести лет. Там Константа покинули последние иллюзии — Рим превратился в жалкое подобие богатого и величественного Константинополя.

А главное — он не знал, как и чем поднять армию на войну с лангобардами. О переносе столицы на окраину империи не могло быть и речи — под боком находился активный противник, избавиться от которого не представлялось возможным. К тому же все попытки императора воодушевить солдат на борьбу с ним не увенчались успехом. В 668 году Констант находился на Сицилии, в Сиракузах, когда в армии вспыхнул мятеж. В ходе кровопролития император был убит.

Трон сразу перешел к старшему сыну Констан-

та, Константину IV[34]. Во время поездки отца на Запад он оставался в столице и потому полностью владел ситуацией.

На беду, арабы оказались гораздо опаснее персов, а одно их отличие от прежних завоевателей имело, прямо скажем, губительные последствия для империи. Огнепоклонники-зороастрийцы, персы не питали большой любви к христианам, но и не являлись прозелитами, то есть не обращали иноземцев насильно в свою веру. Именно поэтому в завоеванных землях среди местного населения они оказывались изолированным меньшинством, а значит, продвижение вперед останавливалось, как только расстояние между войсками и тыловыми базами становилось критическим.

Ислам же, наоборот, был религией-прозелитом, исключительно остро соперничавшей с христианством. Арабы всеми средствами стремились обратить в свою веру неверных. Более того, ислам напрямую обращался к христианам, так как основывался на иудаизме и христианстве и

[34] Примечания: 34

Его полное имя — Константин IV Погонат, что значит «Бородатый». Новая привычка не бриться прижилась во дворце, но еще не стала общепринятой, отчего послужила поводом дать прозвище императору. *(Примеч. авт.)*

с почтением отзывался об Иисусе Христе и Деве Марии (правда, никогда не признавая ее божественности)[35].

Именно поэтому христиане Сирии и Египта (да и зороастрийцы Персии) довольно легко восприняли ислам. Ненавидевшие ортодоксальный Константинополь христиане-монофизиты посчитали веру арабов гораздо меньшим злом. Правда, за право исповедовать собственную религию им приходилось платить специальный налог и мириться с запретом на занятие государственных должностей. Но многие христиане обходили эти препоны, принимая ислам лишь на словах. Правда, уже их дети вырастали истинными приверженцами новой религии. Так постепенно Сирия и Египет превратились в преимущественно исламские провинции, где даже родные языки уступили место арабскому — священному языку Корана[36].

Именно поэтому арабы не испытывали проблем, отрываясь в завоевательных походах

---

[35] Примечания: 35

Ислам усматривает в Библии подготовительную ступень к Корану, а в библейских патриархах, прежде всего Моисее (Муса) и Иисусе (Иса), — непосредственных предшественников Мухаммеда. *(Примеч. пер.)*

[36] Примечания: 36

В обоих государствах последователи христианства монофизитского толка сохранили свою веру до сегодняшнего дня. *(Примеч. авт.)*

от своих баз снабжения, как некогда персы. Каждая вновь покоренная провинция становилась надежным элементом военной машины и предоставляла все необходимое для завоевания следующей. Так, например, комплектовался и арабский флот для атаки на Константинополь. Так что арабы не остановились в Египте, как персы, а, убедившись, что население страны с воодушевлением принимает ислам, в момент вступления на трон Константина IV нацелились на Карфаген.

Император не мог тут же ответить на вызов арабов. Ему предстояло спешно отправиться в Сиракузы, подавить мятеж и отомстить за смерть отца. Закончив дела на Сицилии, Константин вернулся в Константинополь. Но за время разрешения внутренних проблем обострились внешние. В 699 году арабы впервые и весьма успешно атаковали Сицилию, а в следующем, 670 году заложили город Кайруан (в ста двадцати километрах от Карфагена), превратив его в мощную военную базу для будущих действий против терявшей свои земли Византийской империи.

И здесь в очередной раз доказала состоятельность тактика исламизации покоренных народов. Берберы Северной Африки приняли

ислам и влились в армию своих поработителей. Теперь позиции стремительно теряла не только империя, но и христианство. (Из Персии ислам проник далеко на Восток, и, хотя прямого отношения к бедам Византии эта экспансия не имела, в дальнейшем арабы получат возможность формировать из населения стран Центральной Азии все новые и новые армии.)

Великая осада

В 673 году арабы почувствовали, что готовы к решающему удару. Гражданская война закончилась, арабский военачальник Муавия провозгласил себя халифом, а столицей — Дамаск, бывший город византийской Сирии. Он стал родоначальником династии Омейядов. Внутренняя стабильность означала долгожданное наступление на Константинополь.

Огромная армия исламских воинов быстро пересекла Малую Азию и вышла к Халкедону. Всего пятьдесят лет назад здесь, на берегах Босфора, стояли персидские войска. Теперь их сменили арабы, у которых был собственный флот, и Константинополь впервые в истории оказался

блокирован не только с суши, но и с моря.

С апреля по сентябрь 673 года арабская армия вела осаду города, и, признаем, судьба христианского мира в этот отрезок времени висела на волоске. Не удержись Константинополь, и остальные провинции вряд ли смогли долго отбивать атаки неприятеля, а их покоренное население со временем наверняка бы приняло ислам[37]. Всего несколько десятилетий взаимной притирки — и новые армии халифата были бы готовы штурмовать укрепления Западной Европы, ведь в их распоряжении оказались бы несметные богатства Константинополя, людские ресурсы Малой Азии и Балкан, теперь сплошь ревностные сторонники ислама, и военная наука павшей империи.

Конечно, говорить об истории в сослагательном наклонении не принято, но трезвый взгляд на ситуацию приводит к заключению, что в VII, да и в VIII веке (вплоть до появления на политической арене Карла Великого) в Европе не было силы, способной остановить победоносное

[37] Примечания: 37

Несколько веков спустя, когда Балканы действительно *будут* завоеваны воинами ислама, христиан-отступников окажется относительно немного. Именно этот период будет отмечен некоторым замедлением экспансии ислама в мире. Однако в VII в. события наверняка развивались бы по иному сценарию. *(Примеч. авт.)*

продвижение ислама на Запад. Под пятой арабов могла оказаться вся Европа, а христианство прекратило бы существование как мировая религия. Без сомнения, сохранились бы отдельные христианские общины, как и сегодня в арабских странах, но это были бы немногочисленные разрозненные образования, мало отличающиеся от компактно существующих еврейских общин.

Получается, что в 673 году осажденный Константинополь не просто отстаивал свою самостоятельность, но защищал свободу и независимость всей Европы и всего христианского мира. Будущее зависело от судьбы одного города, и он выстоял. В первую очередь Константинополь обязан своим крепостным стенам, которые, по сути, и спасли его (и спасут еще не единожды). Но без провианта не помогли бы и они, ведь морская блокада исключала подвоз защитникам крепости всего необходимого. Во что бы то ни стало требовалось разжать мертвую хватку арабской блокады на море.

Рассказ о том, как это произошло, до сих пор остается одним из самых захватывающих в истории военного искусства. Византийцы применили секретное оружие, характер и природа которого до конца не ясны и сегодня. Легенда, дошедшая

до нас из тьмы веков, представляется еще более невероятной оттого, что новое оружие якобы изобрел алхимик из Египта или Сирии (достоверных сведений нет даже о месте его рождения) по имени Каллиник. Каким-то образом ему удалось бежать с покоренной арабами родины и попасть в Константинополь. Так песчинка из огромного пространства провинций, теперь принадлежавших арабам, оказалась спасителем всей империи.

Каллиник открыл сочетание химических веществ, которое обладало невероятной огневой мощью, а при контакте с водой не только не гасло, но разгоралось с новой силой. До неприятеля смесь доставлялась либо в глиняных сосудах, либо через сифоны-огнеметы. Оказавшись в воде, смесь загоралась и, дрейфуя, поджигала корабли.

«Греческий огонь», как окрестили новое оружие, уничтожил или вывел из строя почти все корабли арабского флота. Но главное, что огонь, поджигавший воду, вызывал мистический ужас у моряков, парализуя их волю. Так что, не умаляя значения крепостных стен и отчаянного сопротивления горожан, «греческий огонь» следует признать главным фактором, который обеспечил победу в битве за Константинополь.

Империя как зеницу ока хранила секрет состава нового оружия и не раз применяла его в будущем. Завеса секретности оказалась настолько серьезной, что мы лишь в общих чертах можем говорить о составе смеси. Скорее всего, в ее основе производные нефти и негашеная известь; соединяясь с водой, известь выделяла достаточно тепла для поджига нефтяных компонентов[38].

К 677 году положение обязывало арабов начать отступление, но, как это часто бывает, отступать оказалось гораздо труднее, чем наступать. Деморализованный арабский флот потерпел сокрушительное поражение от греков у южного побережья Малой Азии (разгром довершил жестокий шторм), и вынужденная пробираться домой по суши армия становилась легкой добы-

[38] Примечания: 38

Рассказывая о «греческом огне», автор опирается на письменные источники византийских авторов, главным образом Константина Багрянородного и Анны Комниной. Однако имеются и другие свидетельства, по которым греки получили секрет изготовления чудо-оружия от арабов, владевших пиротехническими составами того времени, заимствованными у китайцев и других народов Востока. Что касается якобы автора изобретения Каллиника, то Константин Багрянородный сообщает, что он — архитектор из Гелиополя в Сирии, перебежавший к византийцам при Константине IV Погонате. В состав зажигательной смеси входят смолы, нефть, сера, селитра, горючие масла и другие вещества. Впервые на море была действительно использована в битве при Казике во время осады Константинополя. В военном деле смесь применялась до середины XV в. в морских боях и при осаде крепостей с помощью метательных машин и специальных медных труб. В Лаврентьевской летописи (1377 г.) упоминается о метании огня

трубами во время похода Игоря на Царьград (941 г.). *(Примеч. пер.)*

чей византийских отрядов.

Неудачная осада Константинополя стала колоссальным и дорогостоящим поражением арабской армии — первым в беспрерывной череде блистательных побед на протяжении пятидесяти лет. На этом фоне поднялся престиж Византии.

Утрата окраинных провинций империи уже не казалась чем-то непоправимым, когда каким-то чудом сумел выстоять главный город страны. Отныне на четыре столетия Константинополь и его главный военный оплот Малая Азия станут христианским щитом, прикрывающим Европу от угрозы вторжения сил ислама.

Однако удача в противостоянии с арабами не гарантировала побед на других театрах военных действий. Как наступление пятьдесят лет назад персов явилось сигналом к вторжению аваров на Балканы, так нынешняя арабская экспансия подтолкнула к действиям славян. Пока византийцы отбивали атаки арабов у стен Константинополя, славянские отряды буйствовали под Фессалониками, вторым городом в европейских провинциях империи. Воспользовались бедственным положением Византии и болгары, образовав свое Первое царство, которое включило не только левобережье Дуная (территория

современной Румынии), но и земли к югу от реки (большая часть нынешней Болгарии).

Отметим, что в Константинополе не слишком обольщались победой, хотя и понимали ее значение. О контрударе и возвращении южных провинций не могло быть и речи. Потерял смысл и компромисс монофелитства, так как монофизитски настроенное население оказалось навсегда потерянным для империи, все активнее отходя от христианства. В 680 году VI Вселенский собор в Константинополе осудил компромиссное учение как ересь, а ортодоксальный католицизм одержал окончательную победу. Решением собора патриарх Константинополя объявлялся первым иерархом церкви. Некогда оспаривавших первенство патриархов Александрии, Антиохии и Иерусалима поглотила волна исламизации их паствы. Они, конечно, не исчезли, но возглавляли теперь лишь небольшие, малозначащие общины прихожан, да и то под неусыпным оком кураторов враждебной им веры.

Римский папа, единственный человек, который теоретически все-таки мог соперничать с патриархом Константинополя, подчинялся законам и правилам Равеннского экзархата, то есть воли императора. А смещение и ссылка папы

Мартина I наглядно продемонстрировали, что идти против воли императора — себе дороже, по крайней мере пока.

Потеря Африки

В 685 году, после семнадцати лет правления, умер Константин IV. Преемником стал его сын — Юстиниан II, праправнук императора Ираклия. Династия, таким образом, правила уже пятое поколение, передавая власть от отца сыну (родному, а не приемному). За всю семивековую историю империи такого не наблюдалось, и народ Византии стал понемногу привыкать к тому, что власть переходит по наследству. В сознании людей укреплялось понятие о законности передачи власти в рамках правящей семьи. Талантливый правитель, Юстиниан II известен своими решительными шагами во внешней политике. Ему удалось на довольно выгодных

условиях заключить мирный договор с Арабским халифатом, руководство которого после унизительного поражения под Константинополем несколько умерило свой воинственный пыл. После этого император решил вплотную заняться славянским вопросом. В 690 году византийские войска нанесли славянам серьезное поражение, но вместо того чтобы уничтожить всех, кого было можно, и, возможно, в будущем получить в отместку не менее жестокий удар, Юстиниан решил разнообразить арсенал внешнеполитических акций. Около двухсот тысяч человек были переселены в районы Малой Азии, где со временем смешались с местным населением и влились в военный потенциал империи.

Так Юстиниан продолжил вынужденную политику Ираклия (под давлением персов и арабов) по либерализации отношений со славянами и кочевниками-азиатами северного приграничья, которые представляли для государства гораздо меньшую угрозу, чем основной противник. Тем более что воевать с варварами-язычниками можно было не только оружием — свое слово говорили и деньги, и подкуп в виде приятных титулов для вождей. Известно, что подобная практика стара, как сам Константинополь. Кро-

ме того, византийцы хорошо освоили методы шпионажа и в землях северян всегда имели свои глаза и уши.

Во время мира в Константинополе с радостью привечали представителей правящей верхушки славян и других иностранцев, поощряли их обучение в Константинополе. Если кому-нибудь из них в результате гражданских войн случалось искать защиты за рубежом, византийцы с готовностью предоставляли беглецам политическое убежище и обеспечивали положение, соответствующее статусу гостя. Ведь любой из них вскоре сам мог прийти к власти и отблагодарить за помощь, как, например, Хосров II в первый период своего правления.

В любом случае образование, полученное в Византии, помогало проводить выгодную для империи политику среди инородцев. Император Ираклий пошел еще дальше и поставил узы брака на службу внешней политике (прежде говорили, что императорская гордость не позволяет). Во время Персидской кампании Ираклий пошел на союз с хазарами, кочевавшими в Северном Причерноморье. В результате он заручился их поддержкой против аваров и получил в распоряжение несколько хазарских отрядов, участие

которых в сражениях с персами обеспечило византийцам несколько побед. Для скрепления союза Ираклий отдал свою дочь в жены предводителю хазар.

Союзнические отношения сохранялись и при Юстиниане II, который сам был женат на сестре кагана. Гордым константинопольцам пришлось смириться с тем, что их императрица — хазарская принцесса. Космополитичная столица, правда, не знала расистских эксцессов наших дней, но, не прими она христианскую веру, бунта было бы не избежать. Однако новая императрица вела себя как истинная христианка, и народ принял ее.

Как бы там ни было, доброжелательное отношение к варварам имело и свои издержки. Мир с арабами оказался не долгим (и никогда не будет таковым), и в 692 году византийская армия проиграла битву на юго-востоке Малой Азии. На этот раз условия мирного договора были не столь благоприятными для империи. Вину за поражение сразу возложили на славянские отряды, входившие в состав византийской армии. Возможно, процесс слияния с греками не достиг той полноты, чтобы славяне могли воевать плечом к плечу с недавним противником. (С другой стороны, не исключено, что из них сделали козлов

отпущения, возложив ответственность за некомпетентное руководство военных начальников.)

Поражение плохо сказалось на авторитете императора, что усугубилось его безудержной манией строительства. Требовались дополнительные средства, и Юстиниан серьезно повысил подати. Народ выбивался из сил и в любой момент был готов поддержать восстание. Ждали лишь предводителя, который вскоре появился в образе полководца Леонтия.

Он неплохо проявил себя во время военных действия в Армении в первые годы правления Юстиниана II, что, правда, не уберегло его от немилости императора. (Из истории правления Юстиниана I мы помним, как успехи военачальника на поле брани оборачиваются опалой в мирной жизни.) Леонтий некоторое время провел в темнице, но в 695 году вместе со свободой получил должность военного губернатора Греции. Понимая, что его хотят удалить из столицы, он решил действовать. Возглавив восстание жителей столицы, Леонтий арестовал императора. Конечно, он мог просто лишить Юстиниана II жизни, но, помня о своей верности отцу нынешнего императора — Константину IV, проявил, как в те времена считалось, милосердие. А именно

лишил его носа, полагая, что с такой внешностью Юстиниан оставит мечты о возвращении на трон. Низложенного государя отправили в ссылку в Херсон, поселение на южном берегу Крыма. Юстиниан II правил Византией всего десять лет[39].

Пребывание у власти Леонтия сопровождалось катастрофическим развитием событий на Западе. Вот уже полстолетия арабы предпринимали попытки продвигаться на Запад с территории Египта, медленно, но верно завоевывая как земли, так и сердца местного населения. К концу VII века словосочетание «арабские вооруженные силы» потеряло всякий смысл, потому что ядро африканской армии составляли североафриканцы, те, кого в последующие столетия в Западной Европе будут называть берберами.

Однако, пока Карфаген оставался под контролем Византии, арабы не могли чувствовать себя хозяевами Северной Африки. Несмотря на то что объединенные отряды арабов и берберов

---

[39] Примечания: 39

По новому договору империя теряла всю Южную Армению, а укрепление фемного строя вызывало недовольство не только народных масс, но и части сенаторской аристократии, оттесненной от власти фаворитами императора. Против Юстиниана был составлен заговор знати, поддержанный константинопольским патриархом, в результате которого при манипулировании настроениями населения столицы император был свергнут и сослан в Крым. *(Примеч. пер.)*

совершали походы вплоть до побережья Атлантики, настоятельно требовалось захватить и Карфаген. В 697 году многочисленное арабское войско нанесло первый удар по византийской базе. Империя направила в помощь свой флот, что лишь отсрочило неизбежную развязку, — в 698 году Карфаген пал.

По легенде, город был основан в 814 году до н. э. и являлся центром могущественной морской торговой империи, которой управляли потомки финикийцев. В III веке до н. э. жители Карфагена вели долгую и упорную борьбу с Римом, но в конце концов проиграли, и в 146 году до н. э. мстительные римляне стерли город с лица земли. Юлий Цезарь в 44 году до н. э. распорядился возродить Карфаген, и он вновь превратился в процветающий важный город-порт, правда, теперь исключительно римский по духу и культуре. С 439 по 535 год, вплоть до победы Велизария, Карфагеном владели вандалы. Теперь, после ста пятидесяти лет византийского владычества, когда Карфаген оставался важнейшим центром спасения от угрозы персов, город прекратил свое существование. Причем в полном смысле слова — не просто утратил римскую культуру и христианскую религию, а спустя пятнадцать веков

именно закончил свои дни как город. Близлежащая деревушка Тунис развивалась, а Карфаген угасал. Вскоре Тунис превратился в крупнейший исламский центр и столицу области, где еще недавно главенствовал Карфаген. В наши дни это государство Тунис. Теперь, когда Карфаген исчез, вся Северная Африка — от Красного моря до Атлантического океана — стала территорией ислама и остается ей до сих пор[40].

Потеря Карфагена серьезно подорвала позиции Византии в западной части Средиземного моря. Империя больше не могла рисковать своими людьми и кораблями на далеких Балеарских островах, Корсике и Сардинии. Эти земли принадлежали византийцам почти два столетия, с момента их завоевания Велизарием, но теперь их приходилось оставлять. От великих завоеваний правления Юстиниана I, по сути дела, остались только Сицилия, Южная Италия и Равеннский экзархат.

Разбитый под Карфагеном флот императора сделал остановку на Крите, где обозленные,

---

[40] Примечания: 40

В период расцвета Римской империи Северная Африка считалась ее провинцией, но власть Рима распространялась главным образом на прибрежные районы севернее пустыни Сахара. Ислам же расширил свое влияние далеко на юг, и сегодня все пространство севернее джунглей Центральной Африки — территория ислама. *(Примеч. авт.)*

униженные моряки подняли мятеж. Там же императором был объявлен один из командиров по имени Апсимар. Став Тиберием III, он повел войска на Константинополь. В 698 году Леонтий был схвачен и, как и предшественник, лишился носа, а затем насильно отправлен в монастырь. На троне он провел всего три года. Отметим, что Тиберий проявил себя толковым правителем, а его брат, Ираклий, одержал несколько побед в сражениях с арабами.

Тем временем в Херсонесе изгнанник Юстиниан II, человек энергичный, не мог смириться со своим положением и, сатанея от бесчестья, жаждал мщения. Наконец, как родственник кагана хазар, которые кочевали недалеко от места ссылки, он договорился, что ему помогут добраться до нижнего течения Дуная, которое контролировали болгары.

В 705 году Юстиниан вместе с болгарской армией подошел к Константинополю, в котором уже семь лет правил Тиберий III. Дня через три, под покровом ночи, Юстиниану удалось пробраться в город (наверняка в столице оставались сочувствующие) и снова стать императором, не имея не только носа, но и вообще ничего. (В хрониках более позднего периода его стали называть

Юстиниан Ринотмет, что значит «с отрезанным носом»[41].)

Увечье и десятилетняя ссылка заметно испортили характер Юстиниана. Начались жестокие репрессии. Вскоре смещенного Тиберия III и Леонтия (его специально доставили из монастыря) приволокли на ипподром, где на радость ликующей толпе на возвышении восседал Юстиниан II, наблюдая за состязанием колесниц, которое устроили по случаю его возвращения на трон.

Посмевшие назваться императорами, связанные были брошены перед троном, а Юстиниан возложил на их шеи свои стопы. Театральный жест сопровождал, скорее всего, заранее подготовленный «народный хор» — с трибун неслось: «И попирать будешь и льва, и змею». Так звучит 13-й стих 91-го псалма в английском переводе Библии короля Якова I. По-гречески лев — «леон», а змея — «аспис». Подтекст стиха для торжествующего Юстиниана был очевиден: «леон» — это Леонтий, а «аспис» — Тиберий, которого звали Ап-

[41] Примечания: 41

Перед отправкой в ссылку у него был отрезан не только нос, но и язык. *(Примеч. пер.)*

симар, а кто кого попирал, было и так видно[42].

Исполнившись осознанием божественного к себе расположения, которое подхлестывала неуемная жажда мести, Юстиниан развязал в городе настоящий террор. Казнив после представления на ипподроме горе-императоров, он приступил к казням тех, кто выступал против него или подозревался в подобной деятельности.

Арабы опять продвигались в глубь Малой Азии, но Юстиниан не обращал на это никакого внимания — он жаждал крови своих внутренних врагов. Население итальянской Равенны и Херсона в свое время приветствовало его смещение, а посему император задумал не оставить от городов камня на камне, а всех жителей — убить.

В месте недавней ссылки императора узнали об уготованной им судьбе, решили оказать сопротивление, а на помощь позвали хазар. Кочевники сочли, что в их интересах помочь соседям. О планах крымчан стало известно в императорской армии, двигавшейся в сторону Херсона. Теперь, когда и так не слишком обрадованным пред-

---

[42] Примечания: 42

Нумерация некоторых псалмов в западных изданиях Библии (так называемой масоретской Библии) отличается от нумерации в русских изданиях, — так в Синодальном переводе Русской православной церкви это псалом 90-й: «На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона». *(Примеч. пер.)*

стоящей бойней солдатам предстояло тяжелое сражение, они подняли мятеж.

Армия провозгласила императором своего командующего Филиппика и по собственным следам вернулась в Константинополь. В 711 году город был занят восставшей армией. Юстиниан II в это время находился в Малой Азии; для его поимки отрядили специальный отряд, чтобы не дать приготовиться к ответным действиям. Так через шесть лет после триумфального восстановления в правах император был арестован и убит. Второго шанса вернуться к власти у него не было.

Одновременно в Константинополе был умерщвлен его малолетний сын, и династия великого Ираклия пресеклась. Ее шесть императоров правили страной сто один год, если не считать десять лет, которые Юстиниан провел в изгнании.

Великая осада 2

Между тем избавление от злобного и мстительного императора не принесло спокойствия жителям Константинополя. Армия быстро разочаровалась в своем ставленнике. В 713 году группа заговорщиков похитила пребывавшего в похмелье после бурного застолья Филиппика, ослепила его и, беспомощного, бросила на поле ипподрома. Замену нашли среди придворных чиновников. Новым императором был провозглашен Анастасий II.

Он со всей серьезностью отнесся к своему назначению и намеревался провести военную

реформу. Однако армия уже хорошо усвоила урок, как можно поживиться в период анархии. Войдя во вкус, один из отрядов, дислоцированных в Малой Азии, в 715 году приступил к осаде столицы. Через шесть месяцев Анастасий бежал из города и удалился в монастырь. Военные снова назначили императором чиновника двора, на этот раз — Феодосия III. Выбор оказался неудачным — ставленник армии не смог организовать управление страной.

Шесть лет хаоса и анархии военных обеспечили арабам серьезные успехи — Малая Азия методично поглощалась воинами ислама. В 712 году была захвачена Амасия, важный в стратегическом отношении город в шестистах километрах к востоку от Константинополя, а в 716 году отдельные отряды арабов уже доходили до побережья Эгейского моря. К этому моменту вся территория Малой Азии была либо завоевана армиями халифата, либо находилась под угрозой неминуемого нападения. Казалось, ничто не было способно сдержать натиск арабских сил. На Востоке они вторглись в пределы Индии и даже вышли к границам Китая. На Западе в 711 году передовые отряды берберов оказались в Испании и очень быстро покорили почти всю страну.

В 715 году во главе Дамасского халифата встал Сулейман. Еще сто лет назад страна, не имевшая в буквальном смысле ничего, при нем под знаменем халифата объединила земли, что раскинулись с Запада на Восток почти на семь с половиной тысяч километров. Государство арабов превращалось в мощнейшую державу мира.

Но в самом центре огромной территории ислама стоял Константинополь, по-прежнему — христианский, враждебный и непокоренный. В Дамаске решили покончить с нарушителем гармонии справедливой экспансии и в 717 году под Константинополь отправили огромную армию, которой командовал брат халифа. Предполагалось, как и сорок лет назад, осадить город и с суши, и с моря. На этот раз халиф решил не повторять ошибок прошлого.

На самом деле казалось, что положение столицы гораздо серьезнее, чем при первой попытке арабов овладеть городом. Тогда на троне находился талантливый правитель и опытный воин Константин IV, теперь же оборону города, полностью деморализованного многолетней анархией и политическими переворотами, возглавлял бездарный Феодосий III.

Но судьбе, видно, было угодно хранить Кон-

стантинополь на протяжении всей его долгой и отнюдь не гладкой истории. Каждый раз в нужное время и в нужном месте появлялся человек, способный решить неразрешимую задачу — спасти оказавшуюся на краю гибели империю. Почти сто лет назад это был Ираклий, теперь — Лев.

Считается, что Лев родился в Исаврии, на юге центральной части Малой Азии, и был земляком императора Зенона — первого императора Византии. Поэтому в историю он вошел как Лев Исавр. Однако последние исследования позволяют предположить, что местом его рождения была Северная Сирия, а значит, точнее именовать его было бы Лев Сириец. Возможно, ошибка вкралась при переписи рукописных документов. Тем не менее вряд ли устоявшееся имя Лев Исавр уступит свое место в истории.

Лев родился в 680 году, когда Юстиниан II активно проводил политику переселения семей греков из районов Малой Азии, оказавшихся в опасной близости от наступавшего врага, и расселения в них иммигрантов-славян. Так семья Льва оказалась во Фракии.

Там Лев начал служить в армии, хорошо проявил себя и был замечен императором Юстинианом II. Несмотря на политические потрясения,

Лев твердо исполнял свой воинский долг и продолжал двигаться по служебной лестнице. При Анастасии II он стал начальником одного из военно-административных округов в Малой Азии и всеми силами старался замедлить проникновение арабских сил в глубь полуострова, по возможности нанося им ощутимый урон.

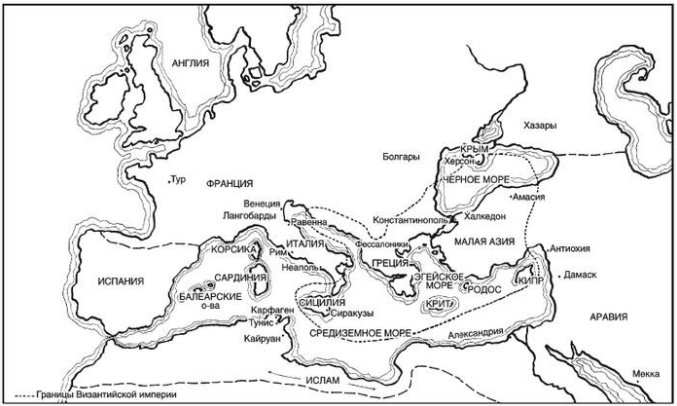
Существует легенда, что еще крестьянским мальчишкой он услышал от гадалки, что однажды станет императором. Кто знает, может, так оно и было. Ведь случалось, что бедняки крестьяне поднимались на вершину власти — чем Юстин I не пример. Конечно, ради монеты предсказатели судьбы могли обещать императорский скипетр любому встречному ребенку, но согласимся, что такое предсказание, пусть и не на чем не основанное, вполне может изменить ход истории — вдруг Лев вспомнил о нем и повел себя соответствующим образом?

В 717 году необходимость еще одного военного переворота стала очевидной. В ситуации, когда враг стоял у ворот Константинополя, империи требовался достойный руководитель. Лев решил, что справится с непростой задачей, и маршем повел свои войска к столице. Надо думать, что Феодосий III с облегчением отрекся от престола и

удалился в монастырь.

25 марта 717 года Лев был коронован как император Лев III, и, надо признать, очень вовремя. Арабы уже подошли к Босфору и начали переправляться на европейский берег. К августу 717 года Константинополь оказался в плотном кольце окружения с суши и моря, как в 673 году.

Но арабам не повезло — они опоздали всего на шесть месяцев. Окажись они здесь в 716 году, деморализованный город наверняка был бы взят, причем с непредсказуемыми последствиями для хода всей мировой истории. Теперь же ситуация была под контролем Льва III, и в Константинополе не было ни паники, ни пораженческих настроений.



Карта 6. Византийская империя в 720 г. при Льве III

Вновь заработал «греческий огонь», нанося немалый урон флоту нападавших. Наконец арабы были вынуждены отвести свои корабли на безопасное расстояние и город вздохнул свободнее. Бывало, что император сам возглавлял дерзкие вылазки византийских отрядов за пределы города. Одновременно его войска в Малой Азии наносили удары по коммуникациям противника. Неожиданно в самом начале осады умер халиф Сулейман, и в суматохе переходного периода, неизбежной при смене власти в государстве с абсолютистской формой правления, арабская

армия оказалась без должной поддержки халифата. К несчастью завоевателей, зима 717/18 года выдалась на редкость холодной и многоснежной. Лошади и верблюды замерзали и гибли целыми стадами, а арабские солдаты на себе почувствовали весь ужас Вэлли-Фордж[43].

Весной, когда в арабской армии, еще год назад великой и непобедимой, начался голод, к императору подошла помощь от царя Болгарии. Император Византии продолжал наступательные вылазки, неизменно одерживая победы. Наконец 15 августа 718 года остатки арабской армии не выдержали и сняли осаду. Из восьмисот кораблей домой вернулись лишь пять.

Никогда больше арабам не доведется стоять у стен Константинополя. Никогда больше обстановка в мире не будет столь благоприятной для них. Так Лев III спас Европу во второй раз, и третьего — не понадобится. Несомненно, ислам продолжит свое удивительное шествие по миру, но уже не под руководством арабов. И когда Константинополь все-таки падет под ударами врага,

[43] Примечания: 43

Вэлли-Фордж — долина в восточной Пенсильвании, место зимовки армии Вашингтона в трудную зиму 1777/78 г. Вошло в историю как символ испытаний, выпавших на долю плохо обученной, раздетой и разутой армии. *(Примеч. пер.)*

покорят его не арабы, а юная цивилизация Западной Европы окрепнет настолько, что сможет защитить себя сама.

Тем не менее вскоре после неудачи под Константинополем воины ислама предпримут дальний поход на Запад. Из своей новой базы в Испании берберы, или, как их называли в Европе, мавры (но уже — не арабы), нападут на юго-западные области современной Франции. В 732 году они будут сначала остановлены, а потом и разбиты франкскими войсками в битве при городе Тур[44].

Традиционно западные исследователи считают битву при Туре поворотным моментом — как место и время, когда волна исламской экспансии была остановлена, чтобы окончательно повернуть вспять. Думаю, однако, что это преувеличение. Во Франции действовали лишь передовые отряды огромной исламской державы, которые оказались за тысячи километров от центральных областей своей страны. Даже принимая во внимание политику обращения населения завоеванных земель в свою веру, очевидно, что линии

[44] Примечания: 44

Автор имеет в виду событие, более известное в истории как битва при Пуатье, когда 4 октября 732 г. победа франков положила предел дальнейшему продвижению арабов в Европе. *(Примеч. пер.)*

коммуникаций оказались слишком растянуты, чтобы функционировать должным образом. По численности же силы мавров скорее соответствовали разведывательному отряду. Таким образом, исход битвы при Туре продемонстрировал, что для продолжения наступательных действий маврам потребуется увеличить свой воинский контингент во Франции, а поскольку ситуация в Испании не позволяла отрядить дополнительные войска для решительного наступления на севере, они отвели свои силы и приступили к обороне, причем настолько успешной, что держали ее семьсот пятьдесят лет. Однако не удержись тогда Константинополь, и в Западную Европу по самому короткому пути устремились бы главные арабские силы и развитие событий пошло бы по иному сценарию.

Но, чтобы мы ни говорили, на Западе битву при Туре по-прежнему рассматривают как главное событие, спасшее Европу. Про осады же Константинополя либо не помнят, либо делают вид, что не помнят. Когда между Европой и Византией наконец установились устойчивые контакты, о былых заслугах Константинополя никто не вспоминал (хотя, конечно, в первую очередь горожане сражались за свою независимость). Место

почтительности и уважения заняли взаимные оскорбления и упреки.

Глава 6
Монахи и императоры

Разрушитель икон

Еще во время успешного отражения атак осаждавших Константинополь арабов Лев задумал очередную реформу государственной власти. Было очевидно, что фемный строй необходимо развивать и дальше, а лучше вообще отдать всю власть военным. Опасность такого пути развития, правда, тоже была на поверхности — стратиги фем слишком быстро и легко набирали вес. Лев III понимал это как никто другой, потому что сам перебрался на трон из кресла руководителя военно-административного округа. Увидеть повторение кем-нибудь своего карьерного взлета император не желал, а потому решил урезать округа в размере, что, по его мнению, должно было уменьшить военную и экономическую мощь, сосредоточенную в руках конкретных военных руководителей.

Реализовать другую реформу, также призванную повысить эффективность управления в стране, оказалось гораздо труднее, и Византия едва не оказалась на грани гражданской войны. Император решил реформировать церковь, а главное — запретить культ икон.

Жесткие догматы иудаизма запрещали создавать образы живых существ, полагая, что их наличие неминуемо приведет к идолопоклонству. Но мало кто соглашался почитать абстрактного и невидимого Бога. Да и сегодня мы знаем, что те же иудеи молятся и проводят яркие религиозные церемонии, в центре которых вполне конкретный предмет поклонения.

Первые христиане были убежденными противниками так называемого религиозного искусства, но по мере того, как христианство активно избавлялось от корней иудаизма, становясь все более греческим, ситуация менялась. Чувство прекрасного и любовь к искусству — в крови у греков, и они просто не могли не воспроизвести образы Иисуса, Девы Марии, святых. Причем изображали они не звероподобных монстров или неких вымышленных богов, а воссоздавали в двухмерном или трехмерном пространстве образы святых, людей, отмеченных Божьей милостью и ступавших по нашей грешной земле. Новые образы притягивали внимание к конкретным людям, которых почитали, тем более что далеко не все знали грамоту и не могли самостоятельно читать Библию. Так иконы становились своего рода иллюстрациями к священной книге хри-

стианства. Иконы заметно украсили интерьеры церквей, а сердца верующих наполнили счастьем и радостью. Постепенно они стали неотъемлемой частью христианской церкви как на Западе, так и на Востоке. Но по вполне понятным причинам большее распространение иконы получили, конечно, на Востоке[45].

Тем не менее столь широкое распространение икон радовало далеко не всех. Многие по-прежнему видели в благоговейном отношении к иконам идолопоклонство, считая, что простой народ воспринимает икону не как символ, а как объект поклонения ее собственной божественной сущности. По их мнению, малообразованный люд не был способен разбираться в тонкостях идеи символизма, а значит, лицезрение иконы могло

[45] Примечания: 45

Подробнее см. работы Б.В. Раушенбаха «Путь созерцания», «Четырехмерное пространство» в книге «Пристрастие» (М., 1997). *(Примеч. пер.)*

подтолкнуть к совершению смертного греха[46].

Важным аргументом противников икон — иконоборцев — становилось и то, что из-за почитания икон христиане становились объектом насмешек со стороны приверженцев более строгих, не допускающих отклонения от основных догматов религий — иудаизма и ислама. И если мнением евреев можно было пренебречь, по причине слабости и немногочисленности народа, то ислам стал уже настолько серьезной силой, что презрение его последователей немало задевало чувства христиан. Последователи христианского учения могли решить, что Господь наказывает их именно за почитание идолов, причем наказывает, насылая на них представителей ислама, ряды которого ширятся по воле Божьей

[46] Примечания: 46

Необходимо помнить, что в борьбе «за» или «против» икон проявился сложный комплекс противоречий социально-экономического, политического, религиозного, философского и эстетического характера. Противники икон опирались в основном на библейские идеи о том, что Бог есть дух и его никто не видел, и на указание: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли» (Втор., 5: 8). Иконоборцы отвергали прежде всего антропоморфные изображения Христа. Истоки почитания изображений они возводили к античному изобретению пластических искусств и к языческому идолопоклонству. Объект «сердечной веры» живописец изображает, по их мнению, ради «своего жалкого удовольствия». Впрочем, они не отрицали полностью эстетической сферы. Для «украшения» храмов и для «услаждения очей» они допускали светское искусство: растительный орнамент, изображения животных, птиц, сцен охоты, скачек, рыбной ловли, театральных представлений.

Самым же главным украшением для церкви противники изображений считали «изливающие свет догматы», представляющие церковь «как бы одетой в разнообразные золотые одежды». Иконопочитатели же, по их мнению, принижали и искажали грубыми материальными изображениями именно «духовное украшение», отвлекали ум человеческий от высокого духовного служения и ориентировали его на почитание «вещественной твари». *(Примеч. пер.)*

в знак одобрения запрета на изображения ликов человеческих.

Особенно сильное распространение иконоборчество получило в Малой Азии, где десятилетиями христиане с отчаянием противостояли арабским армиям. Набожный Лев III вырос в семье выходцев с Малазийского полуострова и потому с детства впитал неодобрительное отношение к иконам. По мере взросления и приложения трудов своих на благо восстановления империи, которая почти два десятилетия после первого отстранения от власти Юстиниана II пребывала в состоянии анархии, император все сильнее укреплялся во мнении, что икона есть зло.

Многие, и в первую очередь — монахи, с ним не соглашались. Надо сказать, что монашество к тому времени стало мощным социально-политическим явлением. В одном только Константинополе насчитывалось около сотни монастырей. Монахи выступали ревностными защитниками строго установленного церковного ритуала и активно поддерживали веру людей в чудодейственную силу икон и всего сверхъестественного, что было с ними связано. Они превращали религию в нечто близкое шоу-бизнесу, воздействуя на чувственный мир верующих, привлекая все боль-

шее внимание к внешней стороне культа. Такое взаимоотношение церкви и паствы выстраивалось постепенно, начиная со времени правления императора Константина I. Вместе с Истинным крестом (по крайней мере, люди верили в то, что это был именно *тот крест*) матерью императора Еленой были извлечены и другие материальные свидетельства распятия: гвозди, терновый венец, губка, которой смачивали губы Христа уксусом, и копье, которым пронзили его тело. Все это было доставлено в Константинополь, положив начало традиции собирать церковные реликвии. В каждой церкви хранились теперь мощи и вещи святого — ее покровителя, являя окружающим чудеса.

Около 470 года в столицу привезли, как считалось, покров Пресвятой Девы Марии, и после этого церкви и монастыри стали наполняться бессчетным количеством артефактов, якобы связанных с земной жизнью Богородицы. Постепенно ее вообще стали считать главной заступницей Константинополя. Жители столицы уверовали в ее чудесную охранительную силу, точно так же как язычники-афиняне в помощь Афины, а язычники-римляне — Юноны.

Обладая чудодейственными реликвиями,

монахи приобретали огромное влияние над малообразованным народом, особенно над женской его частью, и не собирались от него отказываться. Так монастыри богатели и обретали мощь скорее за счет внешней парадной атрибутики, нежели служения духовным идеалам.

Решение Льва III о лишении или хотя бы уменьшении власти монастырей имело несколько причин. Во-первых, нельзя исключать искреннюю веру императора в то, что иконопочитание есть порочное идолопоклонство, а поощрение его монахами — сатанинский промысел.

Во-вторых, Лев хорошо понимал, что идеи монашества как института церковной власти ослабляют власть государственную. Поощряя веру народа Константинополя в сверхъестественную божественную силу Девы Марии или церковных реликвий, монахи подавляли собственную волю людей совершать серьезные и ответственные поступки. Более того, ни монахи, ни крестьяне-поденщики, которые обрабатывали немалые земельные владения монастырей, не подлежали призыву на военную службу. Соответственно сокращалась численность императорской армии.

И наконец, монашество всеми путями старалось уйти от налогообложения его огромных

богатств. А по доброй воле, из чувства патриотизма или в минуту опасности, пожертвований в пользу государства от них не наблюдалось.

Именно поэтому император решил для начала упростить церковный ритуал. Самым легким решением вопроса казалось запрещение икон. Первый императорский указ на эту тему появился в 726 году. Во все концы страны были направлены специальные чиновники — иконокласты, в обязанность которых входило осматривать церкви, снимать и разбивать находившиеся в них иконы. Разрушались даже распятия, потому что тоже несли на себе образ — объект поклонения. Так в Византии начиналось движение иконоборчества.

В оппозицию иконоборцам тут же встали иконопочитатели, которые считали, что почитание — чувство менее сильное, чем поклонение и, соответственно, почитаемый образ не может быть идолом. Во главе движения иконопочитателей тоже стояли монахи. Они внушали верующим, что уничтожение ликов Иисуса или Девы Марии — высшая степень богохульства, за которое неминуемо последует проклятие. Примечательно, что в 723 году (за три года до соответствующего указа императора) в соответствии с положения-

ми ислама халиф Дамаска распорядился убрать из христианских церквей в его доминионах и уничтожить все иконы. Получается, что действия императора Льва соответствовали ереси ислама?!

Наиболее сильны позиции иконопочитателей оказались в Греции, а в 727 году в провинции даже вспыхнул мятеж против императора. Народ провозгласил новым государем некоего Косьму, который возглавил небольшой флот мятежников и направился в сторону Константинополя. Однако императорским кораблям не составило большого труда подавить это восстание.

Между тем, несмотря на неослабевающее сопротивление, Лев III продолжал настойчиво проводить свою линию. Активную поддержку политике императора оказывала армия, подавляющее большинство которой составляли иконоборцы. И это не удивительно, ведь их собственное положение напрямую зависело от изъятых у монастырей богатств и освобождения «привязанных» к монастырским пашням рекрутов.

Однако если в Греции и Малой Азии император мог подкрепить свои указы силой, то в Италии это становилось все более проблематичным. Южную

Италию с иконами в руках наводнили тысячи беженцев-иконопочитателей, и, хотя провинция по-прежнему считалась территорией империи, иконоборческие указы здесь не выполнялись.

То же самое относилось и к Равеннскому экзархату, в который входил и Рим. Папа ни на йоту не уступил иконокластам, и вел себя так не только потому, что считал действия императорских чиновников еретическими. Римский папа не мог принять изменения в церковном ритуале и традиции, регламентированные указом императора, просто потому, что вносить подобные изменения было исключительно его прерогативой. Папа, и только папа мог руководить духовной жизнью церкви, и, по мнению Рима, торг был здесь неуместен.

Взаимоотношения Рима и Константинополя подверглись серьезному испытанию еще и по причине возросшего налогового бремени, которое легло на итальянские провинции в результате финансовой реформы императора. В период анархии на Западе налоги не собирали вовсе, и нововведение стало неприятной неожиданностью для местных землевладельцев. Кстати, крупнейшим из них оказался папа Григорий II.

На самом деле папы давно бы вышли из под-

чинения Константинополя, не будь опасности со стороны соседей-лангобардов. Против них в экзархате император держал довольно мощные вооруженные силы, и это приходилось учитывать. Однако после повсеместного наступления иконокластов и введения налогов папа решил, что варвары — зло гораздо меньшее, и позвал на помощь германцев. Обрадованные лангобарды вихрем пронеслись по Италии и едва не взяли Равенну. В 731 году силам империи удалось оттеснить их на исходные позиции, но намек был понят правильно — дни империи в Риме были сочтены.

Христиане-латиняне Запада мало что понимали в иконоборческом движении и не сильно переживали по этому поводу. Зато они хорошо усвоили рассказы о том, как в Константинополе император расправляется с ликами Иисуса, Марии и всеми почитаемых святых. Понятно, что народ на полуострове с ужасом внимал слову своих пастырей и папе была обеспечена полная поддержка снизу.

Таким образом, при всей своей власти, Лев III не мог ни заставить папу Григория II изменить свое отношение к политике иконоборчества, ни вынудить его оставить свой пост. (Времена, когда

император смещал римского папу и доставлял его на судебное разбирательство в Константинополь, канули в Лету.) В результате на Западе император окончательно потерял свое лицо. Так порвалась еще одна нить, связывавшая Восток и Запад.

Новый папа, Григорий III, оказался даже большим противником иконоборчества, чем его предшественник, — он не занял престола, пока не предал анафеме участников этого религиозно-политического движения во главе с самим императором. Подобное решение приравнивалось к акту государственной измены, но папу поддержало население итальянских городов, и его не тронули. А Григорий III тем временем все пристальнее смотрел на Запад, причем даже не на вотчины лангобардов, а дальше — туда, где вот-вот мавров должны были победить франки, стремительно набиравшие вес и авторитет на континенте.

Так что расстроенный император, чтобы хоть как-то наказать папу, мог лишь вывести из-под юрисдикции Рима некоторые области, которые пока оставались под контролем Византии. В 733 году Сицилия, Южная Италия и побережье Иллирии были переданы под контроль патриарха Константинополя, истового сторонника

иконоборчества. Римский папа, конечно, не признал такое расчленение подвластных ему земель. Однако император все-таки сохранил некое присутствие на территории экзархата, потому что по большому счету папы никогда полностью не доверяли лангобардам.

Заканчивая рассказ о правлении Льва III, отметим, что даже при всех эксцессах, связанных с проведением в жизнь политики иконоборчества, назовем его успешным. На самом деле ему удалось перестроить финансовую систему государства и вернуть Византию на путь процветания. Дальнейшее утверждение фемного строя настолько укрепило органы государственной власти, что арабское проникновение в глубь Малой Азии было остановлено. (В 739 году армия под началом императора не подпустила врага к Константинополю ближе, чем на триста двадцать километров, и разбила его.) На севере Лев укрепил границу, заключив союзный договор с хазарами. А чтобы закрепить дипломатические договоренности, породнился с каганом — сын и наследник императора взял в жены его дочь.

Кроме того, Лев III модернизировал Кодекс Юстиниана: перевел его на греческий язык; изменил раздел наказаний, сделав его более

гуманным; отменил принцип определения наказания в соответствии с социальным статусом виновного — теперь все, кроме рабов, были равны перед законом; рабам же стало легче обрести свободу.

Наложил на законодательство свой отпечаток и христианский пуританизм: разрешенное Юстинианом внебрачное сожительство теперь запрещалось, а браки даже между дальними родственниками порицались; получить развод становилось все труднее, а штрафы в случае появления на свет незаконнорожденных детей увеличивались. Не оставлял император без внимания и нужды низших слоев населения — значительную защиту получали теперь малоземельные крестьяне. Сократился перечень преступлений, по которым предусматривалась смертная казнь. Ее заменяли нанесением увечий — теперь преступников ослепляли, отсекали им руки, отрезали носы или языки[47].

И последнее. Если бы иконоборчество в конце концов взяло верх, его вдохновитель Лев III, без

---

[47] Примечания: 47

Нам эти наказания кажутся варварством и садизмом, но в рассматриваемые времена подобная замена смертного приговора представлялась актом милосердия. Ни Древний мир, ни Средневековье не выработали эффективной системы тюремного заключения или каторжных работ. *(Примеч. авт.)*

сомнения, вошел бы в историю как один из самых успешных и просвещенных ее героев — спаситель мирового христианства, победитель арабского воинства, реформатор империи, законодатель-гуманист. Но победу одержали иконопочитатели, а посему авторы хроник, в основном монахи, считавшие императора страшным еретиком, несправедливо предали его великое имя забвению.

Борьба вокруг икон

18 июня 741 года Лев III скончался, когда ему едва минуло шестьдесят лет, и правил он империей двадцать четыре года. Династия, основанная им, стала называться Исаврийской. Место же отца на троне занял его старший сын, Константин V.

Он оказался жестоким и властным правителем, но исключительно способным и энергичным воином. Если отец спас империю, в буквальном смысле вернув ее к жизни, то сыну предстояло идти в наступление, причем сразу на двух фронтах.

В начальный период своего правления Константин развязал войну на Востоке. Ему не удалось далеко отогнать арабские войска, однако действия византийской армии в Сирии и Ар-

мении были довольно успешными. Кроме того, вытесняя арабов с Кипра, он уничтожил их флот. В конце царствования Константин вел активные действия против болгар и, хотя не смог заставить их уйти на левый берег Дуная, охоту угрожать Византии отбил надолго.

Константин V находился у власти тридцать четыре года, и так случилось, что с его уходом исчезла и вечная проблема Константинополя — болгаро-арабские «клещи», запиравшие столицу с севера и юга, окончательно «сломались». Византийская империя вновь стала самым мощным европейским государством, которое никто не мог безнаказанно атаковать.

Константин проявил себя еще большим иконоборцем, чем его отец. При нем движение достигло своего пика. Когда оно только зарождалось, ему исполнилось всего семь лет, так что неудивительно, что он с детства считал его богоугодным делом. Сразу после смерти отца трон оспаривал один из его двоюродных братьев (сторонник иконопочитания) и в течение двух лет удерживал Константинополь.

Не шел на компромисс и римский папа. Между тем лангобарды, ведомые талантливым королем, продолжали наступательные операции против

экзархата и в 751 году захватили Равенну. Опасаясь политических притеснений со стороны захватчиков не меньше религиозных со стороны Византии, папа обратился за помощью к франкам, жившим по другую сторону Альп.

На этот раз главе католиков было что предложить германцам. Главным человеком в государстве у них был не король, а глава правительства, вроде современного премьер-министра. Пипин, так его звали, хотел стать королем, но не осмеливался смещать законного монарха (марионетку, не обладавшую реальной властью) без благословения папы. И римский папа пообещал, что благословит его. В 752 году Пипин стал королем франков и за две военные кампании одолел лангобардов. В 756 году он передал во владение папы территории уже бывшего Равеннского экзархата, несмотря на протесты византийского представителя. Константин же был занят противостоянием с болгарами и арабами и не мог начинать еще одну войну в Италии. Так империя навсегда потеряла Рим[48] и Центральную Италию через двести шестнадцать лет после возвращения ее Велиза-

[48] Примечания: 48

По легенде, Рим был основан в 753 г. до н. э. Примечательно, что почти год в год, только в другую эру (в 756 г. н. э.), город расстался с империей, в которой впервые появился. *(Примеч. авт.)*

рием под управление Юстиниана. Равеннский экзархат просуществовал сто восемьдесят лет.

Несмотря на то что империю по-прежнему будут называть Римской, она уже никогда не овладеет Римом, а папы наконец сбросят с себя четырехсотлетнюю власть Константинополя. Тем не менее мысок и каблук итальянского «сапожка», а также Сицилия пока находились под контролем Византии — все, что осталось от земель, отвоеванных Велизарием.

С потерей экзархата Константину V больше нечего было терять на Западе, и всю свою энергию он употребил на борьбу с иконопочитанием. В 753 году созванный им Церковный собор, на котором присутствовали исключительно представители контролируемых Константинополем территорий, признал политику иконоборчества правильной. Римский папа намеренно отказался направить на собор своего представителя.

Собор осудил иконопочитание (за решением безошибочно угадывалась тень сурового и решительного Константина); иконы объявлялись явлением, противоречащим Священному Писанию; религиозные обряды еще более упрощались, напоминая теперь протестантские, что получат широкое распространение на северо-западе Ев-

ропы через восемьсот лет.

Монахи отчаянно сопротивлялись, но император остался непреклонен. Повсеместно осуществлялась секуляризация монастырских имуществ и ликвидация монастырей. Монахов и монахинь заставляли носить повседневную светскую одежду, насильно женили и выдавали замуж, всячески позорили, устраивая публичное осмеяние и глумление над особо ревностными иконопочитателями. Некоторые попали в темницы, а наиболее непримиримые были казнены.

Злодеяния сошли императору с рук — он правил страной целое поколение и тихо скончался в собственной постели. Но монашество ничего не забыло и тем более не простило. Хронисты-монахи не оставили записей о его успехах на поле брани, зато не скупились на эпитеты, описывая жестокие и изменнические поступки императора. В хрониках его называют евреем и атеистом, страдающим неприличным заболеванием, наделяют всеми гнусными и отвратительными чертами, которые только могут быть у человека.

Даже имя его оказалось навеки связано с нечистотами. По легенде, во время обряда крещения младенец испачкался, за что вошел в хроники с обидным прозвищем Копроним («Навозное

имя»).

14 сентября 775 года Константин умер во время очередного похода против болгар. От жены, хазарской принцессы, у него родился сын Лев, который стал следующим императором Львом IV; из-за матери его часто называют Львом Хазаром.

Константин взял в жены знатную кочевницу из соображений государственных — союз с хазарами стране нужен был как воздух. А одержанные отцом победы позволили сыну жениться по любви. Его супругой стала красавица афинянка Ирина, которой, как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, наследнику престола, кроме очаровательного лица и грациозной фигуры, предложить было нечего. Однако он, как и предшественники Феодосий II и Юстиниан, решил, что этого вполне достаточно, и был в браке счастлив.

Лев IV во всем старался походить на отца. Он продолжил активные военные действия против арабов и болгар и твердо следовал политики иконоборчества. Правда, в более поздний период царствования он отошел от непримиримой позиции отца и начал проявлять некоторую терпимость к инакомыслящим. Возможно, руку здесь приложила Ирина, убежденная, но скрытая

сторонница иконопочитания, немало интриговавшая при дворе. (Впоследствии церковь Востока причислит ее к лику святых, хотя, кроме иконопочитания, вроде бы и не за что — при жизни святостью императрица не отличалась.)

8 сентября 780 года, не дожив и до тридцати лет, Лев IV умер, пробыв на троне менее пяти лет. Императором под опекой матери стал его десятилетний сын Константин VI. Ирина тотчас предприняла действия по возвращению иконам прежнего статуса. Заметим, что сделать это было нелегко. За полвека господства иконоборческой идеологии верхушка духовенства почти в полном составе стала иконоборческой. Требовалось заставить первых людей церкви во главе с патриархом уйти со своих постов и заменить их сторонниками иконопочитания.

Кроме того, в армии позиции иконоборцев в этот период были сильны как никогда — солдаты гордились славными победами государя-иконоборца. Но Ирина нашла выход и здесь. Она сознательно пошла на ослабление армии, сократив государственные ассигнования на нужды военных. Параллельно были снижены налоги, что расположило к ней гражданское население. И все-таки, когда в 786 году Ирина попробова-

ла созвать Вселенский собор и на нем осудить иконоборчество, взбешенные солдаты сорвали мероприятие.

Однако Ирина не успокоилась и в сентябре 787 года сумела созвать в Никее VII Вселенский собор епископов христианской церкви. Вполне понятно, что его решения оказались полностью противоположными тем, что принимались при Константине V. Возвращалась традиция иконопочитания, правда с небольшой оговоркой — в церквях запрещалось размещать статуи, разрешались только барельефы. (Именно поэтому в империи, а позднее и в России, культурной наследнице Византии, прекратится развитие искусства скульптуры[49].)

Тем не менее остановить иконоборческое движение простым административным запретом не представлялось возможным. Еще несколько десятилетий оно продолжало присутствовать в империи, а иногда даже предпринимало попытки обрести статус государственной политики. Со временем иконоборчество исчезло, а так как все

[49] Примечания: 49

Решением собора в Никее определялось временное восстановление иконопочитания, что явилось выражением компромисса между столичной знатью и монашеством, вызванного страхом перед подъемом народного движения. *(Примеч. пер.)*

книги учения были уничтожены, то мы можем судить о нем лишь из негативных свидетельств его противников.

Однако, как ни странно это звучит, победа иконопочитателей вышла половинчатой. Несмотря на то что монахи одолели императоров, церковная власть не взяла верх над государственной. После возвращения чинопочитания икон император, как и прежде, считался и реально был выше архипастыря церкви Византии.

Более того, возвращение иконопочитания не сблизило церкви Запада и Востока, которые за шестьдесят лет силового иконоборчества заметно развели две ветви христианства. Кстати, VII Никейский Вселенский собор оказался последним, на котором посланцы духовенства обоих направлений обсуждали церковные дела вместе.

Победа иконопочитателей имела неблагоприятные последствия и для развития интеллектуальной жизни империи. После закрытия Юстинианом Афинской Академии образовательное поле неуклонно сокращалось. Природные бедствия при Ираклии и две подряд осады Константинополя заметно сказались на жизни народа и не способствовали расцвету искусства и наук.

Однако около 750 года появились научные работы Иоанна Дамаскина, византийского богослова, который считается первым христианским писателем, попытавшимся соединить философские идеи Аристотеля и христианское учение (за пять веков до него аналогичные попытки уже предпринимались в Западной Европе). И все же высокую оценку работы Иоанна получат не в Константинополе, а в халифате, где не христианство, а ислам, в раннем Средневековье создаст условия для расцвета знаний и наук[50].

После долгой внутриконфессиональной междоусобицы восточная церковь оказалась в глубоком тупике, наступил покой, равносильный смерти. Война иконоборцев и иконопочитателей всех так напугала, что любые перемены были офици-

---

[50] Примечания: 50

Иоанн Дамаскин (ок. 675 — до 753) — византийский богослов, философ и поэт, систематизатор греческой патристики, ведущий идейный противник иконоборчества. Сын казначея халифа, он унаследовал положение при дворе, но оставил Дамаск, стал монахом в обители Святого Саввы близ Иерусалима, где и умер. Всесторонние познания позволили ему соединить разнородный идейный материал в единую систему. Решая задачу упорядочения наук под эгидой церковной догмы и на основе Аристотелевой логики, создал основы схоластического метода, позднее получившего развитие у средневековых теологов Запада (Петра Ломбардского, Альберта Великого, Фомы Аквинского). Главное сочинение — «Источник знания» — компедиум философских и богословских сведений, предвосхищающий «суммы» западных схоластов. Им была написана и первая развернутая апология религиозных изображений, содержавшая подробную теорию образа. По Иоанну, «образ есть подобие и парадигма и изображение чего-нибудь,

показывающее то, что на нем изображено. Не всем же совершенно образ подобен первообразу, то есть изображаемому, но одно есть образ, а другое — изображение, и различие их совершенно ясно, хотя и то и другое представляют одно и то же». *(Примеч. пер.)*

ально запрещены. Соответственно пресекались и попытки интеллектуального развития. Византийская империя, несомненно, еще испытает периоды расцвета культуры, но это будут проявления бережного сохранения великого наследия прошлого, а не блестящие прорывы в будущее. В результате после эпохи Юстиниана Византия не предложит цивилизованному миру ни одной великой книги, ни одну философскую идею и ни одного великого ученого. Когда же настанет время и Средневековье даст ростки новой культуры, которая шагнет гораздо дальше великих мыслителей античности, это случится не на Востоке, а на Западе[51].

---

[51] Примечания: 51

Говоря об иконоборчестве, необходимо отметить несколько важных моментов. Следует помнить, что это было широкое религиозно-политическое движение, в котором на разных этапах участвовали разные социальные слои, преследовавшие, по существу, глубоко различные цели. Начавшись как движение народных масс, выступивших против монастырского землевладения, оно приняло характер протеста против культа икон и реликвий. А византийское правительство использовало движение в целях упрочения императорской власти и пресечения центробежных тенденций, превратив надолго церковь, монастыри и военно-административную систему фемного управления в верную опору трону. Усилившиеся в этот период церковь и монашество оказали центральной власти неоценимую помощь в борьбе с оппозицией, иноверцами и еретиками, в восстановлении имперского правопорядка в провинциях, в обращении в христианство масс расселившихся там варваров-язычников. Однако с ростом политической роли духовенства возросли и его амбиции. И, утверждая примат светской власти над духовной, императоры прежде всего подчинили константинопольскую церковь, присвоив себе право решающего голоса при выборе

патриарха и принятии на соборах важнейших церковных догматов.

К последней четверти VIII в. основные цели иконоборчества были решены: материальное положение оппозиционного духовенства было подорвано, его сокровища и часть земель конфискованы, иконы и мощи, служившие объектом поклонения, сопровождавшегося богатыми дарениями верующих, уничтожены, многие монастыри закрыты, а главное — подверглись разгрому крупные центры сепаратизма. Решена была и вторая задача иконоборцев — фемная знать была всецело подчинена престолу.

Во второй четверти IX в. иконоборческая политика утратила остроту — дальнейшая борьба вокруг икон грозила ослаблением позиций господствующего класса. Отрезвляюще на правящие круги подействовало и восстание Фомы Славянина в 821–825 гг., когда при поддержке местных славян войско Фомы переправилось из Малой Азии во Фракию и осадило Константинополь. Восстание было подавлено, но оказало огромное влияние на позицию знати, расколотой междоусобиями. Идейный вождь иконопочитателей Феодор Студит, не перестававший ранее защищать идею примата духовной власти над светской, во время осады столицы призывал к прекращению споров, поскольку они приводят к смутам.

Иконопочитание было торжественно восстановлено только в 843 г. «Бюрократы» и «полководцы» сплотились вокруг трона — победил курс на централизацию власти. *(Примеч. пер.)*

Новая империя на Западе

Ко времени открытия VII Вселенского собора Константину VI почти исполнилось двадцать лет, и он решил, что может обойтись без помощи матери-регентши. Однако Ирина была другого мнения, жестко пресекла самостоятельность сына и приказала армии присягнуть ей как единоличной правительнице империи.

Между тем в войсках еще не окончательно примирились с новым положением иконопочитателей, да и ненавидели Ирину изрядно. Подняв мятеж, солдаты признали своим императором Константина, а Ирину отправили в ссылку.

К сожалению, Константину еще недоставало трезвого взгляда на жизнь, и в 792 году он возвратил опальную императрицу-мать в столицу.

Возможно, он по-сыновьи был привязан к ней и хотел видеть рядом. Но Ирина повела себя чудовищным образом — тут же начала интриговать против собственного сына.

Приблизив мать к себе, Константин, сам того не понимая, вложил в ее руки страшное оружие. У него была жена Мария и любовница Феодота, что ни у кого не вызывало никаких возражений. Но вот когда в 796 году он развелся с женой и сочетался браком с любовницей, то оскорбил своим поступком все благочестивое население страны.

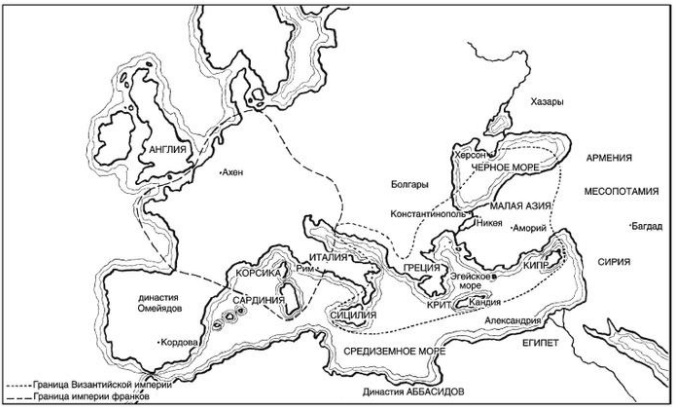
Получив такой козырь, партия Ирины заметно укрепила свои позиции. В 797 году Ирина уже обладала достаточной властью, чтобы отдать приказ арестовать императора и ослепить его. О дальнейшей судьбе Константина история умалчивает. В любом случае после его смещения пресеклась Исаврийская династия четырех императоров, правившая Византией восемьдесят лет.

После ослепления Константина (произведенного по распоряжению «любящей» матери с особой жестокостью) Ирина объявила себя императором. Не императрицей, а именно императором. Принимая мужской титул, она бросала вызов, считая унизительным получить возможность править только через мужчину. Столь пара-

доксальная ситуация длилась пять лет, с 797 по 802 год, и оказала заметное влияние на последующую историю Запада.

В то время почти весь христианский мир Запада находился под управлением франкских королей, а франки не признавали правителей-женщин. Для них словосочетание «император-женщина» не имело смысла, и потому императорский трон Византии считался свободным. По стечению обстоятельств, когда Восток находился под управлением женщины, на Западе появился самый знаменитый франкский монарх — Карл Великий.

На папском престоле в это время находился Лев III, у которого было достаточно оснований, чтобы воспользоваться отсутствием на византийском троне настоящего императора. Во-первых, изначально император всегда находился в Риме и лишь значительно позже появился в Константинополе. Значит, в любом случае в Риме должен быть император, тем более когда таковой отсутствовал в Константинополе. А главное — раз папа больше не находится под властью императора Константинополя, то почему бы не завести собственного, римского?



Карта 7. Византийская империя в 800 г. при Ирине

На Рождество 800 года папа Лев III короновал императора Римской империи. Им стал Карл Великий. Так вновь и впервые за триста лет появился римский император, объединивший под своей дланью и Запад, и Восток. Было, правда, одно отличие, и, надо сказать, весьма серьезное. Римский папа не имел права ни теоретически, ни по традиции (по крайней мере, по мнению византийцев) короновать императора. Ирина расценила подобное действие как акт узурпации титула, что в конечном итоге привело к очередной войне.

Карл, конечно, все это хорошо понимал и даже сожалел о коронации, тем более что не хотел быть чем-то обязанным папе. В дальнейшем он любил говорить, что коронация произошла для него совершенно неожиданно и он ничего не знал о ней заранее.

Мы настолько привыкли к рассчитанным на западного читателя книгам о небывалом могуществе Карла Великого (главном образом в сравнении с остальными западными монархами до и после него), что не задаемся вопросом: а отчего, собственно, он не захотел воевать с Византийской империей? На самом же деле в Византии была на тот момент самая сильная армия в Европе, да и ее экономическая и военная мощь не шли ни в какое сравнение с полуразвалившейся Франкской империей. (Действительно, Карл понимал, насколько отстает его государство в интеллектуальном и культурном плане, и всегда восхищался великолепием далекого Константинополя. По его распоряжению многое из итальянской скульптуры и византийской архитектуры затем копировалось, например при возведении собора в его северной столице Ахене.)

Рассматривался было вариант брака между

Карлом и Ириной и объединения двух частей христианского мира, но все согласились, что в союзе шестидесятилетнего мужчины и пятидесятилетней женщины проку мало, тем более что детей у них все равно бы не было, а значит, так или иначе вставал вопрос о наследнике. Оставался один выход — война, причем странная — в мире было довольно мало мест, где империи могли сразиться между собой.

Ирина никогда не пользовалась особой любовью армии, а теперь, когда страну со всех сторон окружали враждебно настроенные арабы, болгары и франки, тем более. Сколько бы она ни называла себя императором и ни поддерживала миф о своей мужественности, армию в бой она не могла повести в любом случае. А потому в 802 году в результате тщательно подготовленного заговора военных Ирина была низложена. Императором стал казначей ее правительства Никифор. Ирину постригли в монахини и отправили в монастырь на острове Лесбос, где она

через год тихо скончалась[52].

[52] Примечания: 52

Справедливо критикуя однолинейное понимание западными авторами перипетий истории Византии, автор и сам нередко упрощает и спрямляет исторические сюжеты. Например, из «Анналов Франкского королевства» известно, что «недовольство» коронацией было лишь дипломатической игрой, составляющей оборотную сторону тайного политического союза Карла с багдадским халифом. А вина, возложенная на слабого и тщеславного папу Льва III (который, кстати, не найдя общего языка с римской знатью, якобы был покалечен и просил защиты у того же Карла), должна была прикрыть чудовищные для государя-христианина контакты с мусульманским лидером, который как раз в этот момент усилил давление на Византию. Что же касается возможности брака Карла и Ирины, то инициатива исходила от Карла, причем еще до захвата ею власти. После коронации Карла Великого с благословения папы в Константинополь было отправлено особое посольство с целью предложить руку и сердце повелительнице Византии. Реализация брачного проекта соединяла Восток и Запад под эгидой одного государя. Однако маневр Карла был разгадан и лишь ускорил развязку заговора знати против Ирины. На глазах уполномоченных франкского императора она была низложена. Никифор же порвал все отношения именно с папой — главным виновником узурпации императорского титула, а с Карлом некоторое время продолжал вести переговоры. Плоды же хитроумной восточной политики Карла Великого материализовались через двенадцать лет, когда Михаил I формально признал его новый титул (подробнее см.: *Левандовский А.П.* Карл Великий. М., 1999). *(Примеч. пер.)*

Болгаро-арабские «клещи»

Знаете, что отличает императора, который прежде был казначеем? Он привык считать деньги и знает, насколько плохо, когда их мало. Первым делом Никифор принялся за реформу системы управления, которая полностью развалилась, пока Ирина разбиралась с вопросами религии и занималась интригами против собственного сына.

Суть реформы сводилась к сокращению государственных расходов и ужесточению мер по сбору податей. Конечно, Никифора сразу невзлюбили. Больше всех негодовали монахи — их собственность снова стали облагать налогом. Монастыри всегда являлись крупными земле-

владельцами, а поддержание их благосостояния оставалась первостатейной заботой насельников. Считалось, что никакие чрезвычайные обстоятельства не могут служить оправданием посягательств на богатства монастырей.

Еще Никифор позаботился о налаживании отношений с Карлом Великим. Раз нельзя заставить монарха франков отказаться от императорского титула, зачем обязательно воевать, нельзя ли договориться миром? В 803 году Никифор и Карл обговорили условия договора, по которому Южная Италия и иллирийское побережье оставались за Византией. В любом случае эти территории располагались слишком далеко от франков и добираться туда было крайне неудобно. Куда большие беспокойства могла причинить Венеция, со всех сторон окруженная землями франков, но и ее оставили за Византией. Несомненно, Никифор добился весьма благоприятных результатов, причем так и не согласившись признать за Карлом титул императора.

С арабами Никифору повезло меньше. После свержения династии Омейядов во главе исламского мира около 750 года встали халифы из династии Аббасидов и перенесли столицу из Дамаска в Багдад. Аббасиды правили огромной

исламской империей за исключением Испании на крайнем Западе[53], при них халифат обрел былую мощь.

Новые халифы никогда не считали своей первоочередной задачей захват Константинополя, но их набеги в пределы Малой Азии становились все опаснее. В 786 году во главе халифата встал самый знаменитый представитель династии — Гарун аль Рашид (известный по сказкам «Тысяча и одна ночь»).

В свое время Ирина откупилась от арабов, и те перестали вторгаться в земли империи. Но экономный Никифор посчитал выплату дани непозволительной роскошью и направил халифу письмо, в котором уведомлял, что Византия платить отказывается.

Ответ халифа не имеет аналогов в истории дипломатии: «Именем всемилостивейшего Аллаха, я, Гарун аль-Рашид, владыка истинно верующих, Никифору, псу ромейскому. Я получил твое по-

---

[53] Примечания: 53

Испания осталась под властью единственного оставшегося в живых представителя династии Омейядов. *(Примеч. авт.)*

В результате междоусобицы, развязанной организаторами антиомейядского восстания — Аббасидами, — практически вся семья Омейядов была убита. Один из немногих уцелевших от поголовного истребления член семьи, Абдаррахман ибн Муавия, бежал в Испанию, где в 756 г. основал новую ветвь династии Омейядов. *(Примеч. пер.)*

слание, сын неверных. Ты не услышишь ответа, ты его увидишь». Не тратя времени даром, Гарун начал наступление в Малой Азии, заметно оттеснил византийские войска и вынудил императора согласиться на унизительный мир. Конечно, выплата дани продолжилась.

Одновременно с наступлением арабов усилили свое давление и болгары. Снова начинали действовать болгаро-арабские «клещи». В 808 году во главе болгар оказался энергичный и решительный князь Крум. Свои первые победы он одержал над рассеянными остатками аваров, которые еще двести лет назад представляли для империи серьезную опасность. После сокрушительных ударов Крума авары перестали существовать.

Но болгары оказались нисколько не лучше аваров. Крум тут же перенацелил удары своих армий на Византию, и все последние годы правления Никифор был вынужден воевать на Балканах. Дважды императору удавалось занять болгарскую столицу, но столица кочевого племени — это не Константинополь, не стратегический центр державы. Болгары продолжали сопротивляться, а византийцам приходилось отступать и начинать все сначала.

И вот в 811 году императорская армия потерпе-

ла весьма ощутимое поражение в горах. Впервые с момента основания Константинополя император пал в бою. Монахи же всей страны с восторгом «отпраздновали» национальную трагедию.

Несколько лет в стране царила растерянность. Никифора сменил сын, но он получил тяжелое ранение в том же сражении, в котором погиб отец, и через пару месяцев скончался. Далее на трон взошел зять Никифора, Михаил I, довольно слабый император, находившийся под мощным влиянием монахов.

Некоторое время партию монашества возглавлял Феодор Студит (имя происходит от названия Студийского монастыря в Константинополе, настоятелем которого являлся Феодор). Его деятельность была направлена на реформирование монашества, распространение в народе благочестия, набожности и большего аскетизма. Высокоморальный человек, Феодор выступил с резкой критикой решения Константина VI сочетаться браком с любовницей, за что дважды отправлялся в ссылку. Он твердо стоял на позициях иконопочитания и с особым рвением искоренял остаточные проявления иконоборчества. Это вполне устраивало императора Михаила, который приблизил его и сделал своим

главным советником.

Правда, советы слуги Божьего мало помогали противостоять могущественному Круму. В 812 году Михаил признал законность императорского титула Карла Великого. Уступка казалась невероятной, но в Константинополе надеялись, что франки атакуют территорию Болгарии со своего фланга, чем ослабят давление на Византию. Если император и в самом деле рассчитывал на подобное развитие событий, то судьбе было угодно разочаровать его. Правление Карла заканчивалось (он умер в 814 году), а после его кончины, при гораздо более слабом преемнике, Франкская империя сначала погрузилась в пучину гражданской войны, а затем стала разваливаться на части.

А болгары и не знавший поражений Крум продолжали наступать по всем фронтам. В 812, а затем и 813 году он одержал победы во Фракии и начал продвигаться в направлении Константинополя — столица вновь оказывалась под огнем иноземцев. Раньше это были гунны, персы, авары, арабы, теперь настала очередь болгар.

Но империи снова повезло — арабский рычаг «клещей» перестал получать достаточное финансирование. Дело в том, что в 809 году умер Гарун

аль-Рашид, и халифат на протяжении нескольких лет сотрясали внутренние междоусобицы. Арабам просто стало не до Малой Азии. А главное — византийцы наконец нашли человека, который мог спасти Константинополь. Почти в точности повторились события второй осады столицы арабами, когда один из военачальников принял решение взять всю ответственность на себя. Звали спасителя Лев.

Когда болгарские солдаты уже шли на приступ крепостных стен, армия объявила Льва своим императором и устремилась к городу. Император Михаил, скорее всего, воспринял эту весть с облегчением и оставил трон без сопротивления, хотя за ним и стояло все монашество страны. Последние тридцать лет жизни он провел в мирном уединении.

Новый император Лев V Армянин был коронован в июле 813 года и действовал примерно в том же ключе, что и Лев III (они и к власти пришли одинаково). Первым делом была усилена оборона города, который через неделю после коронации оказался полностью блокирован с суши.

Осаждавшие вскоре поняли, что крепостные стены неприступны, чем сразу воспользовался император, предприняв ряд вылазок за пределы

линии обороны. Неся большие потери, болгарам пришлось отступить. Известно, что Лев намеревался устроить встречу с Крумом, на которой предводителя болгар должны были убить, но по каким-то причинам операция сорвалась.

Вскоре болгарам пришлось отвести свои войска, а в следующем году умер Крум, что заметно подорвало их наступательный порыв. В 817 году Лев нанес сокрушительное поражение сыну и наследнику Крума, и вскоре стороны подписали мирный договор. Болгары сосредоточились на контроле северных и западных территорий (современные Румыния и Венгрия) и вскоре образовали довольно внушительное государство между двумя империями — Франкской и Византийской.

Лев V продолжал линию Льва III и во внутренней политике. Родом из Малой Азии, он являлся сторонником иконоборчества, но не имел возможности заходить слишком далеко — времена изменились. Лев созвал собор в храме Святой Софии, на котором добился восстановления умеренной формы иконоборчества, несмотря на яростное сопротивление Феодора Студита, которого тотчас в третий раз отправили в ссылку.

У Льва был давнишний боевой товарищ — Ми-

хаил Амориец (он родился в городе Аморий, в Центральной Малой Азии). Но, став императором, Лев понял, что дружить в его теперешнем положении сложно, и никак не мог отогнать мысли о возможном предательстве Михаила. Возможно, подозрительность императора была оправданна, потому что монахи постоянно что-то затевали против него.

В конце концов Лев решил, что подозрения в государственной измене подтвердились, и приказал арестовать друга, а затем и казнить. Арест послужил заговорщикам сигналом к действию — они боялись, что Михаил под пытками назовет имена остальных участников заговора. В день Рождества 820 года Лев V проводил службу в дворцовой церкви, когда толпа мятежников набросилась на него. Император пытался защититься массивным крестом, но нападавших оказалось слишком много, и он пал под их ударами. Михаила освободили из каземата и тут же, не сняв оковы, провозгласили императором Михаилом II. У нового императора был дефект речи, от чего он получил прозвище Косноязычный.

Византию возглавил еще один слабый руководитель, чем не преминули воспользоваться противники, сразу приведя в действие свои

«клещи»: болгары активизировали действия на севере, а арабы нанесли ощутимое поражение византийскому флоту. Но сначала дало о себе знать восстание в Испании, хотя поначалу казалось, что события в далекой провинции не могли осложнить ситуацию в центре империи. В Кордове, столице Испании мавров, народ взбунтовался против нового повышения налогов, и в результате ответных действий правительства сотни человек погибли, а многие тысячи отправлены в ссылку.

Реакция последовала незамедлительно. Отряд из пятнадцати тысяч мавров пересек Средиземное море и высадился в египетской Александрии. Несколько лет никем не управляемая и малопривлекательная армия досаждала местным жителям, пока отчаявшийся наместник Египта не откупился от них, дав на прощание совет обзавестись собственной землей, тем более что оторвать кусок у Византии — пара пустяков.

В 826 году мавры штурмом взяли слабо сопротивлявшийся остров Крит и образовали на нем независимое исламское государство. Основали новую столицу Кандакс, от которой позднее и появилось итальянское название острова — Кандия.

При маврах Крит стал главной базой морских разбойников, положив начало тысячелетней традиции исламского пиратства, терроризировавшего торговлю всего Средиземноморья. Для Византии же захват острова стал не просто потерей земли. Империя на долгий период утратила контроль ближайших морей, оголив побережье и сделав его легкой добычей всякого, кто высаживался с моря.

Еще один удар Византия получила в Италии. В 827 году командующий флотом Евфимий поднял антиправительственный мятеж и не придумал ничего лучше, как попросить помощи у иностранцев. Подобное в истории случалось несчетное количество раз во время гражданских войн и неизменно оканчивалось катастрофой, потому что интервенты предпочитали не помогать одной из сторон, а действовать исключительно в собственных интересах. Этот простейший из всех уроков истории почему-то забывают в первую очередь.

Евфимий привлек на свою сторону Аглабидов, представителей династии арабских эмиров, контролировавших территории современных Туниса и Ливии, которые в тот период боролись за независимость от халифата Аббасидов. В том

же 827 году они снарядили отряд, высадились на Сицилии и сразу приступили к реализации своих планов. В 828 году был убит Евфимий, а в 831 — м взят город Палермо. Достаточно укрепившись на острове, Аглабиды начали постепенно расширять свои владения. Византийцы отчаянно сопротивлялись, удерживая главным образом прибрежные территории. Западные представления о Византийской империи как о государстве, постоянно находившемся в состоянии развала и упадка, мало соотносятся с историей упорной обороны Сицилии — «развалюха» сто двадцать пять лет удерживала остров, прежде чем была вынуждена его покинуть.

Между тем вторжение на Сицилию было обречено на успех, ее полная оккупация являлась лишь вопросом времени, и это действительно грозило Западной Европе и Византии немалыми бедствиями. Превратив остров в военную базу, арабы распространились по Италии и создали там свои временные укрепления. Теперь дань им платил даже Рим.

Патриарх и папа

Михаил Косноязычный попытался укрепить свое положение императора, совершив один весьма символический акт. После смерти жены он вызволил из монастыря Евфросину, дочь Константина VI, ослепленного собственной матерью Ириной около тридцати лет назад. Женившись на ней, Михаил как бы становился членом Исаврийской династии.

Однако этот шаг мало что значил, так как у них не было детей. После смерти Михаила в 829 году Феофил, его сын от первого брака, через усыновление исаврийцем все же стал. Для поборников иконоборческой политики это имело определенное значение, но мало способствовало

примирению с монашеством.

Однако, оказывается, Феофил и не ждал от них ничего. Он стал самым непримиримым борцом с иконопочитанием после Льва IV, скончавшегося полвека назад. В 832 году император издал эдикт, который объявлял почитание икон вне закона. При нем была предпринята последняя попытка (впервые за столетие) упростить обрядовую сторону христианства и призвать верующих к самоограничению.

Феофил продолжил политику укрепления фемной системы государственной власти и распространил ее даже на далекий Херсонес, где в ссылке томился еще Юстиниан II. До этого момента Херсонес оставался архаичным памятником давно ушедших времен, последним греческим городом-государством. Но, даже став частью вновь образованной фемы, город сохранил за собой некое подобие самоуправления — еле заметную тень античной Греции, со времен которой минуло двенадцать веков.

Правление Феофила отмечено продолжительной войной с халифатом Аббасидов, в результате которой он одержал ряд побед, но в хрониках все равно получил прозвище Несчастливый. В 836 году наступление византийцев привело к

захвату и разрушению родного города халифа. Взбешенный правитель не заставил себя ждать и в 838 году предпринял массированное наступление в Малой Азии, главной задачей которого было взятие Амория — центра новой императорской династии. Арабы не оставили от города камня на камне, а тридцать тысяч его защитников уничтожили. Феофил не смог перенести этот удар и в 842 году скончался. Его преемником стал четырехлетний сын Михаил III. Регентшей стала его императрица-мать Феодора.

В который уже раз вдова иконоборца поставила перед собой задачу восстановить обычай почитания икон. Но Феодора не пошла по пути Ирины. Она, как и ее муж, предпочитала действовать не нахрапом, а постепенно, избегая резких движений. Она постаралась расположить к себе иконоборцев, в чем преуспела. В 843 году с иконоборчеством, определявшим жизнь страны на протяжении ста двадцати пяти лет, было покончено.

В целом правление Феодоры можно оценить как вполне удачное. Ее армиям даже удалось одержать победу в долгой войне с арабами. Однако в 856 году ее сын захотел править страной самостоятельно (ему исполнилось двадцать лет).

Феодора сдаваться не собиралась, но ее брат Варда устроил переворот, взял правительство под контроль и сместил ее. Феодоре пришлось смириться и удалиться в монастырь. В отличие от Ирины она не пыталась вернуться к власти. Последние десять лет жизни она провела в мире и спокойствии, а Варда стал главным советником молодого императора.

Несмотря на поражения, которые преследовали Византию в правление Михаила III в Малой Азии и на Сицилии (к 859 году мусульмане подчинили себе всю территорию острова), этот период отмечен новым расцветом культуры и искусства, а его олицетворением стали показной блеск и роскошь. Император сам разработал и утвердил в качестве канонического вариант внутреннего убранства церквей, который воспроизвел в построенной по его указанию великолепной дворцовой базилике. Возродился и Константинопольский университет. Можно считать, что с этого времени «темные» времена, опустившиеся на империю после правления Ираклия, отступили и начался новый этап распространения византийской культуры.

Именно культурная экспансия стала поводом для нового конфликта с папой. Пока у власти

стояли государи-иконоборцы и сам патриарх принадлежал к этой партии, почитатели икон смиренно соглашались со статусом римского папы и с радостью принимали от него помощь. Шумиха вокруг давнего спора о том, кто главнее — Рим или Константинополь, была им не выгодна. Теперь, когда верх взяли иконопочитатели, спор разгорелся с новой силой и на этот раз затронул вопрос обращения в христианство язычников.

Христианство всегда было религией прозелитизма. Частично это объясняется желанием распространить среди всего человечества якобы единственно истинную веру, частично тем, что, обращая в христианство новые народы, империи было легче устанавливать над их землями политический контроль. Таким образом, обретение новых сторонников веры превращалось в орудие империалистической политики.

На самом деле подобное заключение справедливо и для того периода, когда в I веке христианская Римская империя вела бесконечные войны с Персией за контроль над Арменией. Тогда большая часть населения страны уже приняла христианство, и церковь специально подготовила перевод на армянский язык Библии.

Однако в рассматриваемый период христианство, по сути дела, уже разделилось на две враждебные друг другу религии, возглавляемые папой в Риме и патриархом в Константинополе. Оба «соревновались» в том, кто больше язычников приведет в свою — латинскую или греческую — веру, а значит, получит и сторонников верховенства папы или патриарха.

Сами же язычники выбирали исключительно меньшее из двух зол. Так, например, славяне Моравии (современных Чехии и Словакии) главными врагами считали германцев и в Византийской империи видели вероятных союзников. А потому обратились к императору с просьбой направить к ним проповедников, желая присоединиться к восточной церкви.

В 862 году греческие просветители и проповедники христианства Кирилл и Мефодий по велению патриарха отправились в Моравию, где несли людям веру и создали кириллицу — славянскую азбуку, основу языка современных славянских государств.

Западная церковь активно противодействовала миссионерской деятельности греков, если те переступали границу, разделявшую сферы влияния двух направлений христианства. Причем

папе удавалось нейтрализовывать их успехи, поощряя походы собственных подвижников. Несколько раз в Рим для разговора вызывались Кирилл и Мефодий, после чего папа дал согласие на ведение литургии не на латыни, а на славянском языке.

Так была заложена основа будущего распространения западной традиции христианства не только среди западных славян современных Чехии и Словакии, но и Хорватии. Но римский папа жаждал большего. Болгары давно считали Византию своим главным противником и обратились с призывом к папе направить миссионеров и к ним. Конечно, в Риме с радостью откликнулись на призыв. И тут наконец пришло время взяться за дело и византийскому духовенству. В результате попытки посланцев папы были пресечены и в конце концов болгары пришли в лоно восточного христианства.

Между тем в Константинополе возникла схизма — раскол — вокруг патриаршества. Патриархом в то время являлся Игнатий, сын Михаила I, недолго правившего империей тридцать лет назад. Назначила его на это место Феодора, уже пожилая императрица-мать. Наверху опасались, что Игнатий может попытаться заменить ее другой

фигурой, а потому произвели рокировку, возведя в патриарший сан мирянина Фотия, одного из образованнейших людей своего времени. Не вся церковь согласилась с подобной заменой, что привело к длительному расколу духовенства на сторонников Игнатия и Фотия.

В 858 году главой римской церкви стал Николай I, наиболее авторитетный примас раннего Средневековья, твердый сторонник идеи верховенства в христианстве папы. О лучшем поводе доказать свое превосходство, чем вмешаться в спор восточной церкви и провести собственное решение, нельзя было и мечтать. Папа решил выступить на стороне Игнатия и отлучил от церкви Фотия.

Но это лишь помогло опальному Фотию, который, играя на национальной гордости византийцев, начал активно распространять сведения об усилиях Рима по приведению к вере Христовой болгар — заклятых врагов Константинополя. Отстаивая свою непримиримую антипапскую позицию, Фотий инициировал новый спор двух ветвей христианства.

Ожесточенный спор, омрачавший отношения Востока и Запада вот уже на протяжении пяти столетий, в последнее время свелся к вопросу о

банальном старшинстве одного иерарха церкви над другим, а принципиальные теологические разногласия давно ушли в тень. Теперь в качестве вызова римской церкви Фотий решил выдвинуть вопрос, с точки зрения не богослова, совершенно тривиальный и ничтожный. Но именно ему суждено будет стать непреодолимым препятствием на пути примирения двух ветвей христианства.

Восточная церковь считала, что Святой Дух исходит только от Бога Отца. На Западе же, исходя из красоты и симметрии догмата Троицы, настаивали на исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына. Это добавление — по-итальянски «филиокве» — и стало яблоком раздора. Фотий настаивал на исключении этого положения, что привело к так называемому спору о филиокве.

Ни одна из сторон не собиралась поступаться принципами, добавляя масла в огонь, и без того разделявший Восток и Запад. Спор о филиокве не преодолен до сих пор, отчего в христианстве, собственно, и есть православные и католики[54].

---

[54] Примечания: 54

Филиокве (*лат.* «и от сына») — добавление 589 г., сделанное западно-христианской церковью к христианскому никейско-цареградскому Символу веры VI в. в догмате Троицы (см.: *Раушенбах Б.В.* Логика троичности. М., 1997). *(Примеч. пер.)*

Глава 7
Императоры и полководцы

Новая династия

Дела в Византии — не важно, ее успехи или неудачи — самого императора заботили мало. По натуре неуравновешенный, молодой Михаил III в основном предавался утехам, за что впоследствии в хрониках и получил прозвище Михаил Пьяница. А все достижения правления скорее следует отнести на счет его дяди — кесаря Варды. Но, на беду, человек способный, жесткий и исключительно ответственный, Варда вряд ли долго мог устраивать повесу императора.

Любимцем Михаила стал юноша, служивший на конюшнях Константинополя[55].

Звали молодого человека Василием. Семья его,

---

[55] Примечания: 55

Должность конюшего не следует воспринимать как нечто низкое, сродни занятию слуги. Наоборот, умение обращаться с лошадьми ценилось высоко, во-первых, в связи с проведением скачек на ипподроме, а во-вторых, и это гораздо важнее, с обеспечением должного состояния военной конницы. В западных странах в корне слов «маршал» и «комендант крепости» присутствуют слова, ранее означавшие «помощник конюха», причем в обоих случаях имеются в виду высшие воинские должности. *(Примеч. авт.)*

По мнению составителей БСЭ, слово «маршал» происходит от позднелатинского *mariscalcus* — «конюх». Энциклопедия Брокгауза и Ефрона утверждает, что в основе лежат *Marah* и *Scale* («лошадь» и «слуга» по-древневерхненемецки), обозначая конюха при короле или владетельном герцоге. А поскольку лошадь была главным атрибутом благородного воина, маршал постепенно стал начальником

охраны высших государственных лиц, сохраняя функцию контроля за конюшнями. К XV в. это уже командующий войсками. В Турции маршалу соответствовал «мушир», в России — «генерал-фельдмаршал». *(Примеч. пер.)*

вероятно, была из Армении; сам же он родился в Македонии (где за одиннадцать веков до описываемых событий правили Филипп и Александр Великий). А потому и в историю он вошел как Василий Македонянин. Это был крепкий, атлетически сложенный, весьма привлекательный человек, хотя и безграмотный (точь-в-точь Юстин, дядя Юстиниана). Михаил приблизил Василия к себе как доброго приятеля и даже повелел взять в жены свою любовницу.

Императору так было удобно — любовница получала статус замужней женщины, при необходимости всегда оставаясь под рукой. Кончилось тем, что женщина родила, а мнения по поводу отцовства разделились. По всей видимости, ответить на этот вопрос не могла и сама женщина, но историки почему-то решили, что отцом ребенка был именно Василий.

Почувствовав, что Михаил уже на дух не переносит Варду, Василий убедил своего высокого покровителя взяться за дело всерьез. В 865 году Михаил с согласия Василия устранил брата своей матери. Через год, в 866 году, неразумный Михаил объявил Василия соправителем и уже в 867 году был за это «вознагражден» — Василий убил находившегося во хмелю Михаила. (С именем

Михаила связывали массу скандальных историй, но в период следующего правления ими воспользовались для очернения его имени, чтобы хоть как-то оправдать в глазах жителей Византии нового императора — убийцу предыдущего.) Так на трон вступил Василий I.

С убийством Михаила III пресеклась и правившая менее полувека Аморийская династия — в ней было всего три императора. Можно было бы предположить, что события, выдвинувшие на арену нового владыку империи, гарантируют и ему скорое фиаско, но вышло иначе. Подъем Византии продолжался, а сам Василий проявил себя как осторожный и рассудительный император, первый в великой Македонской династии.

Человек рачительный, Василий окружил себя честными чиновниками. Под его руководством был предпринят очередной пересмотр Кодекса Юстиниана, причем масштабная работа продолжалась и после его смерти. (Краткие предварительные списки кодекса переводились на славянские языки, что заметным образом сказалось и на законодательстве славянских государств, в том числе Руси.)

За счет дробления империй основных врагов Василию удалось укрепить границы собственно-

го государства. Медленно, но верно разваливался халифат династии Аббасидов: его окраинные провинции обретали независимость, а сами халифы все больше времени проводили за стенами спрятанных от посторонних глаз гаремов. Развалилась и Франкская империя, что позволило Василию расширить владения Византии в Южной Италии.

Он боролся с пиратами, которые, обосновавшись на Крите, беспрепятственно хозяйничали в Средиземном море, и не оставлял надежд вернуть себе Сицилию. В какой-то момент показалось, что настал благоприятный момент для высадки на остров византийских войск. Но после ряда успешных наступательных операций удача отвернулась: в 878 году воины ислама овладели крупным городом Сиракузы. После этого едва ли можно было рассчитывать отвоевать оставленные земли, но византийцы отчаянно продолжали удерживать несколько опорных пунктов на побережье.

Думая о продвижении в западном направлении, Василий прикладывал немало усилий для восстановления отношений с Римом. Ради этого он сместил с патриаршего места Фотия и восстановил в должности Игнатия. После смерти

последнего Фотий вновь был возведен Василием на патриарший престол, правда с условием не допускать резких эскапад в адрес Рима.

По силе личности римские папы времен Василия не шли ни в какое сравнение с Николаем I, а главное, над ними постоянно довлел страх перед победоносными набегами на город арабов. И в 879 году папа Иоанн VIII, расписываясь в неспособности сдержать натиск исламских войск в Центральной Италии на фоне успехов византийцев, изгнавших арабов с южной части полуострова, согласился признать Фотия патриархом Константинопольским. Так удалось несколько смягчить раскол двух церквей, хотя о полном примирении говорить было нельзя, не было единства по поводу ключевого слова — филиокве. При Василии провалились попытки Рима привести в лоно христианства западной традиции Болгарию — болгары получили крещение от Византии и до наших дней принадлежат к православной церкви.

В 886 году после несчастного случая на охоте Василий I скончался. Если верить одной удивительной истории, разъяренный олень-самец зацепился рогами за ремень императора и протащил несчастного более двадцати пяти

километров, нанеся ему смертельные ранения.

На удивление легко трон наследовал его сын Лев VI — народ Византии явно начал привыкать к династиям. Было очевидно, что мощь и процветание империи наилучшим образом обеспечивает мирный переход власти от отца к сыну (тем более когда оба успешно справляются со своими обязанностями, как, например, Лев III или Константин V). Ясно было и то, что смена династий, когда империя переходит из одних загребущих рук в другие, несет стране анархию и ослабляет границы.

К моменту прихода на трон Василия понятие о законном наследовании власти уже вошло в обиход. В соответствии с установленной системой престолонаследования трон должен был переходить только от отца к сыну, а в случае обстоятельств, препятствующих такой передаче, — к ближайшему родственнику императора. Эта система исключала вероятность прихода к власти случайного человека из народа или представителя небольшой группы знати, задумавшей возвести на трон своего ставленника. Таким образом, выбор оставался за Богом — он определял, чей сын или ближайший родственник возглавит страну.

Принцип наследования по праву рождения рано или поздно должен был найти подкрепление в признании божественного характера верховной власти. В соответствии с ним монарх признавался ответственным исключительно перед Господом, который выбрал именно его нести этот крест, и ни перед кем из подданных, кто, по крайней мере теоретически, не мог сказать (и не говорил) того же о себе.

Сын Василия Лев VI образованностью выгодно отличался от наследников других византийских владык, хотя глубиной познаний, конечно, не мог сравниться с патриархом Фотием. Во всяком случае, сам новый император воображал себя ученым мужем. Написанное им необычайно разнообразно — от военных трактатов до поэзии и даже проповедей. Конечно, всегда существует соблазн уличить монарха в подписи сочинений, созданных другими, в связи с чем некоторые историки ставят ученость Льва под сомнение. Хотя что необычного в том, что время от времени на престоле мог действительно появляться человек с литературным талантом. В любом случае новый император вошел в историю как Лев Мудрый или Лев Философ.

Фотий не пользовался особым расположени-

ем Льва, равно как не может рассчитывать на любовь подмастерья суровый и требовательный наставник. И одним из первых указов Лев в очередной раз сместил Фотия и возвел на патриаршее место представителя сторонников союза с Римом (хотя в ситуации, когда так и не были преодолены разногласия по филиокве, вряд ли можно было достичь серьезного улучшения отношений между церковными центрами). На этот раз вернуться из ссылки Фотию было не суждено. Проведя несколько последних лет жизни в монастыре, в 891 году он скончался.

Помимо активного участия в богословском споре Византии и Рима Фотий оставил заметный след в истории своим изучением классической литературы. Он составил объемистый сборник избранных мест из произведений греческих авторов, сопроводив его собственным комментарием. Обычно подобные популяризаторские работы серьезные ученые не воспринимают, считая их не достойными внимания по сравнению с оригиналами, отрывки из которых, собственно, и образуют антологии. Но это справедливо, когда первоисточник сохранился. В нашем же случае многие тексты были безвозвратно утрачены, и комментированные отрывки Фотия — то един-

ственное, что дошло до наших дней. В этом и заключается их непреходящая ценность.

При Льве был закончен пересмотр законодательства, предпринятый Василием I. Свод настолько детально разбирал все стороны дела, что в результате насчитывал шестьдесят томов. Здесь уже законодательно закреплялось лишение сената последних крох властных полномочий, так как смена монархов теперь производилась в соответствии с принципом законного рождения. Власть императора теоретически становилась абсолютной и не могла ограничиваться сохранявшимся совещательным органом.

Но абсолютная власть действительно абсолютна лишь тогда, когда в порядке армия и флот, а в период правления Льва империи пришлось пережить немало исключительно унизительных поражений. В свое время Василию I не удалось покончить с морским разбоем, и теперь, словно в отместку, пираты совсем распоясались. Корсары-арабы безнаказанно хозяйничали даже в Эгейском море — оплоте Византии. В 904 году известный своей дерзостью Лев из Триполи проник далеко на север и как гром среди ясного неба обрушился на Фессалоники. Пленив двадцать тысяч человек, он отправил их на невольничьи

рынки исламского мира.

Горький и дорогостоящий урок заставил Льва укрепить флот и выбить пиратов из Эгейского моря. Замахнулся он было и на большее, но, как и Василий, оступился. В 911 году на просторах Средиземного моря византийский флот был разбит Львом из Триполи.

Варвары севера

Еще большая опасность грозила империи на суше. Почти столетие после смерти хана Крума мирно жившие болгары вновь стали проявлять активность. Недоумение и досада Византии по этому поводу вполне понятны — соседи уже не были варварами-язычниками, а стали христианами, причем крещенными в восточной традиции. Религиозный по характеру царь Болгарии Борис I в 865 году принял крещение от византийского духовенства. Крестным его стал не кто иной, как сам император Михаил III. Более того, Борис считал, что, крестившись сам, должен привести к новой вере и всю страну. Так или иначе, по

доброй воле или нет (многие болгары-язычники противились нововведению), но все население страны было крещено.

Вставал вопрос — как принятие христианства скажется на государственности Болгарии. Принимая веру мощного противника на своих южных границах, Борис не собирался терпеть политического подчинения страны и рассчитывал на признание самостоятельности национальной церкви во главе с собственным патриархом. Константинополь ответил отказом, и Борис, ничтоже сумняшеся, обратился с аналогичной просьбой к Риму.

Папа Николай I пообещал царю признать за болгарами право на патриаршество, но, затягивая решение вопроса, так никого и не назначил. Оскорбленный Борис еще раз обратился к Византии и в 870 году сделал окончательный выбор — Болгария остается в подчинении Константинопольского патриархата, сознавая возможные политические последствия такого шага. Решение на самом деле стало окончательным — по сей день, одиннадцать веков спустя, Болгария остается православной страной.

К 889 году Борис посчитал, что выполнил свою миссию, — Болгария пришла в лоно хри-

стианской церкви, причем именно восточной, православной, как он и задумал. Стареющий монарх решил уйти на покой и, окруженный почетом и уважением, удалился в монастырь. Его место занял старший сын Владимир.

Распутник Владимир давно таил злобу на отца и, оказавшись у власти, тут же собрал вокруг себя знать из числа недовольных Борисом и политикой христианизации страны. Все сделанное ранее спешно уничтожалось. Но Владимир допустил одну маленькую ошибку — он запамятовал, что его отец не скончался, а всего лишь отошел от дел.

Наконец в 893 году терпение вышедшего в отставку царя лопнуло. Внезапно покинув монастырь, он объявил о возвращении во власть. Народ поддержал его, и оппозиционная аристократия во главе с Владимиром, которого Борис приказал ослепить, была низложена. Борис возобновил деятельность церкви и перенес столицу в другой город, где, по его мнению, напоминаний о прежних традициях будет поменьше. На трон он возвел сына Симеона и вернулся в монастырь. (Борис прожил еще десять лет и умер в 903 году.) Теперь Борис мог не беспокоиться о сохранении установленной им религиозной традиции — богословию Симеон обучался в самом Констан-

тинополе.

Между тем в Византии со стороны с удовлетворением наблюдали за происходящим: давние враги стали христианами, причем по греческому образцу, а новый царь получил образование в Византии и потому, скорее всего, к империи должен был сохранить добрые чувства. Хотя стремление завладеть Константинополем могло вскружить голову кому угодно, хоть христианину, хоть язычнику. Симеон и правда очень хорошо запомнил славный, утопающий в роскоши Константинополь и вознамерился стать в нем императором. Поводом для начала военных действий послужил торговый конфликт 894 года, хотя вряд ли он мог привести к войне, не имей Симеон столь неуемных амбиций.

Почти сразу византийская армия потерпела поражение, и в Константинополе клин решили вышибать клином. Без малейших сомнений для удара в тыл болгарам-христианам были призваны другие варвары (пока еще язычники), благо в Северном Причерноморье найти таких труда не составляло.

Хазары, в прежние времена уже сыгравшие свою роль в истории Византии, помогая империи противостоять персам и арабам, до сих пор

контролировали эти пространства, но их былая мощь осталась в прошлом. Около 740 года произошло удивительное событие: значительное число хазарских племен приняло иудаизм, хотя обычно кочевники становились христианами или мусульманами. Возможно, именно отрыв от Византии и демонстрация в такой форме своей независимости и привели к упадку некогда могущественного народа.

Среди данников хазар была группа племен, именовавших себя оногуры (дословно — «десять стрел»). Соседние народы называли их уграми, что со временем трансформировалось в венгры. Некоторые племена этой группы называли себя на своем наречии мадьярами, и именно под таким названием они известны с первых дней своей истории.

Приблизительно в период принятия хазарами иудаизма из Центральной Азии пришла еще одна группа кочевников — тюркское племя, а возможно, и несколько племен, известные как печенеги или патцинаки. Под натиском печенегов мадьяры отступили на запад, а хазары — на юг. Так, неустанно преследуемые печенегами, мадьяры оказались у болгарских границ.

Именно в такой обстановке Симеон начал пред-

принимать атаки на Византию, а Лев — искать союза с его противниками. Он призвал на помощь мадьяр, зажав силы Симеона с двух сторон. Тот в долгу не остался и по примеру Византии заключил союз с печенегами. Теперь уже мадьяры ощутили удар с тыла.

Образовалась куча-мала, и явным неудачникам мадьярам снова пришлось отступать на запад. Спасаясь от преследователей-печенегов, мадьяры захватили земли к северу от Дуная, формально находившиеся под властью болгар. Болгария так и не смогла вернуть их себе, и с тех пор это государство расположено на территориях к югу от Дуная. Удар был настолько силен, что в 897 году под давлением обстоятельств Симеон был вынужден согласиться на мир с империей. Правда, взамен ее правитель обязался ежегодно выплачивать Болгарии приличную дань.

После отступления мадьяры оказались на чудных равнинах Среднего Подунавья, где за четыре столетия до описываемых событий находился центр империи гуннов. (Именно это совпадение и привело к изменению названия племени угров на хунгров[56].)

---

[56] Примечания: 56
В русской транскрипции — венгров. *(Примеч. пер.)*

В течение последующих пятидесяти лет угры предпринимали опустошительные набеги на германские земли, сея панику среди местного населения. Предположительно и немецкое «огр» — «монстр-людоед» — вошло в язык от названия племени грабителей. Кончилось тем, что, несмотря на поражение, мадьяры осели на обретенных землях и образовали государство, которое ныне известно как Венгрия. Сами венгры до сих пор называют свою страну Мадьяр-орсцаг — «Земля мадьяр».

Тем временем на землях к северу от Черного моря крепли сила и влияние славян. Поначалу кочевники Северного Причерноморья — хазары, мадьяры и печенеги — не пускали их к морю, но славянские купцы, спускаясь вниз по великим рекам Восточно-Европейской равнины, на юг все же проникали. В 865 году по Днепру струги славян вышли в Черное море, преодолели его и оказались под Константинополем, застав жителей врасплох: византийская рать воевала в Малой Азии, а флот стоял у берегов Сицилии.

Диким вихрем славяне пронеслись по близлежащим селениям и, став лагерем у стен Константинополя, начали осаду. Население вот-вот готово было запаниковать, — так велики чуже-

земцы были числом и страшны жестокосердием.

В тяжелый час руководство империи решило молить о помощи Богоматерь — заступницу города. Ризу ее пронесли по всем крепостным стенам, демонстрируя отчаявшимся было защитникам. Военная хитрость сработала — наступавшие варвары лишь заметили, как священнослужители в праздничном облачении совершали на городских стенах некий таинственный обряд, осажденные же утвердились духом. А как только первые отряды основных византийских сил стали подходить к городу, перепуганные славяне бросились наутек. Большинство пленных заставили стать под знамена армии Византии.

В это время на восточных окраинах славянского мира происходили заметные перемены. В 862 году далеко на севере военный отряд шведского племени под началом Рюрика взял власть в Новгороде. Его люди называли себя варягами (возможно, это слово значило «присягнувшие на верность друг другу»). Еще они называли себя руссами, и это название перешло на территорию восточных равнин. Теперь эти земли мы зовем Русью или Россией, так что нынешние русские — потомки славян, осаждавших в 865 году Константинополь. (По сути, эта осада — первое

упоминание русского народа в истории.)

Рюрик стал основателем первой русской династии, под водительством которой восточные славяне впервые ощутили свою мощь. К Рюриковичам принадлежал и Олег. Около 879 года, после кончины Рюрика, князь возглавил поход на Дунай, покорил Смоленск, а Киев сделал своим стольным городом. После этого более трехсот лет Киев оставался первым городом русских земель и главной столицей варягов.

Одолев хазар, Олег пробивался к Черному морю. В 907 году он предпринял вторую попытку взять Константинополь. Теперь, спустя сорок лет, поход был подготовлен гораздо тщательнее. Тем не менее с ходу овладеть городом шансов у войска Олега не было. Однако и вконец измотанные ударами болгар византийцы уже не могли воевать на два фронта. Император пошел на заключение с руссами торгового договора, по которому те получали в столице юридическую защиту правительства. Врагов же у Льва VI хватало настолько, что он готов был ими поделиться. Итак, народ с севера оказался вовлечен в хитросплетения византийских проблем, когда пираты-мусульмане хозяйничали в Эгейском море.

Но все беды не шли ни в какое сравнение с

личными неурядицами Льва VI, в основе которых лежали брак и любовь. Вообще к браку в Византии относились без щепетильности. Высокая детская смертность приводила к тому, что нередко мужчины многократно меняли своих жен. Утверждая в качестве образца принцип «один брак на всю жизнь», церковь, как могла, боролась с повторными браками и не давала согласия даже в тех случаях, когда речь не шла о многоженстве или разводе.

В самом начале своего правления Лев поддерживал установленный церковью порядок. Четвертый брак был невозможен в принципе, а третий если и не объявлялся вне закона, то одобрения явно не вызывал. Но со временем проблемы возникли и у самого императора. Первую жену выбрал для него отец, император Василий. Во втором и третьем браке Лев так и не дождался появления столь желанного сына. А тут еще Зоя, молодая красавица любовница, родила ему мальчика.

Стремясь обеспечить сыну законную передачу трона, Лев задумал жениться на Зое, но возмущенная церковь не хотела и слышать о четвертом браке. Тогда Лев обратился к патриарху Николаю Мистику с просьбой хотя бы крестить ребенка,

закрепив за ним право престолонаследия без оформления брака родителей. Патриарх согласился, но при условии отречения императора от Зои. Так ребенок был крещен, наречен Константином, а спустя три дня Лев по-тихому женился на матери своего ребенка. Разгневанный патриарх тут же наказал священника, который позволив запугать себя, и совершил обряд венчания. Очень скоро Лев избавился от Николая — в конце концов, император всему голова.

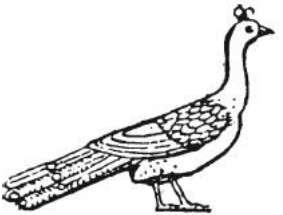
Факт рождения этого наследника императора увековечен в имени, которым его нарекли, а началось все с обыкновенной краски. Яркие, водостойкие и не выгорающие на солнце красители известны людям с древнейших времен. Правда, было их совсем немного. Например, пурпурную или багряную краску получали из средиземноморского моллюска. Несколько веков монополистом по его добыче и производству тканей пурпурного цвета был город Тир. Цена товара была баснословная, так что процветанию город был обязан исключительно секрету получения знаменитого красителя. Да и само слово «финикиец», которым греки именовали жителей Тира и ближайших городов, происходит от греческого «кроваво-красный» и вполне может иметь

отношение к цвету краски.

Во времена Византийской империи пурпур был по-прежнему знаменит, а специальным указом объявлен принадлежностью императорского двора, еще раз проводя черту, отделявшую императора от его подданных. Достаточно было сказать «пурпурный» или «багряный», чтобы собеседник понял — речь идет о правящем доме, настолько слились понятия императорской власти и ее неотъемлемого атрибута — цвета.

В императорском дворце особые покои были убраны драпировкой из царского пурпура. Во время беременности в них жила императрица, и, случись ей разрешиться от бремени именно здесь, ребенка нарекали «багрянородным» или «рожденным в пурпуре». Ребенок любовницы Льва появился на свет как раз в этой комнате, а посему и сын вошел в историю как Константин Багрянородный.

Рожденный в пурпуре



Когда в 912 году Лев VI скончался, его сыну исполнилось всего шесть лет. Порядок наследования власти в империи к этому времени утвердился окончательно, и препятствий обретению ее ребенком не предвиделось. Правда, управлять страной в таком возрасте он не мог — регентом при малолетнем наследнике Льва Константине VII Багрянородном должен был стать кто-то из взрослых, например младший брат умершего императора, если, конечно, таковой был.

У Льва был младший брат, он и принял регентство. Будь в Византии иная система правления, соблазн избавиться от ребенка и провозгласить императором самого себя вряд ли был преодолим.

Но по римской традиции совместное правление разрешалось, и дядя просто присвоил императорские полномочия, оказавшись в списке византийских императоров под именем Александра II.

Свое правление Александр начал резким изменением политического курса: мать молодого императора Зоя была отправлена в ссылку; ее первый враг патриарх Николай, наоборот, возвращен в столицу; а выплата дани, почти пятнадцать лет направляемая Константинополем болгарскому царю Симеону, прекращена.

Подобный шаг иначе как недальновидным не назовешь — Александр был не в состоянии противостоять неминуемой военной угрозе с севера. Симеон же за последние десять лет, даже уступив северные области венграм, сумел объединить оставшиеся земли царства в единый кулак невиданной доселе мощи. Столица Преслав (около двухсот пятидесяти километров к северо-западу от Константинополя) быстро развивалась, став довольно крупным городом, а царь уже видел себя Симеоном Великим. Кстати, в историю он войдет именно под этим именем.

Армия Симеона молниеносным броском вышла к Константинополю. Правда, Александр не

увидел, какую цену пришлось заплатить за его глупость, — он умер в середине 913 года, пережив своего брата всего на год. Империей теперь единолично правил юный Константин Багрянородный, а вопросами обороны ведал патриарх Николай. Ему и пришлось, заискивая и унижаясь, преподносить Симеону богатые дары в надежде убедить оставить город в покое. Но Симеон рассчитывал на большее — он добился согласия, что в свое время Константин возьмет в жены его дочь[57]. Скорее всего, болгарский царь надеялся стать регентом Константина и соправителем Византии. Патриарх Николай готов было пойти и на это, но тут вновь на политической сцене появилась императрица Зоя.

После Александра остался регентский совет из шести человек. Основным занятием его членов были интриги, а главной целью — обретение верховной власти. Вернувшись из ссылки, Зоя, умело играя на соперничестве регентов, оказалась в кругу самых влиятельных персон империи. Благодаря высокому положению императри-

[57] Примечания: 57

Имеется в виду согласие на династический брак малолетнего Константина и дочери Симеона. Такие браки тогда — в форме обручения, имевшие, однако, юридическую силу брачного союза, — заключались и между детьми в возрасте пяти — восьми лет. *(Примеч. пер.)*

цы-матери и волевому характеру ей удалось передать горожанам свою решимость биться с врагом. Николаю оставалось лишь молча наблюдать за ее возвращением во власть. Причем Зоя не собиралась лишать его патриаршества. Впрочем, этого и не требовалось — малодушие и трусость Николая заметно ослабили его позиции в стране.

Надо сказать, что дела у византийской армии шли из рук вон плохо, и в 917 году Симеон разбил ее[58]. Однако Зоя не сидела сложа руки. Ее лазутчики вызвали волнения среди сербов, западных вассалов Болгарии, и расшевелили печенегов, которые, одолев венгров, стали северными соседями болгар.

Поэтому решающему штурму Константинополя мешали постоянные атаки печенегов и необходимость усмирять сербов. Известно, что, начиная с 913 года в течение десяти лет, Симеон четырежды осаждал Константинополь, но, учитывая мощь оборонительных сооружений города, отсутствие собственного флота и неспокойное положение в тылу, так и не смог овладеть столицей империи.

---

[58] Примечания: 58

Имеется в виду сокрушительное поражение византийской армии в августе 917 г. под Ахелоем и последовавшие за этим подчинение Симеоном Сербии и вторжение в Элладу. *(Примеч. пер.)*

Самая удивительная черта долгого исторического пути Византии — прочность имперских основ — проявилась и сейчас. Несмотря на многолетнее упорное противостояние с Симеоном, империя умудрялась удерживать свои позиции в Южной Италии. И это после восьмидесяти лет разорительных набегов на эти земли арабов! Даже Рим не избежал знакомства с их клинками и был вынужден откупаться, выплачивая дань. За все столетие не шли так плохо дела и у церкви — большинство пап становились марионетками в руках распутной римской аристократии. Правда, одному из них, Иоанну X, удалось привлечь на свою сторону значительную часть состоятельной верхушки и начать действовать. Так впервые в истории римский папа повел свое войско на битву.

В который раз общий враг заставил Восток и Запад встать в один боевой строй. Войска Византии соединились с папским отрядом, и в 916 году объединенная армия христиан встретилась с арабами на берегах реки Горильяно в ста шестидесяти километрах к юго-востоку от Рима. Христиане одержали безоговорочную победу, навсегда изгнав мусульман из Италии. И хотя еще сто двадцать пять лет Сицилия оставалась

во власти арабов, провинции Византии в Италии наконец могли вздохнуть свободно, равно как и римские папы.

Без сомнения, победа в Италии способствовала стабилизации непростой обстановки в империи, но вместе с тем было очевидно, что правительство Зои и регентов в лучшем случае способно лишь сдерживать удары болгар. Слишком много сил и времени уходило на споры между собой, когда решения следовало принимать немедленно. Требовалась сильная рука, и народ был готов приветствовать любого, кто предложит правительству план действий и справедливый контроль за его исполнением.

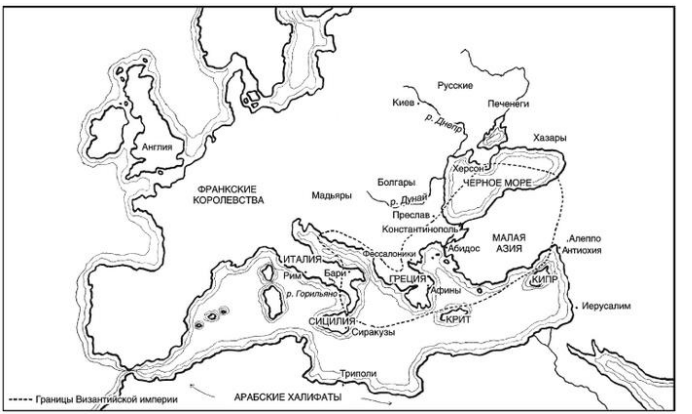
И время выдвинуло такого человека. Им стал Роман I Лакапин, армянин из крестьян. Поступив на службу в императорский флот простым моряком, он дослужился до начальника военного флота. В 919 году, оценив настроения в обществе, Роман решил, что настало время для военного переворота. Он отдал приказ сниматься с якоря в устье Дуная (там флот противостоял болгарам) и пошел на Константинополь. Ликующий город приветствовал его, а регентам пришлось уйти в отставку. Роман взял власть в столице и первым делом отправил Зою в монастырь.

Обручив свою дочь Елену с двенадцатилетним Константином, он на всякий случай позаботился и о себе. Теперь флотский начальник стал еще и тестем императора. Около года Роман выжидал, приучал народ к себе, оставаясь в тени малолетнего императора, а потом объявил себя его соправителем. Это событие знаменовало собой более чем полувековой период, в течение которого империей правили полководцы, а легитимные императоры оставались в их руках лишь марионетками. На счастье, военные попадались толковые.

У нас нет оснований говорить, что Константин VII тяготился своим положением. Человек, полагавший о жизни лишь по книгам, он на протяжении почти пятидесятилетнего правления полностью (и не без удовольствия) отдавался тем радостям, что предоставляло положение церемониального императора, не налагая на него при этом никаких обязанностей.

От отца он унаследовал интерес к литературе и искусствам, покровительствовал наукам. Известны и его собственные сочинения, в том числе по истории и географии империи, биография деда, Василия I, а также небольшая работа по внешней политике, специально написанная для сына.

С особой тщательностью и любовью Константин работал над монографией о традициях и церемониях церкви и византийского двора. Всю жизнь его сопровождал неподдельный интерес именно к внешней, ритуальной стороне императорской власти.



Карта 8. Византийская империя в 925 г. при Романе I

Тем временем Роман Лакапин (или, называя его императорским именем, Роман I), несмотря на свои пятьдесят лет, с неистощимой энергией принялся за решение государственных вопросов. Например, в 924 году византийскому флоту на-

конец удалось нанести поражение силам Льва из Триполи. И хотя после этого набеги не прекратились в одночасье, прыти у пиратов заметно поубавилось.

Гораздо более неожиданными выглядят действия Романа по отношению к болгарам. Он выступил организатором личной встречи с Симеоном для заключения мира между двумя народами, своего рода встречи на высшем уровне, как мы сказали бы сегодня. Симеон, уставший, преклонных лет человек, находился на троне уже тридцать один год. Почти все войны, которые он вел с Византией, были успешными для болгар, его армия прошла с боями по всей территории противника. Однако полной и окончательной победы так и не было, потому что непокоренным всегда оставался Константинополь. Выслушав Романа, царь принял решение прекратить войну, и в 924 году Болгария согласилась заключить с Византией мир.

На следующий год Симеон, понимая, что стать императором Византии ему уже не суждено, ничтоже сумняшеся решил, что какой-никакой, а императорский титул ему полагается, и объявил

себя цезарем, по-славянски — царем[59].

Роман I негодовал, но мы рискнем предположить, что делал он это лишь для сохранения собственного лица, так как решение с ним было согласовано еще год назад, как одно из условий заключения мира с Болгарией. Римский же папа незамедлительно одобрил новый титул, чтобы лишний раз насолить руководству Византии.

В 927 году Симеон умер, и править страной стал его сын Петр, не чета отцу, человек начисто лишенный волевых качеств. Конечно, Роман сразу понял, как этим воспользоваться. Он признал его царем, согласился на предоставление болгарской церкви статуса патриархии и устроил брак Петра с одной из своих внучек, византийской принцессой. Это обеспечило Византии мир с Болгарией на все сорок два года пребывания на троне Петра. Помогло и то, что болгарам приходилось отражать постоянные набеги венгров и печенегов. Для Византии северный сосед стал надежным

---

[59] Примечания: 59

Таким образом, царь Болгарии Симеон I стал первым царем славянских народов. По иронии судьбы последним царем у славян тоже был болгарин, Симеон II; его правление завершилось в 1946 г. *(Примеч. авт.)*

В 925 г. Симеон провозгласил себя «василевсом (царем) всех болгар и греков»; «василевсом болгар» он стал еще по соглашению 913 г., а когда Роман Лакапин стал соимператором Византии, Симеон в отместку принял титул «василевса ромеев», чем вызвал раздражение в Константинополе. *(Примеч. пер.)*

щитом, отражавшим удары варваров.

Заметим, что немало хлопот византийцам доставляли и руссы. После заключения торговых договоров князем Олегом они стали играть все более заметную роль в Константинополе — и как купцы, и как наемные воины. Добиваясь льгот и привилегий в торговле, руссы нередко прибегали и к силе. Главной фигурой тогда был Киевский великий князь Игорь, наследник Олега. Русские летописи отводят ему заметное место, отмечая его воинственность. Готовность в любой момент вступить в бой, видимо, считалась качеством, которое гораздо важнее побед его обладателя, ведь все битвы, зачинщиком которых был именно он, неизменно заканчивались поражением.

В 941 году флот русских в третий раз пересек Черное море, чтобы осадить Константинополь. На этот раз самый мощный флот (некоторые летописи говорят о десяти тысячах кораблей) ожидало и самое жестокое поражение. «Греческим огнем» византийский флот сжег все корабли руссов. Это был полный разгром.

Таким образом, император Роман I обеспечил мир с Болгарией, одержал немало побед на море и на суше (в Малой Азии), установил спокойствие в собственной стране. Удалось ему некоторым

образом смягчить и неудовольствие церкви четвертым браком Льва VI. Созванный им собор постановил, что отныне третий и четвертый браки запрещены, а дело Льва VI объявил исключением из правил.

Несколько сгладились отношения с Римом и между главными центрами христианства, наступил период относительно мирного сосуществования. Наконец Роман I издал законы, направленные на некоторое ограничение роста крупного землевладения за счет крестьянского. На эти меры пришлось пойти после череды неурожаев, фактически поставивших империю на грань всеобщего голода.

Славные дела — это, конечно, хорошо, но к 944 году Роману I было далеко за семьдесят, и взрослые дети (Константин и Стефан) давно томились в ожидании его смерти, чтобы самим занять императорский трон. (Присутствие законного императора Константина в расчет не бралось вовсе.) В одну из ночей сыновья при поддержке вооруженной охраны совершили военный переворот. Императора выволокли из постели и заточили в островном монастыре недалеко от Константинополя. Там после двадцати четырех лет императорства Роман I был насильно постри-

жен в монахи.

Правда, ни к чему хорошему это не привело. Разгневанная Елена, сестра мятежников и жена Константина VII, обвинила их еще и в заговоре с целью убийства законного императора. Имелись такие замыслы на самом деле или нет, было уже не важно. Пришедший в ужас суд тут же вынес решение схватить сыновей Романа I и выслать на остров, где находился их отец. Встретил он их не без злорадства. Правда, трон вернуть не удалось. Он так и скончался на острове монахом в 948 году. Императором-автократором стал Константин VII, возраст давно позволял — ему минуло уже тридцать девять лет. Однако он по-прежнему оставался в тени — на этот раз бал правила жена Елена и ее фавориты.

На Руси же после кончины Игоря в Киеве стал княжить его сын Святослав. В 955 году в Константинополь во главе посольства прибыла княгиня Ольга, вдова Игоря, мать и регентша юного киевского князя.

Княгиня была поражена красотой и изысканностью византийского придворного ритуала, доведенного Константином VII до совершенства. Его величественность должна была внушать неискушенным варварам благоговейный тре-

пет. Инструмент государственной политики сработал должным образом и на этот раз. Ольга обратилась с просьбой о принятии христианства и, по легенде, была крещена самим патриархом. (Возможно, подобное изложение событий было предложено позднее. Имеются свидетельства того, что княгиня приняла христианство в Киеве, где к тому времени уже имелась христианская община, а ее приезд в Константинополь носил характер паломнического[60].)

Несмотря на то что Ольга была властной и жестокой правительницей, сам факт крещения придал ей ореол святости, и впоследствии она была канонизирована, став первой в пантеоне святых Русской православной церкви. Однако ее личное крещение не привело к смене веры в государстве — сын, как и население страны, оставался язычником.

---

[60] Примечания: 60

Отметим, что предложенная автором трактовка событий имеет схематичный характер. Данная тема исчерпывающе представлена в академических и научно-популярных работах: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988; *Как* была крещена Русь. М., 1990; *Введение* христианства на Руси. М., 1987; *Сахаров А.Н.* Мы от рода русского… Л., 1986 и др. *(Примеч. пер.)*

Полководцы на троне

Константин VII скончался в 959 году. На смену ему пришел двадцатиоднолетний красавец сын, названный в честь деда Романом. Правил Роман II вместе со своей второй женой, императрицей Феофано, женщиной незнатного происхождения, но неописуемой красавицей и героиней многочисленных скандальных историй.

Трудно сказать, что в них — правда, а что — ложь. Монарх неблагородных кровей редко пользуется любовью знати, так что императрица — дочь мытаря — вряд ли могла избежать сплетен и кривотолков. Хотя дыма без огня, конечно, не бывает. Например, сквозь завесу истории до нас дошло предположение, что именно по ее наущению муж отравил отца-императора. Та же

молва приписывает ей и кончину четыре года спустя уже Романа II, мол, отравление опять было организовано Феофано.

За четыре года правления Роман II мало чем проявил себя, и тем не менее для него это было счастливое время. Во-первых, он стал отцом двоих сыновей, которым судьба даровала право стать во главе империи в годы ее расцвета, а во-вторых, при нем выдвинулся один из самых способных полководцев государства.

Звали его Никифор Фока. Выходец из семьи военной аристократии, при Константине VII он служил на восточной границе. В правление Романа II Никифору предстояло вести византийскую рать в новый поход.

Одолев арабских пиратов и большой числом, но не умением флот русского князя Игоря, византийцы были полны решимости закрепить свой успех на море. Следующей целью становился Крит — опорная база разбойников и пиратов, по-прежнему державших в страхе прибрежные провинции империи.

В 960 году флот Византии под началом Никифора Фоки после года ожесточенных сражений выбил арабов с Крита, тех, кто остался, силой обратили в христианство. Лишь через семь столе-

тий арабы смогли вновь обосноваться на острове, но даже и тогда ислам не получил прежнего распространения. До сегодняшних дней Крит — территория христианства (и часть современного Греческого королевства)[61].

Победа принесла Никифору невиданную славу — таких побед над арабами Византия не знала уже много столетий. Ценна же она была еще и тем, что византийцы на этот раз не защищались, а сами шли в победное наступление. Словно желая доказать, что его успех — не случайность, Никифор повел войско в Малую Азию и одержал ряд побед в Сирии. В 963 году ему удалось захватить и даже удерживать, пусть и временно, город Алеппо[62].

В том же году скончался Роман II (еще раз оговоримся, неизвестно, был он отравлен или умер своей смертью), оставив после себя Василия пяти и Константина трех лет от роду. Братья были коронованы и, так как, согласно принципу престолонаследия, их права считались непре-

---

[61] Примечания: 61

В декабре 1974 г. в результате референдума монархия в Греции была ликвидирована, а страна объявлена республикой. *(Примеч. пер.)*

[62] Примечания: 62

Алеппо — латинизированное название города Халеб на севере Сирии. *(Примеч. пер.)*

рекаемыми, совместно пришли к власти как императоры Василий II и Константин VIII. По малолетству они не могли управлять страной, и Никифор воспользовался примером Романа Лакапина пятидесятилетней давности.

Патриарх благоволил Никифору, он восхищался победами полководца над исламскими воинами и отмечал его, по всей видимости, истинное благочестие. Для начала Никифор объявил себя опекуном юных императоров, а чуть позже женился на молодой вдове Феофано, через династический брак породнившись с императорским домом. Затем он сам принял императорский титул и стал Никифором II, не ущемляя законные права на трон сыновей Романа II, то есть действовал как Роман I.

Став императором, Никифор II не оставил мысль о наступлении на арабов. Пройдя огнем и мечом по Северной Сирии, его войска спустя триста лет вернули Антиохию. Среди военной добычи был и лоскут ткани — как считалось, от плаща Иоанна Крестителя. Затем византийский флот произвел высадку войск на Кипре, гарнизон которого многие годы с переменным успехом отбивал атаки сарацин. Теперь остров окончательно очистили от неприятеля и империя вновь

стала полновластной хозяйкой в Восточном Средиземноморье.

Настала очередь Сицилии, крупнейшего острова Средиземного моря. Минуло почти двести пятьдесят лет с тех пор, как первые арабские войска появились здесь, и около восьмидесяти после неудачной попытки Василия I сбросить магометан в море. На тот момент за Византией на Сицилии оставалась лишь единственная крепость в горах.

В 964 году Никифор II Фока отправил к острову флот, чтобы последним ударом вернуть утраченное, но потерпел поражение. Как прежде при битве за Крит, был высажен десант, но на этот раз ставки были гораздо выше. Войска империи оказались разбиты, а в январе 965 года пал и последний в Сицилии укрепленный пункт. Так Византия навсегда ушла с острова, завоеванного четыреста пятьдесят лет назад полководцем Велизарием.

Все опаснее складывалось положение и в Южной Италии. Оттон I, наиболее могущественный из германцев после Карла Великого, словно подчеркивая свое положение, вновь с гордостью стал носить титул императора, величие которого при потомках Карла сошло на нет.

Оттон I подчинил себе две трети полуострова и провел разведку боем в занятой Византией Южной Италии. Например, крепость Бари его войска осаждали около месяца, но, встретив ожесточенный отпор, отступили, и итальянские провинции остались за византийцами.

Однако победы Никифора не гарантировали безопасности северных границ империи. Болгары зорко отслеживали любую возможность нанести удар по территории своего заклятого врага. В 966 году царь Петр, по-прежнему с трудом отражая набеги венгров, решил, что настал удобный момент двинуться на юг. В этом предприятии он заручился поддержкой тех же венгров по принципу: тот, кто нам мешает, тот нам поможет.

А Никифор применил традиционную византийскую тактику — стравливать одно варварское племя с другим — и обратился к руссам с просьбой помочь с болгарами. Люди киевского князя к этому времени уже довольно прочно обосновались в Северном Причерноморье между землями венгров и печенегов. Сын крещеной княгини Ольги, всегда готовый повоевать язычник Святослав, сразу принял приглашение Никифора.

Победоносные рейды дружин Святослава отличались кровавой жестокостью, и болгары

призвали на помощь печенегов. Те не преминули откликнуться и отправились воевать Киев. То есть в который раз повторилась известная война всех против всех. Русские войска спешно вернулись в свои пределы, а отогнав от Киева печенегов, вернулись в Болгарию полные жажды мщения. Удары руссов были настолько сокрушительны и молниеносны, что в Византии поняли: Русь — противник куда более опасный, чем болгары. Так Никифор оказался втянут в войну с войском, которое сам и позвал на Балканы. Это был серьезный удар по его престижу.

Известно, что война дело не из дешевых, даже победоносная, и Никифору требовались средства. Человек сурового нрава и аскет, император не задумываясь готов был жертвовать своим ради общего благого дела, рассчитывая, что так должны поступать и остальные. В результате в стране ввели новые подати. Высокие налоги ни один народ не жалует, и нет таких побед, что заставили бы людей их оплачивать с легким сердцем.

У Никифора II был племянник Иоанн Цимисхий, служивший, как когда-то и сам император, на востоке империи. Пришла его очередь решать, когда настанет время брать власть в свои руки. 10 декабря 969 года Иоанн во главе группы

вооруженных заговорщиков проник в спальню Никифора. Так Никифор, силой захвативший трон по примеру Романа I, и лишился его в результате переворота своих же родственников. Но если Романа I отправили в ссылку, то Никифора II — лишили жизни[63].

И вот Иоанн Цимисхий становится Иоанном I. Между тем все сильнее стали распространяться слухи о том, что нити заговора вели к императрице Феофано, приложившей таким образом руку к убийству уже третьего императора. Иоанн решил не давать ей повода убрать четвертого и спешно отправил в ссылку. Сыновья же, Василий II и Константин VIII, продолжали числиться законными императорами. Сам Иоанн, укрепляя династическим браком права на престол, женился на их тетке — Феодоре.

Одаренный, как и его предшественник Никифор, полководец, Иоанн начал свое правление с противостояния русской угрозе. В 970 году киевский князь Святослав, наголову разбив болгарские войска, приближался к пределам Византийской империи. В ответ Иоанн I отправил свой флот в устье Дуная, чтобы помешать воз-

[63] Примечания: 63

Согласно византийским хроникам, императора собственноручно зарезал его племянник. *(Примеч. пер.)*

можному отходу русских, а сухопутные войска выдвинул на север, причем сделал это необычно рано, когда противник этого не ожидал.

Русские дружины бились с удивительным упорством и храбростью, несмотря на тяжелые потери (качество, свойственное им на протяжении всей долгой истории). Но, располагая лишь пешими воинами, они не могли противостоять закованной в тяжелые доспехи коннице. Именно ей греки обязаны победе над имевшим численный перевес русским войском. Святослав был вынужден сдаться, согласиться на условия мира и вернуться на родину[64].

Победы Иоанна не вернули Болгарии земли, занятые руссами. Тем не менее болгары продолжали удерживать западную часть своей

[64] Примечания: 64

Автор передает весьма приблизительный и ошибочный абрис событий, опираясь на византийские источники, упоминающие о победе греков под городом Аркадиополем, на ближайших подступах к Константинополю, как об окончательной победе в русско-византийской войне 970 г. Действительно, вспомогательные силы союзного войска руссов, болгар, венгров и печенегов проиграли то сражение. Но решающая битва происходила во Фракии, где Святослав одержал верх над прославленным патрикием Петром. После поражения греки несколько раз направляли к князю посольство с упреками в нарушении прежнего мирного договора и напоминанием о тяжкой судьбе его отца Игоря. Только третье посольство позволило грекам приостановить наступление русского войска, несмотря на поражение союзников под Аркадиополем. В результате Византия согласилась с закреплением Святослава на Дунае и необходимостью выплаты дани, то есть вернулась к условиям русско-византийского договора 967 г. *(Примеч. пер.)*

территории, а вот нижнее течение Дуная теперь вошло в состав Византийской империи[65].

Тем временем росло влияние Запада, распавшегося после крушения Франкской империи Карла Великого на несколько частей. Крупнейшее из образовавшихся государств возглавлял император Оттон II, сын и преемник Оттона I. Именно за него Иоанн покровительственно согласился выдать замуж свою племянницу Феофано.

Это событие помогло пробиться лучику света в «темное» Западное царство. Именно Феофано познакомила германский императорский двор, где в ходу были непритязательные, если не сказать — откровенно грубые манеры, с шелком и привычкой регулярно принимать ванну. Вряд ли стоить говорить о том, что первое нововведение прижилось гораздо быстрее. (Предположительно в это время двоюродный брат Феофано проживал в Венеции и, должно быть, познакомил Запад с

---

[65] Примечания: 65

К этому периоду относится фактически отделение от Болгарии западных районов государства и раскол болгарской знати. Земли, тяготевшие к Византии (Восточная, Северо-Восточная и часть Центральной Болгарии), покоренные Святославом и оставленные по договору 970 г., тут же были аннексированы империей. Во всех крупных городах были размещены военные гарнизоны. Болгарская столица переименована в честь Цимисхия в Иоаннополь, город Доростол в честь его жены — в Феодоропль. Наследники ушедшего в монастырь царя Петра, Борис II и Роман, были уведены в Константинополь, где Роман был оскоплен, а Борис II — публично лишен царских регалий. *(Примеч. пер.)*

вилкой в качестве столового прибора.)

Между тем император Иоанн продолжал развивать военные успехи в Сирии. Был пройден рубеж, достигнутый войсками Никифора II Фоки, оставалось рукой подать до Иерусалима. Но в целом результаты похода оказались более чем скромными. Местное население состояло сплошь из мусульман, и, даже покоряя города, византийцам пришлось бы в каждом держать гарнизон для пресечения беспорядков, что было невозможно.

Во время этой военной кампании Иоанн I Цимисхий заболел тифом (по крайней мере, симптомы болезни, описанные в хрониках, соответствуют этому заболеванию) и был вынужден вернуться в Константинополь. В январе 976 года император умер. Само собой, в народе говорили об отравлении.

Глава 8
На пике могущества

Василий Болгаробойца

Василию вот-вот должно было исполниться двадцать лет, и он вполне мог править страной самостоятельно. Отметим, что наследный принц любил пожить в свое удовольствие, но после смерти Иоанна I переменился. На вопрос, в чем причина столь резкой перемены, однозначного ответа нет. Он вдруг стал угрюмым, суровым, даже жестоким, а его беззаветная преданность новому делу граничила с фанатизмом. Отныне радость для него олицетворяли ратный подвиг и преодоление тягот солдатской жизни; он совершенно отказался от мяса, вина и женщин и так никогда и не женился.

А вот от императорского титула он отказываться не собирался, все крепче и крепче удерживая в своих руках скипетр, отодвигая на вторые роли младшего брата Константина VIII. Правда, тот до конца дней оставался повесой и иной «участи» не желал.

На беду, обрести власть без борьбы не представлялось возможным — слишком долго законные обладатели тронного места занимали его номинально. Правили же страной и стяжали славу

полководцы Никифор II и Иоанн I. Вполне понятно, что и другие военачальники могли захотеть продолжить их дело.

Действительно, пять десятилетий пребывания у власти военных, начиная с Романа Лакапина, превратили империю почти в классическое феодальное государство. По замыслу военных, рост земельных владений феодалов в случае чего должен был обеспечить поддержку войскам, и постепенно наиболее крупные землевладельцы, в особенности выходцы из Малой Азии, превратились чуть ли не в независимых от императора наместников. Конечно, они стремились к тому, чтобы императорская власть действовала в их интересах. В оппозиции к ним находилась высшая чиновная бюрократия, которая устала от преемственности администраций императоров и изо всех сил стремилась к воцарению в Константинополе правительства центра.

В 971 году, еще при Иоанне I, партия феодалов подняла восстание под предводительством Варды Фоки, племянника императора Никифора Фоки, убитого другим племянником — Иоанном. Сомнений в том, что это была исключительно внутрисемейная борьба за трон, не было, но крупные землевладельцы расценили так, что Варда

Фока за помощь не забудет и их. Мятеж охватил всю Малую Азию и был подавлен лишь ценой немалых усилий армии под командованием Варды Склира. Предводителя мятежников сослали на остров Хиос в Эгейском море.

После смерти в 976 году Иоанна Цимисхия Варда Склир, который был очень популярен в армии и к тому же имел под началом флот, сообразил, что настало его время возглавить империю. За три года побед он покорил всю Малую Азию.

Однако молодой Василий II сдаваться не собирался. Он решил испробовать излюбленную тактику стравливать между собой северных варваров, рассчитывая на поражение обеих сторон, на мятежных феодалах. Варда Фока был возвращен из ссылки. В одном из сражений Склир одолел силы Фоки, и теперь настало время ответного удара.

24 марта 979 года армии тезок сошлись в Малой Азии. Как пишет хронист, в поединке один на один, достойном слога Гомера, Фока одолел Склира. Последнего, почти при смерти, вынесли с поля боя. Он выжил, сумел добраться до Багдада и укрылся на территории арабов.

Несколько успокоив феодалов, Василий II принялся за их привилегии и власть. Он издал ряд

законов по земельной реформе, ограничивающих размеры землевладения. В ответ в 987 году феодалы вновь подняли мятеж, который возглавил вернувшийся в страну Варда Склир. Император опять призвал на помощь Варду Фоку, но тот встал на сторону прежнего врага, а армия провозгласила его императором. Так в третий раз вся Малая Азия восстала против императора. Константинополь оказался блокирован с суши и моря войсками двух Вард.

Но и на этот раз Василий II не собирался сдаваться. Императору требовались союзники, и он их нашел. С 980 года, после смерти киевского князя Святослава, Русью правил его сын Владимир. С ним-то и заключил военный союз византийский император. За русских наемников Василий пообещал отдать князю в жены свою сестру принцессу Анну (надо сказать, подобное унижение свидетельствует о том отчаянном положении, в котором оказался император). Сделка состоялась, и отборный шеститысячный русский отряд устремился к Константинополю.

Именно дружина руссов составила ядро так называемой гвардии варягов, по названию древнего шведского клана, давшего начало и русской правящей аристократии. Конечно, были в ней не

только варяги или русские — викинги из Скандинавии, саксы из Англии и другие искатели приключений с удовольствием присоединялись к войску, чтобы служить в самом цивилизованном и богатом городе мира того времени. Но наименование прижилось и сохранялось на протяжении более четырехсот лет; вне зависимости от национального и социального состава дружину называли варяжской[66].

Василий II спешно стал готовить Константинополь к обороне и в 988 году, преодолев во главе варяжской гвардии пролив, смял мятежные войска. Императору было мало разбить армии восставших, главное заключалось в том, чтобы сломить их дух, для чего пленных намеренно казнили с особой жестокостью.

На следующий год войско императора встретилось для решающей битвы с основными силами мятежных полководцев при Абидосе, на крайнем западе Малой Азии. По преданию, Варда

---

[66] Примечания: 66

По долгосрочному договору численность русского отряда в византийском войске неизменно должна была составлять шесть тысяч воинов, то есть на смену выбывшим из Руси прибывали новые. В 999 г. русский отряд штурмует в Сирии город Химс; в 1000 г. около Эрзерума громит грузинское войско; в 1019 г. в Италии при Каннах отражает атаки норманнов; далее воюет под Багдадом, в Грузии, на Сицилии; в 30-х гг. XI в. в состав руссов вливается отряд рыцаря Гаральда Гардрада. *(Примеч. пер.)*

Фока опять предложил поединок, но теперь уже самому императору. Не желая потакать прихоти зарвавшегося военачальника, завидев пришпорившего коня Фоку, Василий II приказал лучникам открыть огонь. То ли от стрелы, то ли от разрыва сердца бездыханный всадник вылетел из седла. Варда Склир еще некоторое время не складывал оружие, но годы брали свое — он обрюзг, его донимал артрит, стало подводить зрение. В конце концов он сдался, был помилован и даже получил некий высокий пост[67].

Наконец-то в тридцать четыре года, имея титул императора уже в течение двадцати шести лет, Василий II стал полноправным императором. Больше никто и никогда не оспаривал его единоличное правление.

Император энергично принялся за земельную реформу и на этот раз сумел сократить огромные землевладения крупнейших феодалов, распре-

---

[67] Примечания: 67

Автор представляет упрощенный вариант изложения событий, не сообщая, например, что оба Фоки в разное время «обули красные сапоги», то есть венчались на царство; Склир был ослеплен Вардой Фокой и пленный препровожден в Константинополь; прощен и формально обласкан Василием не Склир, а Евстафий Малеин из Армении, в доме которого на Фоку надели царские сапоги; сам Варда не пал на поле брани, а был найден в стороне без ран и, возможно, сам принял яд. Подробнее см.: *Прошин Г.Г.* Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1990; *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. М., 1996. *(Примеч. пер.)*

делив наделы среди крестьян. Росчерком пера Василий, с одной стороны, ослаблял земельную аристократию, лишая ее доходов для поддержки армии, а с другой — создавал класс мелких собственников, который в благодарность будет верен короне.

Тем временем на границе оставался с дружиной киевский князь Владимир — он уже не один год ждал обещанную ему порфирородную принцессу Анну. Однако Василий был все менее расположен отсылать свою сестру ко двору варвара, и Владимиру пришлось «помочь» соседу взглянуть на вопрос несколько в ином свете. Сначала он перекрыл подачу в Херсонес (византийский аванпост в Крыму) питьевой воды, а потом вообще на время захватил город.

После взятия Херсонеса Василий II все-таки отправил невесту жениху при условии, что тот примет христианство[68].

В 989 году вслед за своей бабкой Ольгой Владимир стал первым русским князем-христиани-

---

[68] Примечания: 68

Весной 989 г. Владимир направился в Крым и к июлю взял Херсонес (Корсунь). По истории осады, описанной в «Повести временных лет», князь получил совет жителя Корсуни Анастасия раскопать и перерезать трубы, снабжавшие город из находившихся за его пределами источников. Невесту отправили в поверженный город, где и состоялась свадьба. В качестве veno — подарка жениха — Владимир вернул город императору. *(Примеч. пер.)*

ном. В истории Русской православной церкви он известен как святой Владимир, а в мирской — Великий князь Владимир[69].

Теперь самое время было вновь заняться проблемами севера и продолжить длительную дуэль с болгарами. Во времена правления Иоанна I, когда вся Восточная Болгария была аннексирована Византией, казалось, что с самостоятельностью царства покончено и у империи больше нет причин для беспокойства. Однако в 976 году Самуил, сын наместника одной из западных провинций Болгарии, не захваченных греками, объявил себя правителем всей Болгарской земли.

Способный и сильный и руководитель, Самуил не имел шансов возглавить борьбу за возрождение Болгарии, если бы не гражданская война в Византии между императором и военачальниками. Воспользовавшись случаем, Самуил сумел захватить всю Восточную Болгарию и вторгся в

---

[69] Примечания: 69

Это событие стало величайшей религиозной победой Константинополя. И хотя империя в конце концов прекратит существование, восточная христианская церковь свое влияние сохранит — русские купцы, землепашцы и воины принесут веру далеко на Восток, почти на десять тысяч километров, на берега Тихого океана, а на некоторое время и на побережье Северной Америки. Тот факт, что Россия приняла христианство православной, а не западной традиции, определит и всю ее последующую историю. В определенной степени именно этот выбор изолирует ее от общего хода развития Запада, что, по сути, характерно и для сегодняшнего дня. *(Примеч. авт.)*

пределы Греции. Василий II попытался было в 981 году остановить его, но потерпел поражение, чему в немалой степени поспособствовали феодалы, обеспокоенные земельной политикой, а потому не оказывавшие ему должной поддержки. Униженный и оскорбленный, Василий II отступил, полный решимости отомстить.

В начале 90-х годов Болгария представляла собой столь же крупную и мощную державу, что и во времена, предшествовавшие приходу к власти Иоанна Цимисхия. Самуил основал новую практически неприступную столицу, город Охрид, в горах неподалеку от нынешней границы Югославии и Албании, а его войска регулярно совершали набеги на Грецию. Но некоторое время спустя Василий II одолел мятежников полководцев, провел земельную реформу и приступил к реорганизации армии, чтобы достичь цели всей своей жизни — раз и навсегда покончить с болгарской угрозой.

К 996 году, когда болгары в очередной раз вторглись в Грецию, византийских сил оказалось достаточно, чтобы нанести им существенное поражение. С тяжелыми потерями болгары отступили, и в наступление устремилась уже армия Византии. К 1000 году была освобождена вся

территория Греции, и солдаты получили приказ идти через перевалы в Болгарию. Возглавляемые своим неутомимым императором, византийцы брали один укрепленный пункт за другим, действуя где силой, где подкупом.

Болгары откатывались все дальше и дальше. Когда же Самуил, задумав взять реванш, совершил бросок на юг, чтобы выйти войскам империи в тыл, то сам оказался отрезан от основных сил и потерпел поражение. В 1005 году Василий II вышел на побережье Адриатики в районе города Диррахий (современный порт Дуррес в Албании).

Долгое время болгары уклонялись от открытого боя с хорошо выученной армией наводившего ужас императора, но искушение сразиться время от времени брало верх. В 1014 году Самуилу представился случай, от которого он не смог отказаться — в долине реки Стримон (около ста пятидесяти километров к северу от города Фессалоники) болгары решили, что превосходство на их стороне, и дали бой. Поначалу казалось, что силы равны, но византийцам удалось обойти противника с фланга и выйти в тыл. Ряды болгарского войска смешались и обратились в бегство. Самуил едва унес с поля боя ноги, а Василий II

взял в плен пятнадцать тысяч болгар.

Далее последовало то, что именуют зверствами войны. Решив закончить почти сорокалетнюю войну, император стремился окончательно сломить волю болгар к сопротивлению. Все пленники, за исключением ста пятидесяти человек, были ослеплены. Этих сто пятьдесят «счастливчиков» лишили зрения только на один глаз. Беспомощных болгар разбили на сотни, во главе каждой поставили по поводырю с одним глазом, чтобы мог вести остальных несчастных в столицу.

Вернувшись в Охрид, Самуил получил известие, что армия возвращается к своему царю. Озадаченный таким сообщением, он ломал голову, как солдаты спаслись, а если попали в плен, с какой целью отпущены на свободу? Желая как можно скорее выяснить обстоятельства дела, царь поспешил навстречу войску и увидел вереницу беспомощных слепцов. Перенести такой удар Самуил не смог: царя на месте разбил паралич и спустя два дня он скончался.

Кое-где население все еще пыталось выказывать захватчикам демонстративное неповиновение, но жестокая политика Василия II одержала верх — дух и воля давних соперников были

сломлены. Теперь было достаточно и слуха, что приближается войско жестокого императора, чтобы люди в страхе разбегались. В 1016 году пала столица Самуила город Охрид, а к 1018 году императорская армия заняла всю территорию Болгарии.

Жестокий и беспощадный на войне, Василий II умел проявлять необычайную мягкость во времена мира. Стоило болгарам признать власть императора, как им было позволено жить в мире и спокойствии, сохранить самостоятельность церкви и довольно широкое самоуправление. Болгарская знать переехала в Константинополь, где пользовалась всеми правами местного населения и могла вступать в браки с византийцами. Добившись своего, император с триумфом проехал по Греции, посетил древние Афины, а в Константинополь вошел под приветственные возгласы: «Да здравствует Василий Болгаробойца!»

В истории Византии Болгарская кампания стала самой победоносной за четыреста пятьдесят лет после возвращения империи итальянских провинций Велизарием. Правда, кроме обретения некогда утраченных земель Василий II добился гораздо большего: Болгария окончательно по-

теряла независимость и была колонизирована византийцами; ее население интегрировалось в общество греков, а солдаты шли на службу в армию империи, что серьезно сокращало зависимость Василия II от рекрутов из Малой Азии — оплота нелояльных феодалов.

Карта 9. Византийская империя в 1020 г. при Василии II

По большому счету, успех сопутствовал Василию II во всем. Его полководцы завоевали Малую Азию, проникнув далеко на территорию Армении, а также Южную Италию. В 1025 году он начал разрабатывать план военно-морской

экспедиции на Сицилию, рассчитывая вернуть империи остров, а затем расширить владения на континентальной Италии. Но время неумолимо. 15 декабря 1025 года семидесятилетний Василий II скончался. Титул императора принадлежал ему шестьдесят два года; от своего имени он правил сорок девять лет. За полвека он ни разу не уклонился от сражения и вообще редко проигрывал.

Наследников Василий II не оставил, и считавшийся все это время соправителем брата Константин VIII возглавлял империю до 1028 года, вплоть до своей кончины. Восседая на троне в императорской мантии шестьдесят пять лет, он так и не стал истинным правителем страны.

Имперские вершины

Василий II оставил после себя страну, какой она не была вот уже почти триста лет, и будет оставаться такой еще полвека. Империя простиралась на Балканах до Дуная, а в Малой Азии почти до Каспийского моря. Ей принадлежали Крит, Кипр, Южная Италия, и в Восточном Средиземноморье Византии не было равных.

Конечно, по размерам территории Византия не могла соперничать со временами Юстиниана и Ираклия, но ведь земля — это еще не все. Закончив свои грандиозные завоевания, Юстиниан получил пустую казну и измученный народ, значительная часть которого не отождествляла себя с населением Византии. Еще в большей степени сказанное относится ко времени правления

Ираклия после победы над персами. Несмотря на гигантские размеры, в стране отсутствовала система эффективного управления провинциями, и легкого удара арабов оказалось достаточно, чтобы вызвать катастрофу. Василий II же оставил после себя полную казну и единый народ, готовый следовать за своим императором.

Во времена Юстиниана и Ираклия империя персов воевала с Византией на равных. И даже после серьезных побед Ираклий мог лишь отбивать атаки Персии, возвращая противника за линию прежде захваченной территории. То есть результатом войн становилась ничья, причем завоеванная немалой кровью.

А Василий II не только поверг Болгарию, главного врага византийцев, но и уничтожил ее, полностью поглотив как страну и нацию, — она стала неотъемлемой частью империи. По периметру границ не осталось ни одного противника, который был способен бросить вызов Византии. Разнообразные северные племена, в числе которых венгры, русские, печенеги, могли наносить лишь раздражающие удары, но не угрожать всерьез. Могущественный исламский мир (могущественный лишь в период единства) раскололся на соперничающие государства, которые в то

время представляли гораздо большую опасность друг для друга, чем для любой христианской территории.

Европейские же королевства (Франция, Германия и Англия), столь важные для истории Запада, находились вне зоны интересов Византийской империи: далекие и слабые, потому что их бароны вели бесконечные войны между собой, «варварские» (на взгляд византийцев), как венгры и русские. В 1025 году Византия не имела себе равных и находилась на пике могущества.

Достигло небывалых высот и художественное творчество государства — не зря X век считается началом двухсотлетнего золотого века. Церкви этого периода поражают великолепием и изысканностью архитектуры, величием и монументальностью мозаик. Италия и Россия, два полюса христианства, с восхищением копировали у себя византийский стиль; сказался он и на искусстве исламского мира.

После «темного века», который опустился на Византию вслед за бедствиями и несчастьями, сопровождавшими вторжения персов и арабов, империя переживала расцвет науки и образования. Университет Константинополя получил второе рождение и стал бурно развиваться. В этой

связи особого внимания заслуживает личность Льва Диакона, одного из самых знаменитых историков эпохи. Лично участвуя в большинстве военных кампаний (от возвращения Крита до великой Болгарской войны), он написал «Историю» в десяти книгах, которая охватывала царствование Романа, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, то есть период с 959 по 975 год[70].

Необходимо упомянуть еще об одном литературном памятнике времен правления Василия II. В середине X века анонимный автор (возможно, несколько авторов) сочинил поэму о богатыре Дигенисе Акрите «Двоерожденный страж границ». Героический эпос повествует о герое, сыне арабского эмира (крещеного мусульманина) и гречанки, его жизни на восточной границе империи, его возлюбленной и его врагах. Удивительно, насколько поэма созвучна рыцарским романам, которые вскоре появятся и на Западе, здесь та же атмосфера благородства и отваги, романтики и жестокости, добродетели и порока, что сопутствуют эпохе феодализма и становления военного

[70] Примечания: 70
См.: *Лев Диакон.* История. М., 1988. *(Примеч. пер.)*

сословия[71].

На фоне необычайного подъема художественного творчества, развития искусств и наук отметим и уникальность процветания Константинополя — никогда деловая активность и торговля не были и уже не будут столь оживленными. Реки золота текли в правительственные сундуки от сдачи в аренду лавок, продажи монопольных прав и привилегий в торговле, налогов и пошлин.

Но не все было столь радужно, как может показаться на первый взгляд. За долгую жизнь Василий II основательно прижал крупных землевладельцев, сумев указать им свое место. А они, между прочим, никуда не делись и по-прежнему жили в империи. За несколько десятилетий после смерти императора феодалы набрали утраченный вес, и через полвека Византии опять будет суждено стать ареной борьбы между крупными феодалами и столичными чиновниками, не привыкшими к церемониям землевладельцами из Малой Азии и велеречивыми гражданскими бюрократами крупных городов. А семена, посеянные враждой, дадут губительные всходы.

---

[71] Примечания: 71

См.: *Сыркин А.Я.* Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964; *Культура* Византии. М., 1989. *(Примеч. пер.)*

Не менее деструктивную силу как для экономики страны, так и для развития духовной жизни составляло монашество, что два века назад побороло императоров-иконоборцев. Представители этой группировки заметно укрепили свои позиции при Никифоре II, который особое расположение выказывал Афанасию из Трапезунда (современный Трабзон). В 963 году Афанасий основал первый монастырь на горе Афон, а Иоанн I продолжил оказывать всяческую поддержку деяниям Афанасия. Афонские монастыри до сих пор остаются наиболее важными в иерархии православного христианства. Примечательно одно несоответствие — монастырь устроен в честь Святой Девы Марии, но за девять столетий на гору не было разрешено подняться ни одной женщине.

Несомненно, Василий II понимал, какой негативный эффект оказывает распространение монашества на процветание империи (увод из оборота значительных средств, уход из мира потенциальных воинов), но ничего не мог поделать. Когда войска Варды Фоки и Варды Склира подошли к стенам Константинополя, императору пришлось обещать монахам особые привилегии, чтобы заручиться их поддержкой. Император и

так уже боролся с зарвавшимися феодалами и не мог позволить себе наживать врагов среди духовенства. Всем императорам после Василия II приходилось мириться с этой социальной религиозной группой, и монашество душило империю вплоть до ее последнего дня.

С другой стороны, одной из главных причин будущих бед оказалось само триумфальное императорство Василия II. В некоторой степени это касается отношений империи и Венеции. Город имел с Византией очень давние связи и многие годы после того, как остальная Италия отошла от империи, входил в ее состав. Теперь же Венеция получила формальное признание своей независимости и превратилась в самостоятельную республику, продолжая сохранять традиционные связи.

Венецианские купцы, люди с исключительной коммерческой жилкой, действительно являлись самыми ушлыми торговцами в акватории Средиземного моря. Они жаждали получить у Константинополя право вести от имени столицы торговые операции и с готовностью платили огромные суммы за предоставление привилегий. Василий II видел в этом определенную выгоду и благосклонно принимал выплаты, полагая, что

опыт венецианцев способствует оздоровлению торговли. К тому же купцы без отказа предоставляли в распоряжение империи свой флот. И в 992 году латиняне впервые получили в Константинополе полуофициальный статус.

Но, как известно, в любой сделке, кроме положительной стороны, обязательно есть и нечто отрицательное. Даже имея в Константинополе целые кварталы, венецианцы оставались здесь иностранцами — по языку, культуре, религии. К византийцам они относились с пренебрежением, а в бизнесе радели лишь за себя. И хотя Константинополь тоже получал определенный доход, было ясно, что огромные деньги, минуя казну, оседают в Венеции. Само собой, любовью местное население за это не платило.

Для своей слободы купцы выпросили статус экстерриториальности, то есть подчинялись законам исключительно собственной страны, вели себя независимо и освобождались от налогов Византии. Так родилось государство в государстве. Рассматривая ситуацию с высот более позднего времени, мы понимаем, что Василий II, сам того не подозревая, начал процесс, в результате которого огромная и могучая Византийская империя превратилась в колонию торгового городишки к

западу от Константинополя.

Мужья императрицы

Константин VIII не оставил после себя сыновей, но имел трех дочерей, которых оберегал от венца, опасаясь завистливых зятьев. На момент кончины императора дочери давно перешли порог детородного возраста. Старшая, Евдокия, в детстве болевшая оспой, едва став подростком, поспешила уйти в монастырь. Полумонашескую жизнь вела и средняя сестра, Феодора, поэтому последней надеждой династии оставалась младшая, Зоя[72].

Лучшим выходом в такой ситуации было бы дать начало новой династии, возведя на трон молодого, образованного, энергичного чиновника. Однако устоявшиеся принципы престолонасле-

[72] Примечания: 72

По другим источникам, младшей была Феодора, а Зоя — средней сестрой. *(Примеч. пер.)*

дия истинным правителем признавали лишь потомка Василия I.

Умирающий Константин понимал, что единственная возможность возвести на трон императора — выдать замуж младшую дочь. Выбор пал на градоначальника Константинополя Романа Аргира[73]. Счастливый в браке, Роман не горел желанием принять корону, а вместе с ней и «роскошь» нищего императора. Но ему доходчиво объяснили, что выбор у него не богат: идти под венец или лишиться жизни. Эпарх тут же развелся с женой и оформил брак с Зоей. Через три дня Константин VIII скончался, и Роман стал новым императором.

Попытки соответствовать новому статусу не привели ни к чему хорошему. Заискивая и перед землевладельцами, и перед монастырской верхушкой, Роман получил результат обратный ожиданиям. Крупные феодалы вышли из-под жесткого контроля, установленного Василием, и затеяли нескончаемую череду интриг против трона (на целых два поколения, пока власть находилась в руках чиновной бюрократии).

---

[73] Примечания: 73

Градоначальник — эпарх, осуществлял судебнополицейские функции и контролировал деятельность торгово-ремесленных корпораций. *(Примеч. пер.)*

Церковь же воспользовалась несамостоятельностью императорского двора и занялась своим любимым делом — преследованием еретиков. В восточных провинциях Малой Азии, вновь оказавшихся в составе Византии при Василии II, проживало немало монофизитов, чьи предки столетия назад были вынуждены покинуть пределы империи и искать спасения в землях веротерпимых правителей-мусульман. Теперь гонения православного монашества вспыхнули с новой силой. Кто-то опять бежал в другие страны, кто-то оставался, готовясь в любой момент встать под знамена наступавших мусульман.

Дело приняло бы совсем дурной оборот, не окажись в византийской армии хотя бы одного толкового полководца, как Георгий Маниак. Он обеспечивал защиту восточной границы и продолжал успешную экспансию империи в Сирии. В этот период отмечены успехи Византии и на море. Корабли варяжской гвардии под началом гиганта рыцаря-викинга Гарольда Гардрады неоднократно побеждали флот мусульман[74].

Между тем муж скоро наскучил императрице.

---

[74] Примечания: 74

О полной приключений жизни Гарольда, окончившейся в Англии, можно узнать из моей книги «Становление Англии». 1969). *(Примеч. авт.)*

От природы хороша собой, Зоя внешность сделала культом всей своей жизни, сохранив девичью кокетливость и в преклонные годы[75]. Так и не сумев сделать жену беременной, император тоже утратил к ней всякий интерес. Стоит заметить, что на момент бракосочетания Роману III исполнилось шестьдесят лет, а Зое было далеко за пятьдесят.

Император изо всех сил старался взять под контроль безумные траты супруги, потому что казна, с таким трудом наполнявшаяся экономным Василием II, при слабом, лишенном финансовой дисциплины правлении Константина VIII пошла по ветру.

Зоя же, осознавая свое истинное, по праву родства, положение императрицы и двусмысленное — Романа, оказавшегося во дворце лишь благодаря формальному браку с ней, начала все пристальнее смотреть на сторону. Это не ускользнуло от взора ушлого придворного, евнуха Иоанна Орфанотрофа. Не имея сам по понятным причинам права занять императорский трон, он

---

[75] Примечания: 75

Описывая императрицу, историк Михаил Пселл говорит: «Достигнув семидесяти лет, она сохранила лицо без единой морщины и цвела юной красотой» (*Михаил Пселл.* Хронография / Пер., ст. и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978). *(Примеч. пер.)*

ввел во дворец своего молодого брата, красавца Михаила.

Императрица увлеклась, и вскоре Михаил Пафлагон (прозванный так по месту рождения — Пафлагонии, области на побережье Черного моря от Амастриды до Синопа) стал ее фаворитом. В 1034 году, через шесть лет императорства, Романа III обнаружили утонувшим в собственной ванне. При дворе мало кто сомневался в том, что таким образом Зоя и Михаил решили избавиться от неудобного мужа-императора. Хотя, возможно, это был и несчастный случай.

Михаил тут же стал вторым мужем Зои и, соответственно, императором Михаилом IV. Несмотря на эпилептические припадки, он оправдал надежды и стал сильным императором. Помогала и родня: брат Иоанн, ставший надежной опорой трона, крепко держал в руках внутреннюю политику Византии, другие не менее способные братья так же получили должности в правительстве и по мере сил вносили свою лепту в управление страной.

Император подавил мятеж болгар и, лишив местную церковь дарованной Василием II самостоятельности, поставил ее под контроль патриарха Константинополя. На западе Георгий

Маниак и Гарольд Гардрада, действуя совместно на суше и на море, высадились на Сицилии, воплощая военные замыслы Василия II в жизнь. Одержав ряд побед, они в 1040 году захватили Сиракузы. Правда, завистники в правительстве тут же отозвали Маниака в пределы Византии (точь-в-точь как во времена Юстиниана и Велизария), и завоевания на Сицилии вскоре были утрачены.

В 1041 году Михаил IV скончался, скорее всего, от естественных причин. Евнух Иоанн решил не выпускать из рук верховную власть, вот уже семь лет принадлежавшую его семье. В спешном порядке в Константинополь был доставлен его юный племянник, тоже Михаил. По совету Иоанна Зоя, которой было уже за шестьдесят, усыновила Михаила, ставшего императором Михаилом V.

Новый правитель Византии тут же совершил губительную для себя ошибку. Вознамерившись править самостоятельно, племянник сначала отправил в ссылку дядю (лишив двор интеллектуальной подпитки), а затем поместил в монастырь Зою. Будь в этот момент Иоанн при дворе, он, конечно, предотвратил бы столь необдуманный поступок. Горожане не слишком горевали по поводу опалы Иоанна — фавориты императора

обычно не в чести у толпы. Другое дело — Зоя, законная императрица, дочь Константина VIII, племянница великого Василия II Болгаробойцы!

Народ восстал, требуя возвращения во дворец своей правительницы. Михаил V испугался, вернул Зою в Константинополь и показал ее горожанам в монашеском облачении. Но чернь было уже не успокоить. 19 апреля 1042 года толпа ворвалась во дворец, выволокла императора, прихватив заодно и одного из его дядей. На ипподроме его подвергли осмеянию, пыткам, наконец, лишили глаз и заточили в монастырь. Дальнейшая судьба свергнутого императора неизвестна.

Именно в это смутное время сестра императрицы, Феодора, в спокойствии коротавшая дни за монастырскими стенами, силой была возвращена в мир и посажена на трон соправительницей Зои. Без мужчины опять было не обойтись. Когда Феодора наотрез отказалась вступать в брак, это пришлось сделать Зое в третий раз. Теперь ее избранником сделали Константина Мономаха (от греческого «одноглазый»), ставшего Константином IX. Новому императору уже перевалило за шестьдесят лет. Большую часть времени он уделял наукам и искусству, тратил огромные суммы на предметы роскоши и совершенно не занимал-

ся делами армии. Чрезмерная расточительность Константина IX привела к одному знаковому событию. Курс золотого византина, невзирая на все несчастья и катастрофы, сотрясавшие империю, семь столетий сохранялся неизменным. Но, устояв в тяжелые времена военных поражений, валюта Византии пала под натиском безрассудной расточительности. Впервые золотое содержание монеты было уменьшено, подорвав в результате доверие и к самой империи. Так зашаталась экономическая основа процветания страны.

Усилилось недовольство и в армии — внимания к ее нуждам не наблюдалось, а новые задачи множились. На востоке постоянно угрожали мусульмане, на севере — племена кочевников. Вскоре добавилась и новая опасность на западных рубежах. В Северной Франции обосновались викинги, люди с севера. Область именовали Нормандией, а ее жителей — норманнами. Подобно своим предкам они активно интересовались побережьем Европы.

Возвращаясь из паломничества в Святую землю, кое-кто из пилигримов задерживался в Италии, отмечая, что здешние земли пора «потрясти». Они быстро сколачивали состояния,

обзаводились собственными поместьями, а после появления такого способного руководителя, как Роберт Гвискар[76], настолько собрались с силами, что стали представлять опасность и для Византии.

Какое-то время их сдерживало присутствие войск Георгия Маниака. В 1042 году, пока Константин IX был погружен в планы архитектурного переустройства столицы, ему даже удалось нанести им серьезное поражение.

Победа, естественно, не осталась не замеченной придворной кликой. Зависть, подозрительность и ненависть сделали свое дело — специальный посланник императора отправился в Италию, чтобы отозвать полководца. Объявление об отставке и разжаловании было выдержано в оскорбительных выражениях. В отличие от Велизария Маниак не стал молча сносить унижение. По его сигналу солдаты расправились с эмиссаром и подняли знамя мятежа. Маниак отправился в Грецию, высадился вблизи Диррахия, где вокруг его отряда с воодушевлением собирались новые люди. Так начинался поход полководца на Кон-

[76] Примечания: 76

Роберт Гвискар (ок. 1015–1085) — герцог Апулийский, один из предводителей норманнов, овладевший к 1072 г. Южной Италией и Сицилией. *(Примеч. пер.)*

стантинополь.

Всем казалось, что мятеж обречен на успех, что вот-вот на трон взойдет новая, жизнеспособная династия и империя продолжит свое поступательное развитие. Но судьбе оказалось угодно, чтобы случайная стрела оборвала жизнь предводителя. Эта смерть дорого обойдется империи. Без такого лидера, как Маниак, реорганизация государственного устройства была невозможна и страна осталась в слабых руках старой, недееспособной придворной группировки.

Без армии Георгия Маниака шансы норманнов на развитие своего продвижения в Италии заметно выросли, и византийцам пришлось искать союза с папством для совместного отпора пришельцам. Следует заметить, что в Риме тоже опасались нашествия грубых норманнов, хотя эти норманны, по крайней мере, уже принадлежали к западной церкви и признавали верховенство папской власти. Области Италии, находившиеся под управлением Византии, были согласны с духовным лидерством патриарха Константинополя, но, оказавшись под норманнами, приняли покровительство римского папы. Подобный переход Римом не просто приветствовался, но и всячески поощрялся.

Патриарх Константинопольский, на тот момент Михаил Кируларий, человек горячий и исключительно честолюбивый, был вне себя от гнева. В 1040 году, еще мирянином, он принял участие в заговоре против Михаила IV и был насильно пострижен в монахи. Однако и в ссылке его целеустремленности и энергии не поубавилось. Достигнув определенных высот на церковном поприще, он не бросал политику. При Константине IX, занятом исключительно собственными мыслями и мало вникавшим в дела духовные, Михаил стал патриархом.

Вражда двух ветвей христианской церкви, причиной которой был спор о том, кто главнее — римский папа или патриарх Константинополя, — при новом патриархе оставалась такой же, как и все предыдущие семьсот лет. Тем не менее до открытого раскола, насколько серьезными ни были споры, пока не доходило и обе церкви предпочитали считать христианство формально единым.

Но на этот раз в вопросе подведомственности паствы в Южной Италии Кируларий решил проявить жесткость и на переговорах в довольно резкой форме отказался идти на компромисс. А в 1052 году, подтверждая непримиримость пози-

ции, неожиданно приказал закрыть все церкви в империи, где богослужение велось по римско-католическому чину.

Так, наконец, вынужденно встал вопрос об открытом расколе христианства. В 1054 году римские иерархи прибыли в Константинополь, чтобы объявить патриарху решение папы Льва IX об отлучении его от церкви. Кируларий, естественно, отказался согласиться с подобным мнением, и вопрос о примирении отпал сам собой. Рим и Константинополь отвернулись друг от друга окончательно и бесповоротно, не решив проблему единства христианской церкви до сих пор.

Но патриарх, надо заметить, ничего не потерял. Его резкий демарш поддержал фанатично настроенный и недалекий плебс. Чернь ненавидела западных христиан не меньше мусульман (чему немало способствовал их опыт общения с венецианцами в Константинополе). Схизма сделала Михаила Кирулария самым могущественным человеком в империи.

Однако правление Македонской династии неумолимо клонилось к закату. В 1050 году умерла императрица Зоя. Ее последний муж, Константин IX, оставался на троне один, пока не

скончался в 1054 году. Последней представительницей династии стала Феодора, сестра Зои, но и она умерла в 1055 году в возрасте семидесяти лет. Пятнадцать монархов-македонян, мужчин и женщин, связанных узами кровного родства (восемь из них — потомки Василия I) или брака, в общей сложности находились у власти сто восемьдесят восемь лет[77].

Тем не менее даже в не самый благоприятный полувековой период правления наследников Василия II цивилизационная составляющая Византии была на подъеме. Это было время Михаила Константина Пселла[78], величайшего византийского ученого. Выходец из довольно обеспеченной семьи, он родился в 1018 году — в конце правления Василия II. Рано проявив

---

[77] Примечания: 77

Средний возраст византийцев в этот период времени был весьма невелик: половина населения империи не доживала до тридцати пяти лет. Как показывают демографические исследования, дольше всех жили императоры, интеллектуалы и отшельники. Средний возраст представителей Македонской династии достигал пятидесяти девяти лет, Комнинов (если не принимать в расчет Алексея II, умершего в возрасте четырнадцати лет) — шестьдесят одного года, в то время как, например, у их современников — представителей Саксонской династии в Германии — лишь сорока с половиной лет. В эпоху Комнинов ученые в среднем жили до семьдесят одного года, а некоторые отшельники, судя по сохранившимся свидетельствам, доживали до восьмидесяти, а порой и до девяноста лет. *(Примеч. пер.)*

[78] Примечания: 78

Михаил Пселл (до пострижения в монахи — Константин) (1018 — ок.

1078 или 1096) — византийский писатель, философ, ученый-энциклопедист и государственный деятель. Был секретарем императора, руководителем философской школы, воспитателем наследника престола (Михаила VII). С 1054 г. — монах. Приближенный восьми монархов, последовательно занимавших византийский престол. Оставил огромное литературное наследие — трактаты по философии, риторике, логике, истории, естествознанию, грамматике, музыке, медицине и др. Политические мемуары «Хронография» (охватывает события 976–1078 гг.) отличают рационалистический взгляд на исторический процесс, проницательность в понимании эгоистических интересов лиц и группировок. *(Примеч. пер.)*

способности к обучению, он получил хорошее образование. При Константине IX Пселл поступил на государственную службу и сделал завидную карьеру при дворе. О нем часто говорят как о беспринципном и ловком царедворце, но иначе сохранить высокое положение приближенного к императору было невозможно.

Другое дело исключительный талант ученого, здесь его авторитет неоспорим. Он руководил философской школой получившего второе рождение университета, где возродил практику изучения языческой философии, в особенности Платона. Его литературное наследие огромно: от ценнейшего исторического описания своего времени, трудов по теологии и демонологии до огромного количества речей, поэм и писем. Без сомнения, это был человек Возрождения, Ренессанса. И когда вновь открытые для всего человечества и введенные в оборот знания античности попали на Запад, в Италии и наступил период Возрождения.

Появление турок

С момента смерти Василия II империей уже управляли не представители военно-феодальной партии, а гражданские чиновники. Перед самой кончиной Феодоры они сделали попытку продлить свое пребывание у власти, добившись назначения императрицей своим преемником одного из них. Предполагалось, что принцип престолонаследия утвердился настолько прочно, что указующего перста пожилой правительницы будет достаточно.

Вроде бы все так и вышло. По представлению патриарха Михаила Кируларий Феодора выбрала Михаила Стратиотика, человека пожилого и слабохарактерного. Патриарх был уверен, что новый император Михаил VI станет послушным инстру-

ментом в его жестких и умелых руках. Власть Кирулария, руководившего от имени монарха, стала огромной — ряса священнослужителя нисколько не ограничивала его вполне мирских амбиций. Он даже стал носить красные сапоги, символ императорской власти, а однажды, когда Михаил VI якобы решил высказать свое мнение, резко одернул императора: «Я тебя, недоумок, возвысил, я и задвину!»

Правда, сделать это довелось не патриарху. Смерть Маниака лишь отсрочила свержение гражданского правительства. Делом времени становилось выдвижение из военной среды очередного полководца, способного возглавить новый дворцовый переворот. На восточной границе служил Исаак Комнин, пользовавшийся особым расположением Василия II, сын известного при дворе чиновника. В смутное после смерти патрона время Исаак добился заметных успехов на поле брани и в армии пользовался уважением. Как только, по мнению военных в Малой Азии, настал момент для смены правительства, выбор пал именно на него.

Единственного краткого сражения Исаака с гвардией варягов оказалось достаточно, чтобы Михаил VI сдался. Его сместили и постригли в

монахи. В 1057 году Исаак I Комнин стал императором Византии и немедленно приступил к масштабной военной реформе и реорганизации финансовой сферы. Как известно, когда стране не легко, принято обращать взор на богатства церкви. Обычно это учреждение без борьбы не сдается, и Исааку пришлось вступить в прямой конфликт с патриархом.

Император не стушевался и, понимая, что обоим в столице им не ужиться, отправил Михаила Кирулария в ссылку. Он наверняка провел бы следствие с пристрастием по обвинению патриарха в государственной измене и даже лишил его зрения, но неистовый архипастырь не дал ему такой возможности и умер до начала процесса. В лице монахов и паствы император тут же получил опасных противников. Не отставала и группировка чиновников, неустанно сплетая нити заговора.

Между тем императору было уже далеко за пятьдесят, да и особым здоровьем он похвастать не мог, так что неудивительно, что через два года он сдался. После трудной, но весьма успешной военной кампании против печенегов его свалил, как казалось, смертельный недуг, и Исаак I принял решение отречься от престола.

В 1059 году он передал корону своему казначею, Константину X из рода Дук. Миролюбивый император и ранее сторонник гражданской партии, вполне справедливо опасаясь ответных действий армейской верхушки, до неприличия урезал военные расходы. Мера вполне уместная в период спокойствия и благоденствия оказалась ошибкой в годину тяжких испытаний — империя содрогалась под ударами многочисленных врагов.

Владения Византии в Южной Италии одно за другим переходили к норманнам, наступавшим под началом Роберта Гвискара. На севере, пройдя через русские степи, появилось новое племя кочевников-азиатов, куманов (половцев). Как и их предшественники, они стали беспокоить европейские провинции империи, и для отпора требовалось привлечение дополнительных сил.

Однако самый опасный противник пришел с востока. Территории, населенные арабами, заполонили различные тюркские племена, принявшие ислам (той же группы, что гунны и половцы, наводившие ужас на Запад). В то время как Византия при правлении уже преклонного возраста племянниц Василия II приходила в упадок, тюркские племена, наоборот, только набирали силу. Одного из первых предводителей

кочевников звали Сельджуком, а потому название «турки-сельджуки» стало общим для всех племен пришельцев[79].

В 1063 году во главе турок-сельджуков встал Алп-Арслан[80] и сразу вторгся в Армению, отвоевав территории, включенные Василием II в состав Византийской империи. Ответных действий со стороны безвольного Константина X не последовало.

После смерти в 1067 году императора Константина X его вдова Евдокия стала регентшей при трех сыновьях, которые впоследствии должны были занять престол. Но время требовало присутствия на троне военачальника *и,* несмотря на сопротивление представителей партии гражданских придворных, она выбрала в мужья Романа

---

[79] Примечания: 79

Сельджуки — ветвь племен тюрок-огузов, названных по имени их предводителя Сельджука (X — начало XI в.), а также одно из названий созданной им в XI в. династии Сельджукидов. В 40-х — начале 80-х гг. XI в. завоевали часть Средней Азии, большую часть Ирана, Азербайджана, Курдистана, Ирак, Армению, Малую Азию, Грузию. Наибольшего могущества достигли при Мелик-шахе (1072–1092). С 40-х гг. государство Сельджукидов стало распадаться на отдельные султанаты. В 1037 г. они заняли Персию, а в 1055 г. (в последний год правления Македонской династии) — Багдад, заявив о себе как о самом сильном государстве исламского мира. *(Примеч. пер.)*

[80] Примечания: 80

Мухаммед ибн Дауд Алп-Арслан (1029/30–1072/73) — султан государства Сельджукидов с 1063 г. Убит во время похода на Бухару. *(Примеч. пер.)*

Диогена, прославившегося в боях с печенегами и половцами. 1 января 1068 года они обвенчались[81].

Перед Романом IV стояла нелегкая задача реорганизации развалившейся армии, обучения и вооруженния новых солдат. Предстояло сосредоточиться на отражении все возраставшей угрозы со стороны турок. Об утраченных позициях в отделенной морем Италии пришлось забыть.

В 1071 году византийцы оставили последний клочок земли империи в Западной Адриатике. С этой утратой пришлось вычеркнуть из памяти времена триумфа Юстиниана и Велизария. Империя, начинавшаяся с крошечного городка в Центральной Италии восемнадцать веков назад, навсегда покинула Апеннины. (На самом юге Италии сохранились несколько деревень, где до сих пор говорят по-гречески.)

Окончательно забыв об Италии, Роман IV начал готовиться к войне с сельджуками. Между тем Алп-Арслан, уже оказавшись на землях Византии, главной целью считал покорение Сирии, нахо-

[81] Примечания: 81

Венчание состоялось втайне от детей; после свадьбы новый император стал обращаться с ней как с пленницей, и, по словам Михаила Пселла, «его хватило бы даже на то, чтобы выгнать ее из дворца». *(Примеч. пер.)*

дившейся под властью султана Египта, а потому заключил с империей перемирие и отправился в поход на юг.

Но Роман IV не собирался соблюдать договоренность. Он во что бы то ни стало решил вернуть свои земли на Востоке и нанести туркам сокрушительный удар. Собрав под своим началом шестидесятитысячную армию, император двинулся к границе. Большую часть армии составляли необученные воины, а некоторые военачальники не отличались преданностью своему главнокомандующему. И все же шестьдесят тысяч хорошо вооруженных всадников тяжелой кавалерии — большая сила.

В августе 1071 года Роман IV отбил город Манцикерт, который несколько лет назад завоевали воины султана. Стало очевидным, что византийцы хотят навязать сельджукам сражение, и Алп-Арслан, отказавшись от продолжения Сирийской кампании, поспешил назад.

Войска турок-сельджуков в основном состояли из легкой кавалерии, которая не могла биться с императорской конницей в открытом бою, но обладала большей скоростью и маневренностью. Стремясь к быстрой победе, Роман IV отправил свои войска в галоп за ускользавшим против-

ником, нарушив главное тактическое правило ведения боя — посылать тяжелую кавалерию вдогонку только в том случае, если неприятель окажется перед водной или иной непреодолимой преградой.

Турки же, сохранив боевые порядки и не вступая в ближний бой, начали осыпать византийские войска смертоносными стрелами. День выдался нестерпимо жаркий, и закованные в броню, еще не закаленные в сражениях воины Романа IV от усталости и жажды стали терять силы. К вечеру, не видя иного выхода, император приказал отходить на ночлег.

В этот момент Андроник Дука, родственник предыдущего императора, сторонник оппозиционной партии и тайный противник Романа IV, сообразив, что победы в бою, скорее всего, не видать, вывел свой отряд из боевого порядка.

Ослабленная византийская армия тут же оказалась в западне. Центр сельджуков начал отступать, заманивая за собой противника. К этому времени Алп-Арслан, по всем правилам военного искусства, укрепил фланги свежими, рвавшимися в бой силами. Византийцы же, думая уже об отдыхе, вдруг поняли, что атакованы со всех сторон. Сломленные духом, преданные

своими же товарищами, воины императора были обречены. Армия Романа IV была уничтожена, а сам он взят в плен.

Подобной катастрофы, когда гибла огромная армия, Византия не знала семьсот пятьдесят лет — со времен императора Константина. Конечно, и раньше византийцы отступали, оставляли земли персам и арабам, но главные вооруженные силы еще не терпели подобного поражения. Сражение при Манцикерте показало, что это возможно. Мощь и процветание, сопутствовавшие империи при династии Македонян, канули в Лету.

Глава 9
Запад устремляется на Восток

Последствия поражения

Поначалу византийцы восприняли поражение при Манцикерте как рядовую неудачу, от которой, как это уже не раз случалось после ударов гуннов, персов, аваров, арабов или болгар, империя обязательно оправится.

А тем временем благополучно здравствовавший Михаил Пселл продолжал свои штудии. Одинаково пленяя красноречием и императоров, и городские низы, он описал в хрониках обстоятельства битвы. Ее исход, по мнению философа, не предвещал ничего фатального — гораздо больше его тревожило то, что в наши дни мы называем коррупцией.

Как говорится, лицом к лицу лица не увидать. Так и Пселл в своем повествовании ни словом не обмолвился об окончательном расколе между восточным и западным христианством 1054 года. Возможно, он принял его за очередное обострение в споре, длившимся уже не одно столетие. В общем, автор и помыслить не мог, что этот разрыв — *окончательный.* Точно так же он отнесся и к военному поражению, считая его ничем не выделявшимся в ряду многих других за послед-

ние века. Он не понял, что *именно по причине столь волновавшей его коррупции* это событие и станет роковым.

Беда заключалась в том, что за последние пять десятилетий основы империи заметно ослабли. Распри земельной аристократии с чиновниками напоминали состязание, в котором стороны из кожи вон лезли, только бы побольше навредить своему государству. Духовенство, целиком поглощенное ссорой с западной церковью, растрачивало имперскую мощь на пустые богословские споры. К тому же как на дрожжах поднимавшаяся активность итальянских городов подрывала контроль Византии в торговле, который по большому счету и обеспечивал процветание экономики страны.

Все вместе это лишало империю жизнеспособности. Поражение при Манцикерте стало поворотным моментом в истории, продемонстрировав всем, что Византия не только не способна покорять другие народы, но не может просто достойно отвечать на их вызовы. Имперский дух был сломлен.

От былой мощи армии, которая в течение четырех веков в одиночку блестяще отражала атаки мусульманских орд и набеги варваров

севера, не осталось и следа. В будущем Византия никогда не будет иметь подобную армию. Теперь империи оставалось надеяться лишь на милость победителя.

Вполне возможно, что и сам Алп-Арслан оказался не способен до конца оценить важность собственной победы. Должно быть, он искренне считал, что столь великая империя не может быть разбита просто так, потерпев одно, пусть и сокрушительное, поражение. Во всяком случае, жестокому обращению и унижениям плененный император не подвергался. Он находился в почетном заточении, а по заключении мирного договора был освобожден. В обмен Византия заплатила огромный выкуп, обязалась платить ежегодную дань и освободить всех пленников-мусульман.

Каким бы унизительным ни казался договор, за счет него потери Византии не выглядели столь катастрофическими, а главное — выигрывалось время, чтобы перевести дух и собраться с силами. Между тем в Константинополе, невзирая на кризис, охвативший страну, все заинтересованные стороны в первую очередь думали о власти. Поражение Романа предоставляло гражданской бюрократии отличную возможность вернуть

императорский трон своему сословию. Возвратившись в столицу, Роман узнал, что его супруга (через которую он и правил) насильно сослана в монастырь. Сам он был схвачен, ослеплен и отправлен в ссылку, где вскоре скончался.

Императором объявили пасынка Романа, сына Константина X. На момент смерти своего отца он был слишком мал, но теперь вполне мог занять трон и именоваться Михаилом VII. Ученый муж Пселл, ловкий царедворец, быстро приспосабливающийся к переменам, отметился панегириком, восхваляя сверх всякой меры достоинства только взошедшего на престол императора, человека, надо сказать, мало пригодного для нового поприща. Он был скорее ученый, нежели воин, а обстоятельства, на беду, требовали, чтобы на троне находился именно полководец.

Тем временем турки, узнав, что император, с которым они заключили договор, низложен собственным народом, сочли себя свободными от прежних обязательств. Они вторглись в пределы Малой Азии, где византийских войск было недостаточно, и, практически не встречая сопротивления, заняли территорию полуострова. Полностью вернуть утраченные земли византийцам так и не удалось. Турецкие владения в

Малой Азии назывались Рам (так по-турецки звучит «Рим», учитывая тот факт, что побежденный монарх до сих пор считал себя «императором ромеев», а страну — Римской империей).

С утратой провинций в Малой Азии Византия лишилась лучших воинов и наиболее способных полководцев. Практически потеряв контроль над побережьем (за греками оставались лишь отдельные ненадежно укрепленные опорные пункты), империя уже не могла поддерживать статус морской державы. Хуже того, медленно, но верно с полуострова вытеснялось православие, а некогда овеянные славой христианские города превращались в оплот ислама[82]. И сегодня Малая Азия — центр современной Турции.

Однако Византийская империя не исчезла с карты мира. Провинции в Европе сохранили суверенитет, а Константинополь — величие и богатство. Императоры еще не одно поколение будут в состоянии поддерживать репутацию влиятельных монархов и великолепие придворных церемоний. Но статус великой державы Византии вернуть уже не удастся. Империя больше не сможет бороться с врагами один на один. Теперь

[82] Примечания: 82

Это было последнее грандиозное поражение христианства от религии-соперницы. *(Примеч. авт.)*

ее правителям, унижаясь, придется просить помощи у тех, кого раньше (а на самом деле и в тот момент) называли варварами, а на смену собственной армии придут наемники.

При Михаиле VII обстановка в Константинополе стала резко ухудшаться. Золотой византин пришлось снова девальвировать. Урожаи зерновых падали, а цены на продукты питания росли. Правительство окончательно лишилось доверия народа.

Неудивительно, что в 1078 году вспыхнуло восстание. Вернее, два и независимо друг от друга: одно на Балканах, другое на все еще удерживаемых империей территориях в Малой Азии. Во главе мятежей стояли два полководца по имени Никифор. Михаил VII за трон не держался и тут же отрекся от престола, за что ему позволили уйти в монастырь. Там он обрел настоящее счастье и открыто сожалел лишь о том, что вынужденно стал вегетарианцем. (После ухода императора куда-то исчез и шестидесятилетний Пселл. Его имя в истории больше не упоминалось, а исторический труд остался незавершенным. Неизвестно, был он казнен, умер своей смертью или тихо ушел на покой.)

Тем временем мятежные полководцы начали

выяснять отношения между собой. При поддержке сельджуков верх взял Никифор из Малой Азии, вошедший в историю как Никифор III. На троне он пробыл совсем недолго, да и то благодаря талантливому военачальнику, лучшему в империи после Василия II.

Звали его Алексей Комнин. Он приходился племянником Исааку I Комнину, за двадцать лет до описываемых событий правившему Византией краткий отрезок времени. Алексей всю свою жизнь был связан с армией и прославился как полководец при императорах Романе IV и Михаиле VII. Теперь он стал надеждой и опорой Никифора III Вотаниата, побеждая для него конкурентов из числа военных.

Мало-помалу Алексей начал понимать, что Никифор не способен руководить правительством так, чтобы завоевать преданность армии и народа, ив 1081 году решил взяться за дело сам.

Он заручился поддержкой своей семьи, а чтобы снискать расположение могущественного феодального рода Дук и придать некую законность своим притязаниям на трон, женился на дочери Михаила VII Ирине. Подготовив таким образом почву, Алексей быстро совершил переворот в Константинополе, в результате которого

Никифор отрекся от престола и вслед за предшественником отправился в монастырь. Род Комнинов принадлежал к числу крупнейших землевладельцев Византии, и воцарение Алексея ознаменовало окончательную победу партии земельной аристократии над гражданскими придворными. Отныне империя будет феодальным государством, власть в котором будут оспаривать только враждующие кланы богатейших собственников земли.

Вторжение норманнов

Впервые за шесть десятилетий после кончины Василия II во главе Византийской империи встал сильный и способный правитель. Однако время было упущено. Государство разваливалось на глазах, и повернуть этот процесс вспять уже не представлялось возможным.

Земли в Малой Азии были утрачены. Войска империи удерживали лишь несколько укреплений на противоположном берегу пролива в непосредственной близости от Константинополя и немного крепостей вдоль побережья. Теперь империи принадлежал только Балканский полуостров к югу от Дуная и два крупных острова — Крит и Кипр. Но и здесь было неспокойно —

северным границам угрожали печенеги, сербы, венгры и половцы.

Хуже того, на западе, через пролив, отделявший Византию от Италии, появились норманны. Греки давно воевали с варварами на севере, с персами и тюркскими племенами на востоке, теперь же опасность возникла и на западе. Через тысячу лет после Юлия Цезаря угроза вторжения на Балканы исходила из Италии. Запад шел войной на Восток.

Еще до сражения при Манцикерте норманны обосновались в Южной Италии. Позже Роберт Гвискар отправил своего младшего брата Роджера на Сицилию, и мусульмане, хозяева острова, два века успешно отбивавшие атаки византийской армии, перед норманнами вынуждены были отступить.

Гвискар же, не дожидаясь окончания Сицилийской кампании, в июне 1081 года, то есть через два месяца после прихода к власти Алексея I, был уже готов к новым завоеваниям. Собрав тридцатитысячную армию, он на ста пятидесяти кораблях отправился на восток, надеясь покорить Константинополь. Не встречая серьезного сопротивления, герцог захватил остров Корфу, высадился с войсками на материковые владения

Византии и, выдвинувшись на север, осадил Диррахий.

Не разделавшись со старыми проблемами, Алексей I не мог браться за решение новых. Однако он хорошо разбирался в ситуации на Востоке — почти сразу после Манцикерта Алп-Арслан скончался, а его сын, Мелик-шах[83], достойный продолжатель дела отца, серьезно увяз в далеком южном походе. Тюркские же наместники в Малой Азии, получив практически неограниченную власть на своих территориях, были не прочь вообще выйти из подчинения своего правителя. Мир с Византией позволял им подготовиться к противостоянию с войском Мелик-шаха, к тому же и деньги лишними не были. По условиям сделки Алексей заплатил сельджукам (что выражалось в установлении повышенных налогов и девальвации византина) и в качестве наемников нанял их воинов. Вот теперь можно было заняться и Гвискаром.

Вряд ли греки могли рассчитывать на победу на суше, другое дело — морское сражение. Венеция была кровно заинтересована в процветании империи, чьей торговлей она занималась почти

[83] Примечания: 83

Мелик-шах Абу ль-Фатх Джала ад-Дин (1055–1092) — сельджукский султан. *(Примеч. пер.)*

столетие, и Алексей решил предоставить венецианцам еще большие льготы. (Уступки и льготы усиливали поистине колониальную зависимость Византии от итальянских купцов, экономическая ситуация ухудшалась, а новые уступки сулили новые напасти; получался заколдованный круг.)

Как бы там ни было, но венецианский флот отправился на юг и без особого труда разбил корабли норманнов под предводительством Боэмунда, незаконного сына Гвискара. Алексей I рассчитывал, что теперь-то норманны забудут о наступлении и задумаются, на чем они вернутся в Италию, но Гвискар отказался вести переговоры. Наоборот, мечтая о завоевании империи, он двинулся в глубь территории. В отчаянии Алексей вернулся на берега Эгейского моря и начал собирать новое войско. Людей и денег не хватало, и императору пришлось посягнуть на собственность церкви.

И в этот момент грекам повезло. Политическая ситуация в Италии начала развиваться для Гвискара неблагоприятным образом и заставила герцога вернуться домой, оставив войска на Балканах на попечение Боэмунда. Могучий и смелый до безрассудства, он все-таки был не ровня Гвискару, и у Алексея появлялся шанс.

Встретились армии Алексея и Боэмунда весной 1083 года. На этот раз греки решили применить против сокрушительной атаки лучшей в мире конницы новую тактику. Надежды на положительный исход боя лицом к лицу с рослыми норманнами на крепких конях было мало. Надежнее, учитывая нелюбовь к дисциплине, их было обойти. Алексей оснастил колесницы острыми кольями, а внутрь посадил закованных в латы пехотинцев, соорудив нечто вроде примитивных долговременных оборонительных сооружений. Расположенные по фронту, они, как предполагалось, должны были принять на себя первую атаку конницы. Однако Боэмунд ответил просто — он пустил кавалерию в галоп по линии колесниц, а потом ударил с фланга. Императору снова пришлось отступить.

К началу 1084 года норманны уже заняли Фессалию[84]. Это означало, что еще одна победа иноземцев — и у Алексея I не останется ничего, кроме Константинополя. Но император не сдавался. Он собрал очередную армию, а в Малой Азии нанял семь тысяч всадников-сельджуков. Новая битва произошла у города Лариса. Избегая

[84] Примечания: 84

Фессалия — историческая область на востоке Греции, главным образом на Фессалийской равнине, житнице страны. *(Примеч. пер.)*

прямого столкновения, Алексей ловким маневром вынудил Боэмунда предпринять атаку в неверном направлении, а свои главные силы отрядил в лагерь норманнов и уничтожил обоз с провиантом.

Боевой дух норманнов был подорван. Конечно, еще одно усилие — и победа над греками была бы обеспечена, но война на Балканах шла уже три года — многие из тех, кто воевал с самого начала, сложили головы, другие крайне устали. Местные греки, ненавидевшие западных еретиков, неустанно вели против них партизанскую войну. Не отставало и тюркское население.

Вполне понятно, что по армии пошел ропот недовольства. Будь с ними неустрашимый Гвискар, он привел бы их в чувство, но Боэмунду это было не под силу. Он отступил на побережье Адриатики, оставил в портах по гарнизону и спешно отправился за отцом.

Герцог к тому времени уладил все дела в Италии и был готов продолжить войну на Балканах. Он собрал новый флот, вновь вышел к Корфу, успешно атаковал объединенные морские силы Венеции и Византии, но в июле 1085 года умер. Неукротимый Гвискар ушел из жизни непобеж-

денным. Ему было около семидесяти лет[85].

Объединять норманнов стало некому, тем более что началась борьба за престолонаследие. Боэмунд, как незаконный сын герцога, наследником, понятно, быть не мог. Получив скромный титул, он в страшной обиде отошел от дел. Вопрос о продолжении военной кампании на Балканах отпал сам собой, как и фактор норманнской угрозы для Византийской империи.

Теперь руки у Алексея I были развязаны. Отбиваясь от норманнов, он продолжал реформировать правительство и не оставлял попыток заручиться поддержкой церкви — противовеса крупной земельной аристократии. Необходимость постоянно быть начеку выводила из равновесия, и даже после ухода норманнов врагов у императора хватало.

За столетие до восшествия Алексея I на престол в болгарских провинциях империи возникла и получила распространение новая христианская секта, проповедовавшая, что весь видимый мир и его материальное наполнение — творение сатаны, а единственная возможность спасения — быть как можно дальше от мирского. Но-

---

[85] Примечания: 85

Считается, что на Балканах Роберт Гвискар пал жертвой чумы. *(Примеч. пер.)*

вые сектанты не признавали семейно-брачных отношений и чревоугодия. Отвергали они и церковные ритуалы. Во главе секты стоял священник Феофил или, по-русски, Богомил, по имени которого течение и стали называть богомильством.

Новое христианское движение сразу подхватило население болгарских провинций империи, используя его в борьбе против засилья греков и Константинопольского патриархата. Но уже к концу XI века оно с пугающей быстротой распространилось на все территории империи. В годину бедствий и несчастий, обрушившихся на страну после поражения при Манцикерте, восприятие окружающей действительности как промысла сатанинского было как нельзя кстати. Получалось, что сотворенное им должно быть разрушено, а разрушители, соответственно, воспринимались бы исполнителями богоугодного дела.

Адепты богомильства воспринимали поражение и упадок страны как должное, более того — приветствовали как фатальную неизбежность. При такой «поддержке» и учитывая то, до каких размеров сократилась империя, Алексей I был вынужден принять жесткие меры. В ответ в 1086 году богомилы подняли восстание. На территориях к северу от Дуная их поддержали

печенеги и половцы[86].

В очередной раз провинции империи подверглись разорению, причем гораздо более жестокому, чем при норманнском нашествии. В конце 80-х годов XI века варвары подошли к стенам самого Константинополя. Не видя иного выхода, Алексей решил прибегнуть к испытанному оружию — предложил вождям половцев золото и возможность послужить в императорской армии. Подчиняясь теперь византийцам, половцы стали воевать против недавних союзников ив 1091 году нанесли печенегам сокрушительное поражение. Те, так и не оправившись от удара, начали стремительно терять свои позиции. Заметно ослабла и угроза со стороны богомилов, хотя секта продолжала пополняться новыми сторонниками из балканских славян и оставалась заметной силой еще пару столетий.

Таким образом, в первое десятилетие своего правления Алексей I ради удержания власти явил настоящие чудеса. Однако в историю его

---

[86] Примечания: 86

На тот период печенеги и куманы, которых русские называли половцами, оставались единственными племенами северных варваров, которых стоило опасаться. За восемьдесят лет до этого русские уничтожили Хазарский каганат, а позднее и сами под натиском половцев были вынуждены оставить Причерноморье. Мадьяры осели и, образуя полосу взаимопроникновения на западной границе расселения половцев, основали Венгерское королевство. *(Примеч. авт.)*

императорство вошло событием, имевшим место примерно в середине пребывания на троне. Во время грозы молния ударила в статую Аполлона (с ликом Константина), которая стояла на рыночной площади Константинополя вот уже семьсот пятьдесят лет, и опрокинула ее. Всем бы связать этот знак с падением самой империи, но его восприняли как гнев Всевышнего на присутствие в городе языческого монумента. Памятник заменили колонной с золотым крестом. Как бы там ни было, но главные беды Алексея I будут связаны с воинами, символом которых станет именно крест[87].

[87] Примечания: 87

На одной из главных площадей Константинополя — форуме Константина — возвышалась порфировая колонна, привезенная из храма Аполлона в Риме. После смерти императора Константина на вершине колонны была установлена его статуя. Судьба ее действительно символична и перекликается с судьбой города и империи. В 1105 г. колонна пострадала от сильной бури и молнии. Статуя рухнула вниз и разбилась. Молния же оставила на колонне черный след, и с тех пор ее стали называть «обожженной», по-турецки — «чембертаж». В современном Стамбуле бывший форум Константина так и называют — Чембертаж. *(Примеч. пер.)*

Воины креста

После смерти в 1092 году султана Малик-шаха, распавшись на несколько независимых, вечно ссорящихся между собой провинций, прекратило существование и государство Сельджукидов. Алексей I в этом увидел возможность, стравливая между собой правителей новых образований, вернуть себе Малую Азию и вычеркнуть из истории и памяти трагедию Манцикерта.

Дело оставалось за малым — требовались солдаты. Но именно теперь, когда норманны ушли, печенеги разбиты, половцы приняты на службу, богомилы приутихли, империя не могла воевать. В самые лучшие годы численность император-

ской армии Алексея не превышала пятидесяти тысяч, причем большинство в ней составляли наемники, полностью полагаться на которых было нельзя. Войска приходилось беречь как зеницу ока, и даже победа не могла оправдать тяжелые потери. Руки опускались у императора: вот она, чудесная возможность вернуть утраченное, а ничего не поделаешь — солдат не хватает.

Решение, как и прежде в случае с половцами и печенегами, было найдено. Если тюркские наемники воевали с норманнами, почему бы теперь не нанять норманнов против сельджуков?

Случай представился в 1095 году. Алексей I решил отправить своего посла в Италию на собор, где под руководством папы Урбана II обсуждались внутренние вопросы церкви. Там представитель Византии объявил, что император приглашает в Константинополь добровольцев для предстоящей борьбы с турками. А для убедительности намекнул, что взамен Алексей I, возможно, согласится на преодоление схизмы христианского мира.

Папа решил, что Восток не иначе наконец готов признать верховенство римского папы, — так хотелось верить, что победа в церковной войне, длившейся семьсот лет, уже близка. В ноябре

1095 года в Клермоне (Франция) на соборе, уже специально посвященном борьбе с турками-сельджуками, Урбан II произнес проникновенную речь, призывая западных правителей прекратить междоусобицы и объединиться против неверных. Помимо духовенства присутствовала там и светская знать.

На беду, вышел «перебор». Оба, и Урбан, и Алексей, разыгрывая свои партии, получили гораздо больше того, на что рассчитывали. Император хотел принять в Константинополе полностью экипированный отряд западных рыцарей, которых после принесения присяги на верность можно было бы отправить отвоевывать для Византии Малую Азию. А римский папа, способствуя организации воинства Христова, вызвал у слушателей такой прилив энтузиазма, что утратил контроль над ситуацией — воодушевление быстро переросло в истерию.

Первой походная лихорадка охватила Францию. На самом деле населению Запада не было никакого дела ни до Константинополя, ни до Алексея I. В обыденном сознании византийцы представлялись еретиками, ничем не лучше турок. Нет, конечно, они хотели победить неверных, но сделать это именем Господа и папы (а не

под началом императора-еретика) и освободить Святую землю (а не Малую Азию), причем для себя (а не для Византии).

Не успели собраться рыцари, как в поход на Восток уже двинулась армия бедноты Западной Европы. Люди не знали, куда они идут, что будут делать, достигнув пункта назначения, лишь магическое слово «Иерусалим» манило и вело их вперед. Нет провианта — зато можно поживиться, опустошая населенные места по ходу движения; мало развлечений — но есть евреи, которых можно перебить, а заодно и всякого, кто подозрительно не похож на них самих. Движение этой армии напоминало нашествие саранчи, уничтожающей все на своем пути. Местное население отчаянно сопротивлялось. Многие тысячи добровольцев крестьянского войска полегли на пути через Венгрию, но около двенадцати тысяч сумели добраться до Константинополя.

Алексей I пришел в ужас. Подобный сброд он увидеть не ожидал. О том, чтобы использовать в своих целях неконтролируемую армию, не могло быть и речи. И император принял единственно верное решение. Войско переправили на берег Малой Азии, где со словами: «Иерусалим в той стороне» — Алексей оставил его «на попечение»

турок. Те не заставили себя ждать: большую часть иноземцев перебили, остальных продали в рабство.

Тем временем рыцари Западной Европы закончили организационные мероприятия и были готовы выступить на Восток. На облачение нашили кресты, показывая, что они сражаются за христианскую веру. Именно поэтому всю кампанию назвали Крестовым походом, а конкретно эту экспедицию — Первым крестовым походом.

Среди руководителей крестоносцев преобладали представители французского и нормандского дворянства средней руки. Войска пребывали в Константинополь с июля 1096 по май 1097 года. Почти сразу Алексей пожалел о своей затее. Подобное разношерстное сборище не могло привидеться и в кошмарном сне. Что взять с неотесанных западных мужланов-рыцарей, с презрением именовавших греков «еретиками» и считавших себя, а не его, Алексея, и его подданных воинством Христовым? Они понятия не имели о византийских церемониях, ежечасно оскорбляя чувства императорского двора отсутствием тонких манер и откровенной грубостью.

А главное — они никак не могли взять в толк, что Алексей I (а вместе с ним и все византийцы)

искренне считал себя римским императором. Рыцари (и участники следующих Крестовых походов) настаивали на том, что он всего лишь «царь греков». Ничего более обидного для византийцев с их щепетильным отношением к истории нельзя и придумать. Но самым ужасным для императора стало то, что среди главных действующих лиц Первого крестового похода оказался Боэмунд. Именно тот Боэмунд, что десять лет назад едва не разгромил армию Алексея I.

Тем не менее Алексею I приходилось вести себя с крестоносцами (в особенности с Боэмундом) осторожно и даже с опаской. Он закрывал глаза на их надменность, властность в речах и поступках, беспорядки, которые они чинили в столице, постоянные ссоры и неприкрытое воровство. Ведь, в конце концов, реши они взять штурмом дворец и захватить город, сделать это было нетрудно.

Оставалось уповать на две вещи. Конечно, богатства и великолепие великого города могли распалить алчность крестоносцев. Но, с другой стороны, увиденное кружило голову — насколько же тогда могуществен император (пусть впечатление и не соответствует действительности) — и, значит, внушало страх. А во-вторых, рыцари так люто ненавидели друг друга (примерно так

же, как и византийцев), что каждый только и делал, что следил за другим, как бы тот не урвал больше, чем он сам. В такой обстановке у Алексея появлялся шанс переиграть сразу всех.

Главной задачей императора было вразумить рыцарей, что приказы отдает только он, а воюют они в соответствии с задачами империи. Для закрепления урока Алексей I настоял на том, чтобы все поклялись ему в верности и обязались вернуть все отвоеванные земли. Без особого желания, но рыцари принесли присягу на верность императору, хотя никто не собирался ее выполнять. По их мнению, клятва, данная еретику, ни к чему не обязывала.

Правда, и Алексей I не тешил себя иллюзиями относительно клятвы крестоносцев. Недоверие было обоюдным, и в дальнейшем он намеревался, по мере своих сил, ограничивать их мощь и влияние. В конце концов, завоевывая для него Малую Азию, рыцари могли и погибнуть. Подобный исход был самым предпочтительным.

В любом случае, вне зависимости от исхода предприятия, каждая из сторон решила быть настороже, чтобы сразу уличить другую в вероломстве. В июне 1097 года крестоносцев переправили на Анатолийский полуостров, где

они предприняли осаду города Никея неподалеку от побережья.

Понимая, что город все равно придется передать императору, рыцари решили сначала его хорошенько «потрясти». Защитники же, не сомневаясь в намерениях наемников, предпочли сдаться цивилизованным византийцам, и император спешно направил в Никею отряд, чтобы не дать крестоносцам начать грабежи. Само собой, те посчитали, что их предали, и пришли в ярость. Пришлось маршем отправляться на юг, чтобы биться с турками в самом сердце Малой Азии, а затем пробиваться дальше к Святой земле, истинной цели предприятия рыцарей.

Между тем Алексей отправил с ними лишь символический по численности отряд. Сам же с основными частями остался в тылу, чтобы атаковать укрепленные пункты сельджуков в Малой Азии, что, собственно, и являлось его целью. Крестоносцы решили, что их бросили, а желание императора поберечь солдат приняли за банальную трусость греков.

Правда, обе стороны в какой-то степени выиграли. Крестоносцы, неся жестокие боевые и иные потери (главным образом от невыносимых и непривычных погодных условий), что

называется, выдюжили и овладели восточным побережьем Средиземного моря. 15 июля 1099 года пал Иерусалим, в котором именем Господа милосердного крестоносцы учинили кровавую бойню.

Алексей же вернул себе треть территории Малой Азии в западной ее части, а потом и все побережье полуострова. Однако на востоке сельджуки держались крепко и полностью вернуть утраченное после Манцикерта не удалось. Святая земля осталась за крестоносцами, но противиться такому исходу император не мог. Пусть прежде, во времена Ираклия, территория и принадлежала Византии, сил на то, чтобы отвоевать эти земли, у Алексея не было.

И все-таки в одном месте интересы сторон пересеклись. Узнав, что крестоносцы подошли к вожделенной Антиохии, Алексей повел свое войско к древнему городу, чтобы присоединиться к осаде. На пути он встретил бежавших навстречу перепуганных воинов креста, которые сообщили, что их армия разбита. Расстроенный император приказал отойти. Но весть о разгроме крестоносцев оказалась преждевременной, и в конце концов они овладели городом. Учитывая тот факт, что греки не принимали участия в его за-

воевании, крестоносцы отказались передать его императору. Хуже того, главным «отказником» был Боэмунд.

Заявив права на город, рыцарь оказался в положении, когда ему пришлось сражаться не только с Алексеем I и турками, но и с недавним товарищем по оружию — крестоносцем Раймундом из Тулузы[88]. Вскоре, правда, обстоятельства вынудили Боэмунда оставить Антиохию и вернуться в Италию, чтобы собрать новые силы для войны уже с империей. Как и его отец двадцать лет назад, он начал наступление с запада, но в скором времени потерпел поражение ив 1108 году подписал договор, по которому признавал право Византии на Антиохию. Последние три года жизни Боэмунд прожил в Италии, глубоко переживая бесславное поражение. А Алексей I, даже имея на руках юридический документ, так и не сумел войти в город, который к тому времени захватили другие крестоносцы.

---

[88] Примечания: 88
Раймунд IV, граф Тулузский (1041–1105). *(Примеч. пер.)*

Последний триумф империи

Алексей I скончался в 1118 году в возрасте семидесяти лет. В конце долгого (тридцать семь лет), потребовавшего колоссального напряжения сил пребывания у власти император не без гордости мог сказать, что все его враги повержены, а империя, в день его восшествия на престол стоявшая на краю гибели, сильна и стабильна. И пусть Византия перестала быть великой державой (страна по-прежнему не могла обходиться без помощи Запада), поддерживать иллюзию былой мощи все еще удавалось.

И если политическое и военное влияние государства действительно уменьшилось, интеллектуальные позиции Византии в мире были сильны, как никогда. Люди Запада, побывавшие

в Константинополе на пути в Святую землю, соприкоснулись с вершинами культуры Востока и многое из увиденного принесли домой в Европу[89].

В Италии Кодекс Юстиниана с исправлениями и дополнениями времен Льва VI Мудрого стал основой для преподавания правоведения. Отсюда он попал в большинство стран Западной Европы, возводя в абсолют византийский принцип божественного характера власти короля и готовя установление абсолютных монархий. (В Англии кодекс не был известен, и право там развивалось самостоятельно, что имело непреходящее значение для всей истории.)

При династии Комнинов культура поистине процветала, и Западу было что перенять. Иоанн Итал (названный так потому, что попал в Константинополь из Южной Италии вместе с норманнами) стал преемником Пселла в университете Константинополя, преподавал учение Аристотеля и доказывал, что философские искания возможны и без опоры на богословие.

---

[89] Примечания: 89

Авторитетный французский специалист по истории Средневековья Жак Ле Гофф «не видит ничего иного, кроме абрикоса, который христиане, возможно, узнали благодаря крестовым походам» (см: *Цивилизация* средневекового Запада. М., 1992. С. 67). *(Примеч. пер.)*

Терпеть подобную ересь церковь, конечно, не могла. Специальный суд провел расследование, осудил ученого и в 1082 году в соборе Святой Софии заставил публично покаяться в своих заблуждениях и ошибках. Но никакие запреты церкви не могли остановить распространение учение греческого философа, и в конце концов об Аристотеле узнали и на Западе.

Около 1100 года Симеон Сиф создал обширную энциклопедию. Здесь были собраны биографии греческих и византийских авторов, отрывки памятников древней литературы, а также несметное количество других материалов, имевших непреходящую ценность. Феодор Продом[90] сочинил немало произведений в жанре поэзии и прозы.

Наиболее примечательной фигурой в литературе Византии данного периода, несомненно, является Анна Комнина, старшая дочь Алексея I. Она боготворила отца и мечтала стать императрицей. Но на пути стоял брат Иоанн (на пять

[90] Примечания: 90

Феодор П р о д о м (ок. 1100–1170) — византийский писатель, автор любовного романа в стихах «Роданфа и Досикл», сатирических и юмористических сочинений разных жанров, в том числе пародийной трагедии «Война кошки и мышей», стихов по случаю побед, свадеб и рождений в кругу знати; вводил в литературное творчество разговорный язык. *(Примеч. пер.)*

лет младше сестры), и Анна рассчитывала, что император лишит его права наследования власти и возведет на трон ее мужа, Никифора Вриения, известного полководца и весьма благородного человека.

Однако Алексей I, не вняв уговорам и нажиму, подготовил восшествие на престол своего младшего сына, теперь Иоанна II. Анна продолжала свои козни даже после обретения братом императорского титула, а вот Вриений поддерживать ее интриги отказался. Жена назвала мужа трусом, хотя, вероятно, в основе его поступка лежали просто редкие человеческие качества — истинное благородство и порядочность. Вриений до конца остался предан своему императору, сопровождал его во всех военных походах, а впоследствии написал историю династии Комнинов.

Анна же, потерпев фиаско, с горя ушла в монастырь и посвятила себя написанию на древнегреческом «Алексиады», продолжения исторической биографии Алексея I, созданной мужем. Интересная работа рассказывала о Крестовых походах с точки зрения византийцев и вышла достойным ответом западным, весьма пристрастным, повествованиям. Порфирородная принцесса по праву считается одной из лучших женщин-исто-

риков современной цивилизации[91].

При Комнинах слава о Константинополе распространилась по всему миру, чему отчасти способствовали и люди Запада, во множестве побывавшие в городе и запечатлевшие свои впечатления в хрониках. Теперь, как никогда прежде, Константинополь являл пример мирового имперского центра, по сравнению с которым другие города казались захолустьем. Причем дело здесь не только в его внешнем величии и помпезности. Например, Иоанн II, человек исключительной добродетели, устроил в городе больницу из пяти отделений на пятьдесят коек, где отдельно выделялись хирургия и женское отделение. В заведении постоянно работали десять врачей-мужчин, одна женщина и большое число ассистентов. На Западе о подобной практике никто не слышал. Достойно упоминания деяние и супруги Иоанна II, Ирины Венгерской, даровавшей Константинополю большой монастырь.

---

[91] Примечания: 91

Анна Комнина (1083 — ок. 1148) — после смерти отца при поддержке матери, императрицы Ирины, возглавила заговор с целью возвести на престол своего мужа. Провал заговора привел к длительной опале. После смерти мужа удалилась в монастырь. Ее пятнадцатитомная «Алексиада» охватывает период с 1069 по 1118 г. и содержит ценные сведения по политической, церковной и культурной истории Византии, а также по истории первых Крестовых походов (см.: *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1998). *(Примеч. пер.)*

Позднее она была канонизирована церковью.

Новый император пошел в отца и ревностно продолжал его политику. Он много делал для того, чтобы сохранять мир и дружбу с Западом, по крайней мере не поступаясь основополагающими принципами. Иоанн II понимал, что венецианцы слишком укрепили свои позиции в столице, но в то же время отдавал себе отчет в том, что полностью избавиться от них было бы верхом неблагоразумия. Он просто отказывал купцам из Венеции в их притязаниях на еще большие привилегии, а в качестве противовеса пригласил в Константинополь их главных торговых соперников из Генуи и Пизы. При таком раскладе новички явно не могли солидаризироваться с венецианцами, и император получал возможность оставаться над схваткой.

Осторожность и взвешенный подход Иоанна II в международных делах обеспечил империи в течение его двадцатипятилетнего правления столь необходимый мир. Конечно, говорить, что это было время абсолютного мира, нельзя. Например, император расширил завоевания отца в Малой Азии, а в 1122 году, после выверенной паузы, нанес печенегам удар такой силы, что больше история об этом племени не вспоминала.

Целью всей жизни Иоанна II оставалась Антиохия, которая до сих пор находилась в руках крестоносцев. С каждым новым походом в южные районы Малой Азии император обретал все больше уверенности и в 1142 году наконец привел свои войска к стенам города. Ситуация складывалась так, что крестоносцы вот-вот должны были сдаться на милость победителю, но, как всегда, вмешался его величество случай. Как-то во время осады император отправился на охоту и подстрелил кабана. В один из моментов он нечаянно поранился стрелой. В пустяковую рану попала инфекция, началось заражение крови, и 8 апреля 1143 года Иоанна II не стало.

Трон наследовал младший сын, двадцатилетний Мануил I, третий подряд достойный император из династии Комнинов. До некоторой степени он действительно правил империей на пике ее если и не мощи, то, бесспорно, влияния и популярности в мире. Но если дед искал у Запада помощи и не доверял его посланцам, отец стремился к дружбе с ними, то Мануил I перед рыцарями преклонялся, мечтая стать одним из них.

Он представлял себя рыцарем на западный манер, с турнирными боями и прочей атрибутикой. Вполне понятно, что иностранцам это льстило.

Обе жены Мануила были западными принцессами, и он считал вполне естественным даровать купцам еще большие привилегии, а на ответственные государственные посты назначать европейцев. Рассматривалась даже возможность объединения двух церквей, причем преимущественно на условиях Рима.

В результате подданные императора, которым высокими налогами приходилось оплачивать его внешнее великолепие, откровенно невзлюбили Мануила. А что гораздо важнее, византийцы не разделяли его преклонение перед всем западным, ненавидели силу и заносчивость европейской знати, с опаской относились к посланцам римской церкви.

Однако следует понимать, что заигрывание Мануила I с Западом отнюдь не прихоть, — с каждым годом положение крестоносцев в Святой земле становилось все сложнее. Турки контратаковали, начали одерживать победы, и встал вопрос об отправке подкрепления. Наконец Второй крестовый поход получил благословение папы, и в 1147 году в Константинополь стали прибывать новые крестоносцы. На этот раз кампанию возглавляли короли Франции Людовик VII и Германии Конрад III, именовавший себя

императором Священной Римской империи.

Как ни преклонялся Мануил I перед Западом, искренне приветствовать появление крестоносцев у него не получалось. Он не признал императорский титул Конрада III и обращался к нему исключительно со словами «король германцев». Причем на официальных приемах с участием императора Византии обоим королям приходилось стойко переносить унизительные для своего достоинства церемонии. Само собой, любовь Запада к «царю всех греков» крепче от этого не становилась.

Мануил I приложил неимоверные усилия, чтобы византийцы избежали стычек с рыцарями, и ускорил их отправку в Малую Азию. Бездарное руководство королей привело к бесславному провалу Второго крестового похода. Понеся большие потери, крестоносцы ретировались, не оказав помощи единоверцам в Святой земле. В свою очередь Мануил I не шевельнул и пальцем.

Возможно, именно военная несостоятельность рыцарей подвигла императора Византии предпринять самостоятельную атаку в западном направлении. Вот уже столетие в Италии не ослабевала вражда между норманнами и империей, и Мануил I решил нанести им удар, воспользо-

вавшись кораблями Венецианской республики. В 1151 году императорская армия высадилась в Италии. Попытки продвинуться в глубь территории не увенчались успехом, а в 1154 году византийцы потерпели окончательное поражение. Правда, свой след на Апеннинах Мануил I все же оставил — не без подстрекательства с его стороны итальянцы подняли восстание против преемника короля Конрада III, молодого и энергичного Фридриха I по прозвищу Барбаросса («Краснобородый»).

Внешняя и внутренняя политика Мануила I строилась на уверенности в том, что Византийская империя — великая держава. Конечно, взглянув на карту этого периода, можно решить, что поражение при Манцикерте стало лишь досадным эпизодом, что империя Василия II — на месте, а Константинополь — так же велик и неколебим. Да, после Василия II были утрачены Южная Италия, Армения и некоторые области в центре Малой Азии, но появились и новые земли — на северо-западе и юго-востоке, которых не было в составе Византии. А то, что потеряли, Мануил I стремился вернуть.

Но к сожалению, такой взгляд не отражал действительного положения вещей. При внеш-

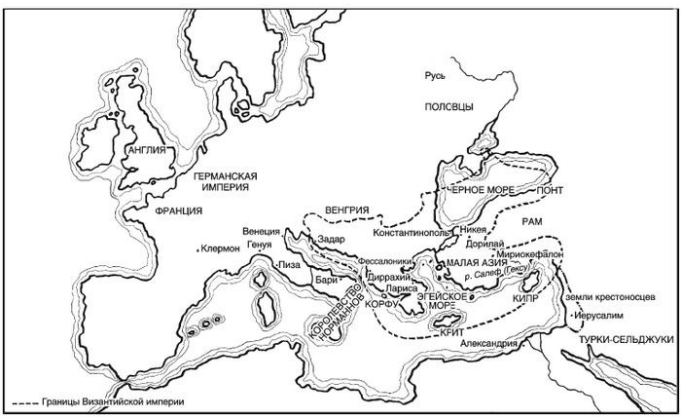
ней количественной стабильности произошли серьезные изменения внутреннего характера. Империя практически лишилась былой экономической мощи. В столице теперь находились около десяти тысяч венецианцев и немалое число выходцев из Генуи и Пизы, которые выкачивали из страны барыши от торговли и притесняли местных жителей. Королевства крестоносцев в Сирии и Иерусалиме, слабые в военном отношении, стали альтернативой в торговле между Востоком и Западом — Константинополь стал не нужен. А попытки императора изображать из себя властителя великой державы, когда ее экономика сокращается подобно шагреневой коже, лишь усугубляли ситуацию.

Наконец, не стоит забывать и про Запад, который от десятилетия к десятилетию становился все мощнее, а Византия, при всех потугах и демонстрациях величия, слабела. На самом деле уже в этот период Запад обошел Восток, просто игра византийцев на публику пока не позволяла европейцам это осознать. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь.

Словно поверив в сказку, созданную для внешнего окружения страны, император перестал серьезно воспринимать угрозы, которые нараста-

ли как снежный ком. Он решил, что в состоянии справиться со всем сам, ив 1176 году отправился воевать турок-сельджуков. Те запросили мира; сподвижники-стратеги советовали согласиться, но император хотел войны.

Мануил I перешел границу и направил войско в узкую долину близ крепости Мириокефалон. Император не догадывался, что все господствующие высоты уже заняты поджидавшими его турками, просто атака не началась, пока все византийское войско не втянулось в пятнадцатикилометровую западню. Византийцы были разбиты. Император сумел вырваться, но, как сообщают хронисты, с того дня вовсе перестал улыбаться.



Карта 10. Византийская империя в 1170 г. при императоре Мануиле I

После Манцикерского сражения прошло ровно столетие, и новое поражение лишь подтвердило судьбоносность той катастрофы. Наступление на турок, оказавшееся возможным только во время Первого крестового похода, окончательно остановилось. Инициатива, завоеванная при Алексее I, была безвозвратно утрачена. Теперь победить турок не представлялось возможным даже с помощью войск Запада. Отныне стало ясно, что мусульмане обоснуются в Малой Азии навсегда.

Мануил I умер в 1180 году. Он правил Византией, как и его дед, тридцать семь лет. Три императора династии Комнинов — Алексей, Иоанн и Мануил — вместе находились у власти ровно девяносто девять лет. Это время назовут последней эпохой могущества империи, ее триумфа.

Закат империи

Наследником Мануила I стал одиннадцатилетний сын от второй жены-европейки Марии Антиохийской, Алексей II. По малолетству регентшей при нем стала мать, иными словами, империя по-прежнему оставалась во власти Запада. Но если Мануил I был просто поклонником всего западного, то новый император, уже сам наполовину европеец, оказался под полным контролем чистокровной представительницы Западной Европы.

Однако недальновидная регентша окружила себя исключительно проживавшими в Константинополе иностранцами, ив 1182 году терпению греческого населения пришел конец. Между тем

в императорской семье был еще один человек, ожидавший своего часа — Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила I, сын младшего брата Иоанна II. Красавец, не обделенный ни силой, ни умом, он слыл человеком без стыда и совести. Вся его жизнь прошла в череде безрассудных побед и нелепых поражений, вызванных беспечностью характера. Пользуясь невероятным успехом у женщин, Андроник постоянно плел нити заговоров против Мануила I, но неизменно терпел неудачу. Немало времени ему довелось просидеть в тюрьме, еще больше — в ссылке и скитаниях по Востоку, от Кавказа до Святой земли.

В последние годы жизни императора Мануила I он возвратился домой. Устав от суеты и неустроенности, он хотел спокойствия и перед ликом императора, не стесняясь унижения, выказывал искреннее раскаяние. Андроник получил место наместника в Понте, прибрежной области в северо-восточной части Малой Азии, — места дальше от Константинополя в империи просто не было. На момент смерти Мануила I Андронику уже исполнилось семьдесят, но живости восприятия происходящего ему было не занимать. Сообразив, что народ Константинополя доведен до предела и вот-вот готов поднять восстание, он собрал

ополчение и двинулся на запад.

Люди с радостью шли под его знамена. Еще бы, во главе — принц династии Комнинов, истинный грек! Молва о продвижении войска Андроника быстро достигла Константинополя. Греки только этого и ждали. Как одержимые, они ловили и убивали латинян, крушили все, что им принадлежало: дома, церкви, лавки, то есть все, к чему могли приложить руки.

В 1183 году ликующие жители Константинополя объявили Андроника соправителем империи. Под нажимом Алексей подписал своей матери смертный приговор, что, правда, юношу не спасло — в скором времени избавились и от него. Недавний соправитель стал единовластным Андроником I, а для подкрепления императорских прав женился на молодой жене Алексея.

Новый император начал со смены прозападной ориентации, десятилетиями определявшей политику Византии. Для повышения эффективности работы правительства ввел жесткие правила поведения чиновников, а главное — ограничил полномочия феодальной знати. Понимая, что время, отпущенное империи, тает на глазах, монарх немедленно принялся за реформы. Мин-дальничать было некогда, и главным аргументом

становилось насилие.

Аристократия сразу возненавидела реформатора и была готова на все. В такой ситуации Андронику I следовало опереться на низшие слои, заручиться их поддержкой, но, проводя политику обновления государства непопулярными мерами, он как непозволительную в столь тяжелое время роскошь отменил состязания колесниц на ипподроме. Мера, бесспорно вынужденная и правильная, теперь настроила против него и простолюдинов столицы.

И даже этот шаг не стал бы смертельно опасным, будь все спокойно на границах. Во главе процветавшего Норманнского королевства в Южной Италии и Сицилии теперь находился Вильгельм II. Зная о былых походах своих предков в пределы империи, король решил использовать резню европейцев в Константинополе как предлог для возобновления военных действий.

Поначалу казалось, что вернулись времена Гвискара, — в 1185 году норманны высадились на албанском побережье, захватили Диррахий и двинулись в сторону Фессалоник на Эгейском море. Город взяли, а в отместку за прежние злодеяния византийцев казнили семь тысяч греков.

Теперь к недовольству политикой императора

добавилась паника. В исступлении толпа растерзала семидесятипятилетнего старика. Черни был нужен новый император, и на удивление быстро он нашелся. Им стал Исаак II Ангел, внук дочери Алексея I.

К радости византийцев, реформы прекратились. Феодальным кланам вернули привилегии, народу — развлечения на ипподроме. Режим экономии сменился расточительством. Ограничения, введенные прежним режимом, людям показались неоправданными. Два сражения под началом Алексея Врана очистили Балканы от нападавших, и угроза норманнского завоевания рассеялась как дым.

Однако залог военных побед был подготовлен еще Андроником I, а псевдопроцветание при Исааке II лишь предвещало распад государства. Норманны же не вернулись в Италию, а закрепились на островах у западного побережья Анатолии. Наместник императора на Кипре (тоже Исаак) вел себя так, словно остров являлся независимым королевством, а когда Исаак II решил укрепить свою власть, уничтожил посланные центром корабли. Кипр так и остался независимой от Византии территорией, а империя лишилась контроля даже в своем Эгейском море.

В византийской провинции, прежде именовавшейся Болгарским царством, вспыхнуло восстание против обнаглевших сборщиков налогов. Возглавили борьбу братья Иван и Петр Асень[92].

Исаак II одержал несколько побед, но болгары позвали на помощь половцев, и Балканы запылали по-настоящему. Резня греков приняла такой размах, что на севере полуострова они практически исчезли как этнос. Эту территорию и сегодня населяют исключительно болгары.

В 1188 году император согласился с поражением и был вынужден признать Второе Болгарское царство, которое образовалось на месте Первого, стертого с лица земли около ста пятидесяти лет назад армией Василия II. Пойти на такой шаг

---

[92] Примечания: 92

Вероятно, автор путает несколько разных людей. Около 1185 г. в Тырново началось восстание, во главе которого стали местные феодалы, братья Асень и Петр. Оно охватило всю Придунайскую Болгарию, было поддержано другими феодалами и народом и привело к созданию Второго Болгарского царства. Крупные победы были одержаны при преемнике убитых в 1197 г. боярами Асеня и Петра — их третьем брате Калояне, правившем в 1197–1207 гг., когда вновь восстановившая независимость Болгария раздвинула свои пределы на западе. Иван Асень, о котором говорит автор, — это либо Иван Асень I, болгарский царь, умерший в 1196 г., либо Иван Асень II (1218–1241), овладевший престолом с помощью военного отряда русских, при котором Второе Болгарское царство достигло наибольшего расцвета. В этот период были расширены владения на западе, присоединена Малая Валахия (на левом берегу Дуная), а затем и Южная Болгария. В 1230 г., после разгрома эпирского деспота в битве при Клокотнице, к Болгарии ото-

шли его владения (Македония, Северная Греция, Албания) и она стала крупнейшей державой на Балканском полуострове. *(Примеч. пер.)*

заставила не только военная неудача, но и новая угроза, замаячившая на Западе, — крестоносцы собирались в очередной поход.

В 1187 году Саладин[93] вернул арабам Иерусалим, когда Святая земля не находилась в руках христиан и сотни лет. Волна праведного гнева прокатилась по Западной Европе, и отряды рыцарей вновь отправились на Восток. Третий крестовый поход возглавили самые могущественные монархи Запада: Ричард I Английский Львиное Сердце, Филипп II Август Французский и Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи. Ричард и Филипп-Август отправились в путь морем и не должны были создать неудобства византийским провинциям. Между тем Ричард сделал остановку на Кипре, рассорился с местным правителем, в 1191 году покорил остров и, передав его другим крестоносцам, продолжил путь в Святую землю. Впоследствии Кипр оставался под управлением Запада еще почти четыреста лет, хотя населяли его по-прежнему греки. Немецкий же император двинулся по суше — его войскам предстояло пройти через Константинополь, хотя большой любви к импе-

[93] Примечания: 93

Салах-ад-Дин Юсуф ибн Айюб (Саладин) — египетский султан (1138–1193.) *(Примеч. пер.)*

рии он и не испытывал. Фридрих помнил, что в самом начале его правления Мануил I оказывал финансовую помощь восставшим итальянским городам и вообще намеревался отнять у него Италию.

Исаак II до смерти боялся пришествия уже поседевшего Краснобородого и, выбирая между жестоким германцем и цивилизованным Саладином, склонялся к последнему. Исаак II предложил заключить союз против Барбароссы, но султан ответил отказом. Он был настолько силен, что ни в ком не нуждался, особенно если в союзники набивалась беспомощная Византийская империя.

В Болгарии Фридриха пытались расположить к себе братья Асень, обещая в союзе выступить против Константинополя. Но император, которому было уже под семьдесят, торопился снискать славу покорителя Иерусалима и сумел устоять перед дьявольски заманчивым искушением. К тому же Исаак II вел себя осторожно, ничем не навлекая на себя гнев Барбароссы.

Правда, он до сих пор не признавал за германцем титул императора Священной Римской империи, но в остальном вел себя с образцовой покорностью. Византиец обещал снабдить крестоносцев всем необходимым и быстро пере-

правил через проливы в Малую Азию. Здесь-то неожиданно и пришел конец мечте Фридриха I. Купаясь в бурной реке в южной части Центральной Анатолии, император утонул[94].

Лишившись предводителя, армия быстро рассеялась. Выжившие вернулись на родину. Так гроза из-за рубежа в очередной раз обошла Византийскую империю стороной.

Другое дело — внутренние проблемы, а именно династические распри. С этим императоры поделать ничего не могли. Младший брат Исаака давно жаждал власти и, наконец, устроив заговор, провозгласил себя императором Алексеем III. В 1195 году по его приказу Исаак II был ослеплен и заточен в темницу. При новом императоре упадок государства продолжился. Все еще оставаясь империей, Византия неумолимо катилась к закату.

---

[94] Примечания: 94

По одной версии, Фридрих утонул 10 июня 1190 г. в реке Салеф (современное название реки — Гексу) при переправе через бурный поток по вине оступившегося коня, по другой — из-за остановки сердца во время омовения в ледяной воде после привала на солнцепеке. *(Примеч. пер.)*

Разрушить!

У Исаака II был сын Алексей, которому на момент свержения отца было только двенадцать лет. Дядя-узурпатор даровал ему жизнь, что, как выяснится позже, выйдет ему боком. В 1201 году уже восемнадцатилетний Алексей сумел вырваться за пределы империи, оказался на Западе и начал искать заступников.

К этому времени Третий крестовый поход окончательно выдохся. Ричард Львиное Сердце безуспешно расточал свои подвиги — победа осталась за Саладином, а турки не ушли из Иерусалима. Именно при такой ситуации началась подготовка к очередному вояжу на Восток.

На этот раз рыцари на кораблях венецианцев решили дойти до Египта, атаковать Александрию

и уже оттуда продвигаться в сторону Святой земли. Как обычно, итальянцы запросили за услуги непомерную плату, правда, уже не деньгами. На восточном побережье Адриатического моря, в двухстах семидесяти километрах к юго-востоку от Венеции, располагался город Задар, удобный морской порт, заполучить который мечтали итальянские купцы. Номинально город принадлежал королю Венгрии, в то время — христианина, что, правда, мало заботило предприимчивых итальянцев. Раз на пути в Александрию крестоносцы все равно будут проплывать мимо, подумали торговцы, почему бы им не сделать остановку, взять штурмом Задар, передать его Венеции в качестве оплаты за транспортные услуги и продолжить плавание в Египет.

Папа Иннокентий III, духовный покровитель воинов креста, пришел в ужас от подобного богохульства, извращающего саму идею священного похода, призывал одуматься и не трогать город единоверцев. Но венецианцы, раз назвав цену, своего мнения не меняли, и рыцарям пришлось согласиться. В 1202 году Венеция получила вожделенный Задар, а крестоносцы направились в сторону Корфу.

Как раз вовремя, чтобы запросить помощь, на

остров поспел скиталец Алексей, вопрошавший: если рыцари могли завоевать Задар для Венеции, почему бы им не покорить Константинополь и не возвратить его отцу законный трон императора? Каждому участнику похода была обещана щедрая награда.

Дожем Венеции в то время был Энрико Дандоло[95], человек примечательный во всех отношениях. Есть сведения, что в 1173 году, оказавшись при дворе Мануила I в качестве то ли посла, то ли заложника, Дандоло по приказу императора зачем-то был ослеплен. По одной из версий, подручные императора воспользовались вогнутым стеклом, фокусировавшим солнечные лучи.

Именно этот душещипательный рассказ обычно вспоминают, объясняя лютую ненависть дожа к Константинополю и желание во что бы то ни стало отомстить. На самом деле очень может быть, что историю выдумали для того, чтобы благородным порывом крестоносцев воздать по заслугам за жестокость прикрыть банальное лицемерие. Предлог начать войну с Византией

---

[95] Примечания: 95

Дандоло Энрико (ок. 1108–1205) — венецианский дож с 1192 г.; добился изменения направления Четвертого крестового похода (в Византию вместо Египта); участвовал в 1204 г. в разграблении Константинополя и в создании Латинской империи. *(Примеч. пер.)*

всегда был на поверхности, и сказка об ослеплении, по большому счету, — перебор. Венецианцы и так мечтали как можно туже затянуть удавку на экономике империи, да и воспоминания о резне своих соплеменников в Константинополе двадцатилетней давности были еще свежи. Что же касается Дандоло, то его слепота вполне может объясняться возрастными изменениями в организме, ведь во время Четвертого похода ему было никак не меньше девяноста лет.

Несмотря на возраст, дож Венеции был полон сил и энергии, не уступая в целеустремленности при достижении цели Нарсесу, византийскому полководцу VI века. Именно он больше чем кто-либо усердствовал в том, чтобы, невзирая на громы и молнии римского папы и против воли самих крестоносцев, вынудить их пойти на штурм Задара. Теперь же Энрико Дандоло близко к сердцу принял беду молодого Алексея. Он настоял на том, чтобы рыцари изменили свой маршрут и направились в сторону Константинополя. В результате крестоносцы вместе с претендентом на византийский престол на венецианских судах подошли к стенам великого города.

Почти девятьсот лет со дня основания Константином столицу империи не мог покорить ни

один иностранный захватчик. Чего не скажешь о многочисленных доморощенных соискателях императорской мантии. Крестоносцы выступали в роли якобы вспомогательного отряда Алексея, у которого в городе оказалось немало лазутчиков, готовивших почву для не слишком самоотверженной обороны.

Благодаря искусной тактике морской осады в исполнении венецианцев в августе 1203 года рыцари вошли в город. Алексей III из столицы скрылся. Слепого Исаака III после восьмилетнего заточения освободили, повторно объявили императором, а заступника сына Алексея IV — соправителем.

Взяв Константинополь, крестоносцы выполнили поставленную задачу и, в принципе, могли отправляться в Египет. Дело оставалось за малым — получить обещанное вознаграждение. Однако новоиспеченный император Алексей IV объявил им, что казна пуста. После туманящих взор рассказов о несметных богатствах Константинополя иностранцы, конечно, не могли поверить сказанному и отказались покинуть столицу, пока не получат причитающиеся им деньги. При виде уютно расположившихся в самом центре страны врагов константинопольцев охватил страх.

Пока смещенный крестоносцами Алексей III прятался на севере империи, муж его дочери возглавил движение против иноземцев. В январе 1204 года он объявил себя императором Алексеем V, захватил императорский дворец и приказал задушить юного Алексея IV, правившего всего полгода. Народу объявили, что, узнав о смерти сына, Исаак II умер от разрыва сердца.

Полдела было сделано, оставалось выпроводить крестоносцев. Три месяца Алексей V безуспешно пытался сбросить их в море, но рыцари отбивались и стояли неколебимо. 12 апреля 1204 года у императора не выдержали нервы и он бежал. (Еще до конца года его схватили и казнили.)

Наконец полновластными хозяевами города стали крестоносцы. Не помощниками законного государя, а сами по себе. Больше ста лет европейцев кормили россказнями о вероломстве и коварстве византийцев и их императоров. Теперь они смогли убедиться в этом сами — пришли в Константинополь служить законному принцу, но сначала не получили справедливого вознаграждения, а потом еще и подверглись нападению.

С позиции рыцарей, гнев их был праведным. Они могли взять что хотели, лишить жизни кого хотели, потому что византийцы («подлые ерети-

ки» по определению) заслуживали такой участи самим фактом своего предательства.

12 апреля 1204 года началось безжалостное разграбление Константинополя. Тысячи жителей лишились имущества, были изнасилованы, зверски убиты. С особой жестокостью крестоносцы расправлялись с православными священниками, применяли к ним нечеловеческие пытки, походя растаскивая утварь церквей и монастырей. Осквернению подверглась даже Святая София, красивейший собор мира: в алтарной части солдаты играли в кости, на патриаршем троне блудница, как хозяйка пьяного вертепа, правила бал.

Львиную долю городского добра разграбили, растащили, вывезли из страны. Сотни предметов искусства и разнообразных реликвий осели в Европе. Например, конная скульптурная композиция, древнеримская квадрига с ипподрома, оказалась в Венеции и до сих пор украшает собор Святого Марка. Ипподром же превратили в арену рыцарских турниров.

Все, что нельзя было увезти, жгли, ломали, разбивали — одним словом, уничтожали, включая мозаики и статуи золотого века античности. Трагедия заключалась в том, что навсегда были

утрачены уникальные, поистине не имевшее цены сокровища.

Древнегреческая культура, на тот момент вершина достижений человеческой цивилизации, сохранялась лишь благодаря относительно небольшому числу рукописных манускриптов. Вопрос сохранения наследия более поздних веков, вплоть до конца существования Римской империи, был несколько проще благодаря относительно широкому распространению работ индивидуальных авторов по частным и общественным библиотекам.

Но постепенно библиотеки начали исчезать. Всю западную часть империи во тьму невежества погрузили германские варвары, арабы разрушили то, что осталось от некогда великой Александрийской библиотеки после «чисток» фанатиков-христиан. К 1204 году единственным местом, где великое наследие греческой культуры хранилось должным образом и в полном объеме, оставался Константинополь. Именно здесь оказались озверевшие безграмотные крестоносцы, не способные увидеть в ветхих пергаментных свитках нечто бесценное. Вакханалию пережили считаные экземпляры великих творений Эсхила, Софокла, Еврипида и Аристофана (сохранился

единственный экземпляр), остальные погибли.

И все-таки, по счастью, многое сохранилось — слишком богат оказался город хранилищами мудрости, чтобы воинствующее невежество восторжествовало. Многое спасло напуганное население, а выявить все тайники иноземным ищейкам не удалось. И все же ущерб оказался чудовищным. На пепелище вселенского масштаба упал занавес, навечно разделив нас и величайших мыслителей античности. Занавес кромешного мрака, поднять который уже невозможно.

Глава 10
Призрак империи

Латинский период

Несмотря на то что Константинополь оказался наполовину разрушен, а крестоносцы под завязку запаслись награбленным, восвояси убираться никто не собирался. Встал вопрос: что делать с империей? О походе в Египет и Святую землю уже никто не вспоминал. Рыцари хотели остаться там, где оказались, и самостоятельно управлять государством. Одного из предводителей крестоносцев — Балдуина Фландрского — провозгласили императором Балдуином I. С этого момента началось время, известное в истории как период Латинской империи, а при дворе греческий язык сменил латинский.

Так называемый император не имел даже той власти, что последние хозяева Византии. Скорее это было чисто номинальное правление, потому что территорию разделили на части и поделили между другими крестоносцами. Один стал королем Фессалоник и правил в Северной Греции, другой — принцем Ахайи, провинции на юге Греции. Между ними располагалось Афинское герцогство. Венеция получила под свой контроль острова, в том числе Крит, и три пятых террито-

рии Константинополя[96]. Венецианцем стал и патриарх Константинополя, а посему теоретически христианская церковь оказалась единой. Вряд ли можно говорить о вассальной зависимости новообразований от Балдуина I, потому что его власть распространялась исключительно на Константинополь и прилегающие территории в радиусе ста пятидесяти километров.

Конечно, внешние враги бывшей Византии не исчезли только потому, что местное руководство сменили крестоносцы. Так, несколько выдвинулась в акваторию Эгейского моря и расширила свою площадь на материке Болгария, заняв положение примерно в современных границах.

Не сошли окончательно со сцены мировой истории и греки. Северо-западная часть бывшей империи оказалась под управлением Михаила Ангела Комнина, представителя императорского дома, где появилось византийское княжество — Эпирский деспотат.

Несколько представителей правящей династии укрылись в Малой Азии. Феодор I Ласкарь,

---

[96] Примечания: 96

После основания Латинской империи Венеция за свою помощь крестоносцам получила квартал в Константинополе, часть побережья Далмации и Морей (полуостров Пелопоннес), Ионические и другие острова, а также контроль над всей торговлей Западной Европы с Левантом. *(Примеч. пер.)*

как и несчастный Алексей V, зять Алексея III, выбрал столицей своей Никейской империи город Никея, положив начало новой династии. Давид и Алексей Комнины объединили участки северного побережья Малой Азии в Трапезундскую империю со столицей в городе Трапезунд. Самостоятельное правительство возникло и на острове Родос.

Таким образом, съежившаяся, как шагреневая кожа, при Исааке II Византийская империя теперь распалась на ряд еще более мелких государств, латинских и греческих, беззащитных перед любым решительно настроенным противником, ухудшающих свое и без того отчаянное положение борьбой между собой. Последующие пять десятилетий — это достойная сожаления история запутанной и бесконечной междоусобицы. Расширив свои границы, Болгарское царство при Калояне вторглось в пределы Латинской империи. В 1205 году, желая остановить неприятеля, Балдуин Фландрский потерпел поражение и попал в плен. То есть и так весьма сомнительная слава его императорства продолжалась всего год.

Место на троне занял его брат, Генрих I, став наиболее успешным из правителей Латинской

империи. Он укрепил свою власть в Греции, заставив местных феодалов признать себя императором. «Повезло» ему и с соседом: в 1207 году умер царь Калоян и болгарская угроза на время отступила.

Генрих I справедливо полагал, что главной угрозой для его государства является Никея, правитель которой Феодор I мало-помалу начал расширять свои владения, громя турок, выяснявших отношения главным образом между собой. Воспользовавшись распрями в стане новых хозяев Малой Азии, в 1212 году Генрих вторгся в земли турок-сельджуков и захватил часть полуострова в непосредственной близости от Константинополя. Этот период считается пиком развития Латинской империи.

После смерти в 1216 году Генриха I встал вопрос о защитнике новых завоеваний. Латиняне выбрали Петра де Куртене, двоюродного брата Генриха, который находился во Франции и, получив известие, поспешил в Константинополь. В пути он был схвачен воинами Феодора Эпирского и умер в плену, так и не вступив на трон. В 1219 году латинским императором стал второй сын Петра — Робер де Куртене. Примерно в это же время в Никее скончался Феодор. Трон наследовал его

зять Иоанн III, который выбил латинян из Малой Азии и захватил несколько островов в Эгейском море[97].

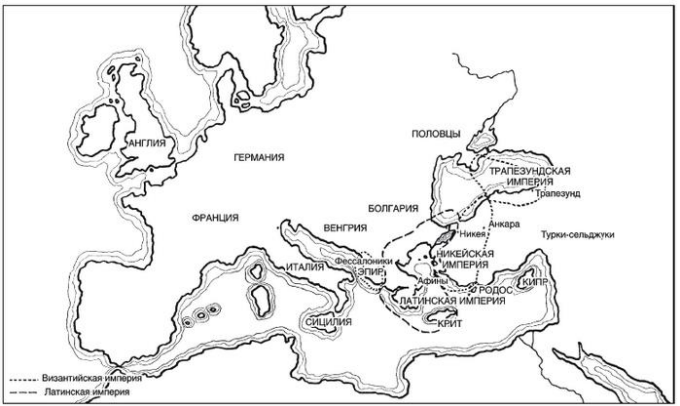
В 1228 году умершего Робера сменил его одиннадцатилетний брат Балдуин II, которому не оставалось ничего, кроме как держаться за Константинополь и ждать конца своего правления.

Между тем для Никейской империи все развивалось вполне успешно. Именно на это время пришлось великое нашествие монголов на Запад, самое крупное и опустошительное за тысячу лет вторжений кочевников Центральной Азии. Китай, Персия и Восточная Европа на себе почувствовали мощь их безжалостных ударов. В 1244 году монгольская армия разгромила турецкие войска на востоке Малой Азии и продвинулась до Анкары. Иоанн III заключил с монголами союз и включил в состав своей империи земли, ранее захваченные турками. Более того, собравшись с силами, никейская армия взяла город Фессалоники.

---

[97] Примечания: 97

В конце концов эта династия императоров Никеи вернет себе константинопольский трон, и поэтому порядковые номера их властителей соответствует последовательности, с которой их получали императоры Византии. Таким образом, Иоанн, первый император Никейской империи с таким именем, стал Иоанном III вслед за Иоанном II, правившим Византией за столетие до него. *(Примеч. авт.)*



Карта 11. Византийская империя после разграбления 1204 г.

В 1255 году преемник Иоанна Феодор II даже нанес поражение болгарам, после чего стало очевидным, что истинной наследницей Византии является Никейская империя. Однако в 1258 году император умер и на трон взошел его восьмилетний сын Иоанн IV. Над приобретениями никейцев нависла реальная угроза, не окажись

рядом племянник Феодора Михаил Палеолог.

Однако образованный, целеустремленный, хотя и не слишком разборчивый в средствах Михаил попал под подозрение в нелояльности трону. Было решено подвергнуть его испытанию. Михаил должен был три раза от алтаря церкви до ограды храма пронести на ладони раскаленное ядро — если он невиновен, рука окажется невредимой. Михаил согласился пройти испытание, но только в том случае, если раскаленное добела ядро ему вручит сам патриарх, чья преданность государю сомнениям не подвергалась, а значит, и опасения излишни. Патриарх тут же заключил, что надобность в испытании отпала, а Михаил невиновен.

Вскоре регент при мальчике-императоре был убит, и Михаил занял его место. 1 января 1259 года Михаил VIII стал соправителем монарха. Теперь главной его целью стало завоевание Константинополя. По большому счету хозяева города, латиняне, были беззащитны, и единственной преградой для никейцев оставался флот венецианцев. Для борьбы с ним Михаил нанял генуэзцев, пообещав им все торговые привилегии, что раньше имели купцы Венеции.

Правда, идти на уступки не пришлось. Флот

венецианцев по недоразумению зачем-то отправился в Черное море, и 25 июля 1261 года армия Михаила начала штурм. Константинополь сдался без боя, а Балдуин II бежал. Так закончила свои дни Латинская империя, а Константинополь спустя пятьдесят семь лет снова стал резиденцией византийских императоров.

Падение империи продолжается

Поверхностный взгляд на карту показывает, что Византийская империя полностью восстановилась в прежних границах — ведь значительная часть западных земель Малой Азии и Балканы находились под управлением Михаила VIII. Однако это представление ошибочно. Венеция по-прежнему владела Критом и многими островами в Эгейском море; итальянским баронам принадлежала значительная часть Центральной Греции; Эпир и Трапезунд контролировались соперниками из византийских родов. И все они были непримиримыми врагами Михаила VIII.

Вдобавок империя оказалась в развалинах. В особенно плачевном состоянии пребывал Константинополь. Значительно поредевшее

население могло лишь мечтать о былой славе родного города, а у императора не было средств даже на восстановление дворца, и, по большому счету, Михаил возвращал к жизни лишь призрак некогда могущественной империи.

Тем не менее император старался. В любом случае ему было необходимо одолеть врагов и выжить, а потому он не считал нужным быть щепетильным в выборе средств. По его приказу молодой Иоанн IV был ослеплен и отправлен в ссылку, и теперь Михаил VIII являлся единоличным хозяином страны. Под его руководством Византии был возвращен Пелопоннес, а город Мистра стал оплотом поздневизантийской культуры. Он отогнал правителей Эпира, оставив им небольшую полоску суши на побережье, и даже нанес поражение болгарам.

Однако по-настоящему серьезная угроза шла с Запада. Последний властитель Латинской империи Балдуин II, хоть и находился в ссылке, все еще был жив. Например, он устроил брак своего сына Пьера с дочерью французского аристократа Карла Анжуйского. Дождавшись, пока в живых не останется никого из династии норманнских правителей Сицилии, Карл взял власть на острове в свои руки, не позабыв унаследовать и их

безудержное честолюбие. Именно себя он считал истинным наследником трона Латинской империи и всерьез думал о взятии Константинополя. Как и Роберт Гвискар за двести лет до него, Карл повел свое войско на Балканы и к 1272 году уже твердо обосновался в континентальной части империи.

В такой обстановке Михаилу VIII пришлось пойти на решительные меры. В 1274 году он направил своих посланников на проходивший во французском Лионе церковный собор, где было объявлено о согласии объединить католическую и православную церкви на условиях Рима. Стоило императору смиренно принять верховенство главы католиков, как в благодарность папа Григорий X запретил Карлу Анжуйскому любые действия по свержению вернувшегося в лоно истинной церкви чада.

Но одно дело — признание императора и совсем другое — византийцев. Несмотря на репрессии, православное духовенство и паства (к немалому разочарованию Рима) жили по старым канонам. В 1280 году римским папой стал Мартин IV, француз, вполне довольный деяниями Карла и совершенно не доверявший Михаилу VIII. Новый папа отлучил императора от церкви и благосло-

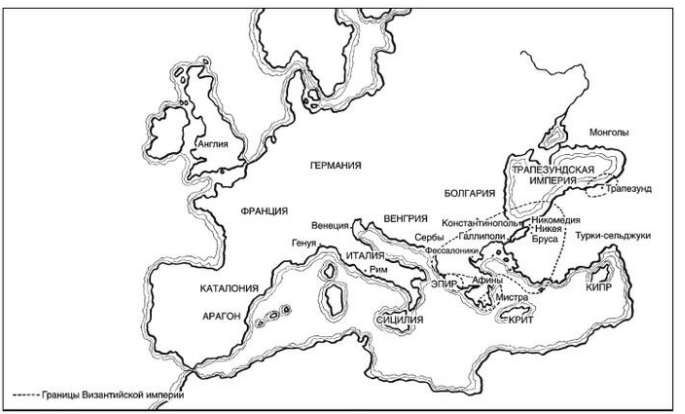
вил планы Карла Анжуйского.

Однако Михаил VIII был готов к подобному повороту событий. Он нанес поражение армии Карла и заключил союз с королем Педро III Арагонским (государем небольшого королевства на востоке Испании), который оспаривал права Карла Анжуйского на Сицилию и потому был готов помочь императору. В 1282 году интриги Михаила VIII возымели действие и народ Сицилии восстал против французских поработителей. Во время вечерней службы сицилийцы уничтожили всех французов, оказавшихся в тот момент на острове. После «Сицилийской вечерни» (так это событие известно в истории) угроза Карла Анжуйского перестала существовать.

Михаил VIII скончался в 1282 году, пробыв на троне четверть века и одолев, очевидно, всех своих врагов. Он был первым и наиболее успешным императором в династии Палеологов. Его преемником стал старший сын — Андроник II Палеолог.

Сын оказался полной противоположностью отца — с мягким характером, образованный и набожный. Новый император начал с того, что отменил решение родителя о подчинении духовной жизни папству, и восстановил верховенство

патриарха. Решение, конечно, единодушно поддержало население страны, но Запад, в чьей поддержке все больше нуждалась Византия, по существу, перестал обращать внимание на призывы о помощи. На беду, выяснилось, что чрезвычайно амбициозная внешняя политика Михаила VIII опустошила казну, и Андроник II был вынужден обратиться к генуэзцам — содержать армию было не на что. Так император фактически стал заложником действий руководства Генуи.



Карта 12. Византийская империя в 1278 г. во время правления Михаила VIII

В Галате, предместье Константинополя, генуэзцы основали город, окружив его собственной, независимой от общей, городской стеной. Между тем война Генуи и Венеции шла на всей акватории Эгейского моря, где венецианцы владели мощными военными базами. Представителям венецианского купечества удалось заставить империю гарантировать свои права на территории Константинополя. На этой почве в самом городе стали нередки стычки между двумя противоборствующими итальянскими группировками. Доставалось и местному населению, как это обычно случается со стоящими в стороне зеваками.

Возникла и новая опасность. Раньше жившие на северо-западе Балкан сербы были вассалами византийцев или болгар. Но в 1281 году во главе их встал король Милутин, весьма способный правитель, который сполна воспользовался слабостью Византии. Постепенно продвигаясь в юго-восточном направлении, войска короля вторглись в пределы Византийской империи, а заметно ослабевших болгар заперли в нижнем течении Дуная. Андроник II не имел возможности сопротивляться напору сербов и был вынужден согласиться на брак его дочери со славянским монархом — шаг, несомненно, унизительный для

императора Византии.

Между тем в Малой Азии заметно оживились турки. Небольшой султанат на северо-западе полуострова, который около 1290 года основал некто Осман, стремительно развивался, представляя все большую угрозу для соседей. Его народ называли турками-османами или, как это принято на Западе, турками-оттоманами.

Для отпора новой волне воинственных турок Андроник II решил воспользоваться услугами наемников. Империя нередко привлекала иностранных солдат, и, как правило, с успехом для себя. Почему не попробовать еще раз? Андроник нанял отряд из шести тысяч каталанцев (в Каталонии — области Арагонского королевства, союзника империи в период предыдущего правления). Испанцы из Каталанской компании, как их называли, с самого начала оказались неуправляемы — в Константинополе они напали на итальянцев, вызвав настоящий хаос. Правда, попав наконец в Малую Азию, наемники взялись за дело по-настоящему и бились с турками от души. Однако компанию интересовала лишь прибыль, а за деньги ее солдаты были готовы сражаться как с противником, так и с работодателем.

Дошло до того, что испанцы вернулись к Кон-

стантинополю, требуя доплаты за выполненную работу, чего император позволить себе не мог. Убедившись, что штурмовать крепостные стены бесполезно, они взялись за окрестности столицы. После гибели в 1305 году предводителя испанцы окончательно распоясались, круша и грабя все, что было ценного в Северной Греции. Продвигаясь на юго-восток, они захватили Афины, где все еще находились у власти бароны-латиняне, и, основав собственную династию, правили в городе три четверти столетия.

Само собой, Андронику II новые неприятности были ни к чему, тем более когда в стране назревала гражданская война. Его сын, Михаил IX, был и его соправителем. У того, в свою очередь, был сын Андроник, чья любовница имела связь еще с одним мужчиной. Желая избавиться от соперника, молодой Андроник нанял людей, но те по ошибке зарезали его младшего брата. Вскоре умер давно болевший Михаил IX, и потрясенный, теперь единолично правивший страной, император Андроник II решил лишить своего внука права на престол за совершенное, пусть и не умышленно, братоубийство.

Оскорбленный молодой Андроник поднял мятеж. Чем символичнее становилось значение

трона, тем бессмысленнее выглядела междоусобица, но последний период существования империи отмечен именно чередой гражданских войн, причем разыгрываемый приз каждый раз становился все меньше. Эти последние войны проходили с участием иностранцев, что раздражало и дезориентировало византийцев, но без наемников ни одна из сторон обойтись уже не могла. Итак, сербы поддержали Андроника II, а болгары — молодого Андроника. В 1328 году победила молодость. Андроник II после сорока шести лет полного бед и поражений правления был смещен и через четыре года скончался. Внук вошел на престол как Андроник III.

Турки-османы

Андроник III предпринял шаги, которые можно было принять за серьезное намерение расширить границы империи. Например, отнял у генуэзцев один из островов, напал на Эпир и захватил остатки территории деспотата, чем положил конец стадвадцатипятилетней истории независимого Византийского государства. Однако эти потуги не шли ни в какое сравнение с настоящим подъемом и развитием врагов империи.

В 1330 году Стефан Дечанский, незаконнорожденный сын короля Милутина, нанес болгарам ощутимое поражение, а уже в следующем году трон захватил его сын, Стефан Душан, при котором Сербское королевство достигло пика своего могущества. Болгария признала независимость

Сербии, которой теперь принадлежали чуть ли не все Балканы — ее границы выходили почти к Коринфскому заливу[98].

Тем временем в Малой Азии росла мощь и турок-османов. В 1326 году, как раз перед тем, как Андроник III стал императором, они захватили Брусу, а в 1337-м — Никомедию. Иными словами, византийцы быстро лишились почти всех владений, что поддерживали империю на плаву в латинский период.

К концу правления Андроника III империи принадлежали лишь Константинополь, Фессалоники, Мистра и предместья этих городов. Грустное наступило время. В 1330 году впору было отмечать тысячелетие основания Константином I столицы государства, но повода радоваться, к сожалению, не было.

После кончины в 1341 году Андроника III трон наследовал его девятилетний сын Иоанн V. Однако самым влиятельным человеком в империи являлся Иоанн Кантакузин; он поддерживал Андроника III во время гражданской войны с дедом

---

[98] Примечания: 98

Стефан Дечанский (?–1331) в борьбе с крупными феодалами искал поддержки у церкви; приносил многочисленные дары монастырю в Дечанах, по названию которого и получил свое прозвище. В результате заговора, во главе которого стал королевич Стефан Душан, был свергнут с престола и удушен. *(Примеч. пер.)*

императора и возглавлял византийскую армию в малой победоносной войне с Эпиром. Решив, что трон нельзя оставлять ребенку, он объявил себя императором и стал Иоанном VI.

Кантакузина поддерживали крупные феодалы-землевладельцы и члены новой секты мистиков, возникшей среди духовенства восточной части страны. Народ же стоял за законного правителя — Иоанна V. Очередная затяжная гражданская война в основном велась благодаря помощи из-за границы; поддержка противоборствующим сторонам со стороны сербов и турок всячески затягивала конфликт, что было им на руку — барышей становилось больше. В эти годы Константинополь ободрали как липку. Вдобавок в 1346 году землетрясение разрушило собор Святой Софии, а в следующем, 1347 году «черная смерть» — чума, выкосившая пол-Европы, — добралась до столицы Византии и забрала с собой две трети ее жителей.

В год страшной эпидемии Кантакузину удалось взять обескровленный город, после чего он предпринял попытку остановить гражданскую войну. Для получения законных прав императора он женился на правнучке Михаила VIII, а свою дочь отдал в жены Иоанну V. Но брачные узы не

помогли. Получив передышку, Иоанн V возобновил борьбу. В этот момент от далеких русских Кантакузин получил средства на восстановление главного храма империи и решил нанять на эти деньги турецких наемников. Но и это не помогло. В 1354 году Иоанн V одержал решающую победу (было бы за что бороться!), и Кантакузин удалился в Мистру, где дожил до почтенных девяноста лет, создавая письменную историю своего пребывания у власти в четырех книгах.

Для окончательного крушения империи лучшего средства, чем гражданская война, придумать нечто более действенное было бы трудно, и враги, по-видимому, готовили последний удар. Сербы под началом Стефана Душана настолько поверили в свои силы, что даже взятие Константинополя не представлялось чем-то невыполнимым. Он принял титул короля и в 1355 году возглавил поход на Константинополь. Чем закончилось бы продвижение сербов, мы никогда не узнаем — во время наступления он неожиданно умер, а без ли-

дера Сербская империя стала быстро слабеть[99].

Однако гораздо большую угрозу, чем сербы, представляли турки. В 1353 году, в последние, полные отчаяния дни Кантакузин привел с собой на Балканы для сражения с сербами, поддерживавшими Иоанна V, турецкое войско. Причем это уже не были наемники на службе у Кантакузина, они представляли самостоятельное, независимое от него соединение. В 1354 году в ста восьмидесяти километрах к юго-западу от Константинополя на европейском побережье Босфора, в Галлиполи, турки заложили свою военную базу. Так, впервые оказавшись на земле Европы, турки обосновались здесь навсегда.

Хотя Кантакузин и проиграл гражданскую войну, ни Иоанн V, ни утратившие былую мощь сербы не были способны вытеснить турецкие силы со своей территории. Постепенно наращи-

---

[99] Примечания: 99

Стефан Душан (1309–1355) — сербский король (1331–1346); на соборе 1346 г. провозгласил Сербскую архиепископию патриархией, а сам был коронован «царем всех сербов и греков». В его правление власть Сербии распространилась на Македонию (кроме Солуни), Албанию, Фессалию, Эпир; в ходе войн с Венгрией он воссоединил с Сербией Мачву и Белград. В конце царствования, после поражения, нанесенного греческим, сербским и болгарским войскам турками в битве на реке Марице (1352 г.), попытался организовать борьбу против наступления на Балканы турецких сил, но новая война с Венгрией помешала осуществлению этого плана. После его смерти Сербская империя распалась на ряд самостоятельных уделов. *(Примеч. пер.)*

вая свое присутствие на Балканах, к 1365 году турки полностью подчинили Фракию, область на северном побережье Эгейского моря. Их столицей стал Адрианополь, город в ста семидесяти пяти километрах к западу от Константинополя. Теперь османские владения окружали столицу Византии и со стороны Азии, и в Европе. Впервые за долгую историю империи один враг взял Константинополь в кольцо на обоих континентах.

Иоанн V просил помощи где только можно. Но в Сербии и Болгарии царил хаос, а ближайшая мощная держава — Венгрия — принадлежала к западной церкви и откликнуться на призыв не спешила. В отчаянии в 1369 году император (как и сто лет до него Михаил VIII) решился на воссоединение с Римом. Однако за это время империя совершила столь головокружительное падение, что императору пришлось вести себя соответственно: Михаил VIII от своего имени направлял послов, а Иоанн V отправился сам. На юге Франции, в Авиньоне, он предстал перед папой Урбаном V, признал его верховенство и попросил Запад оказать ему помощь.

Но все было тщетно — никакая угроза или опасность не могли заставить народы Востока признать над собой власть папы римского.

Смирение императора оказалось бесполезным — помощь так и не пришла. В 1371 году Иоанн V понял, что удержаться на троне он может, лишь признав себя вассалом турок. Сын Андроник воспротивился, поднял мятеж, что привело к очередной гражданской войне. В 1376 году с помощью генуэзцев Андроник захватил трон и стал императором Андроником IV. Правда, ненадолго — в 1379 году при поддержке турецких войск Иоанн V вернул себе императорский титул.

В 1389 году турки с триумфом закрепили свое присутствие на Балканах, нанеся сербам сокрушительное поражение в Косово. Сербская империя прекратила существование, а турки на четыреста пятьдесят лет установили свое владычество над славянами Балкан[100].

В 1391 году Иоанн V скончался. Правление длиной в пятьдесят лет было отмечено гражданскими войнами, чередой военных поражений,

---

[100] Примечания: 100

В исторической битве 15 июня 1389 г. на Косовом поле объединенные силы сербов под командованием князя Лазаря были разгромлены турецкими войсками султана Баязида. Поражение сербов привело к установлению турецкого ига. Первоначально турецкое господство выражалось в установлении вассальной зависимости сербских княжеств от Турции (период правления сербских «деспотов» — 1389–1459 гг.). К середине XV в. были ликвидированы остатки сербской независимости, Сербия, разделенная на санджаки, стала частью Османской империи. *(Примеч. пер.)*

эпидемией чумы, природными катаклизмами. Все эти бедствия имели для страны тяжелейшие последствия. Последние земные дни императора мало отличались от остальных — пришло известие о взятии турками Филадельфии[101], последнего оплота Византии во внутренних районах Малой Азии. Второй сын Иоанна, Мануил, оказался в заложниках у султана. Узнав о смерти отца, он выбрался из придворного комплекса, устремился в Константинополь, где был коронован и стал Мануилом II.

Правителем турок в то время был Баязид I, первым принявший титул султана (от арабского «властелин»). В ответ на бегство византийского принца он предпринял осаду Константинополя и держал ее до тех пор, пока Мануил II не заплатил выкуп. В любом случае аркан был наброшен, и Баязид мог его затянуть при первом желании.

Понимал это и император, а потому единственное спасение видел в Западе. Поначалу казалось, что подмога все же придет — Мануил II рассчитывал, что, напуганные ростом мощи Турции, западные державы откликнутся на его призывы о помощи. И действительно, папа Бонифаций

---

[101] Примечания: 101

Филадельфия — древнегреческий город в Иордании. *(Примеч. пер.)*

IX благословил Крестовый поход против турок, а король Венгрии Сигизмунд взял на себя организацию предприятия. Многочисленная армия крестоносцев под предводительством Сигизмунда выдвинулась на территорию Болгарии, но в 1396 году потерпела сокрушительное поражение при Никополе на Дунае.

Справедливо полагая, что подобное выступление далеко не последнее, пока из-за константинопольских стен раздаются мольбы о помощи, Баязид решил взять город. А Мануил II, печальный, но исполненный достоинства, предпринял поездку по западноевропейским дворам, вымаливая помощь против турок. Сначала он прибыл ко двору короля Франции Карла VI, а в 1400 году посетил в Англии Генриха IV. Сказано было много, но дальше обещаний дело не пошло.

Казалось, что Константинополь неминуемо падет, но, как это часто случается (особенно на Востоке), вмешались привходящие обстоятельства и Баязид изменил свои планы. Монголы, сто пятьдесят лет назад терзавшие западный мир и о которых долгое время ничего не было слышно, вновь отправились в поход. Выдвинулся и новый предводитель — Тимур (на Западе он более известен как Тамерлан). У него были собственные

виды на Ближний Восток, и туркам пришлось на время оставить мечты о покорении Константинополя.

В 1402 году Тамерлан повел свои войска в Малую Азию и в битве при Анкаре разгромил армию султана, взяв самого Баязида в плен. Тамерлан вскоре умер, но турки надолго присмирели. Воспользовавшись неожиданным затишьем, Мануил занялся реформированием своей миниатюрной империи, больше времени, правда, уделяя собственным научным и литературным опытам.

К 1422 году турки вновь были готовы атаковать Константинополь и Мануилу пришлось распродавать свои владения по частям. Например, Фессалоники получили венецианцы.

В 1425 году Мануил II умер, и его место занял сын — Иоанн VIII. Практически все, что ему досталось, — это собственно Константинополь и часть полуострова Пелопоннес. Проданные Венеции Фессалоники в 1430 году захватили турки. На Пелопоннесе, правда, наметилось некоторое расширение империи, но происходило это за счет поглощения клочков земли, которые с 1204 года удерживали давно поиздержавшиеся бароны-латиняне.

Подобно своему отцу, выпрашивая помощь, Иоанн VIII обивал пороги Запада. В 1439 году он присутствовал на заседании собора во Флоренции, где признал высшую церковную власть за папой Евгением IV. Фарс повторился: император пал ниц перед Римом, а его подданные — отказались. Выходило так, что, стоило императору подчиниться западной церкви, как византийцы тут же обращали свой гнев на Запад, все меньше заботясь о турецкой угрозе. Туркам такое положение вещей, конечно, было на руку[102].

Тем не менее европейцы все-таки предприняли еще одну попытку остановить турецкую экспансию. Венгерский полководец Янош Хуньяди одержал ряд побед и повел свое войско в восточном направлении, чтобы сразиться с главными турецкими силами. Ему удалось продвинуться дальше, чем пятьдесят лет назад Сигизмунду, — он вышел на побережье Черного моря, но при

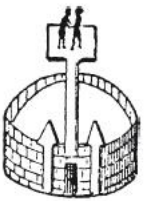
---

[102] Примечания: 102

Имеется в виду так называемая Флорентийская уния 1439 г. — договор об объединении под главенством папы римского православной и католической церквей, заключенный 5–6 июля 1439 г. на Флорентийском соборе. Православная церковь была представлена византийским императором Иоанном VIII Палеологом, константинопольским патриархом Иосифом, эфесским митрополитом Марком, русским митрополитом Исидором, католическая — папой римским Евгением IV. Уния в жизнь проведена не была (официально расторгнута православной церковью в 1472 г.). *(Примеч. пер.)*

Варне был наголову разбит турками.

Последняя битва империи



В 1448 году Иоанн VIII умер и на престол взошел его младший брат Константин. Именно при Константине XI началась некоторая концентрация силы Византии на Пелопоннесе (хотя слово «сила» вряд ли уместно в данном случае) и поставлена задача во что бы то ни стало удержать под контролем Константинополь.

Императору вскоре предстояло сразиться с новым султаном Османской империи — в 1451 году им стал Мехмед II, который не скрывал желания захватить столицу Византии. Султан даже примирился со всеми врагами, только бы собрать все свои силы у стен города.

В 1452 году, в полном отчаянии, Константин XI в очередной раз признал верховную власть

папы римского, но и на краю гибели народ его не поддержал. История сохранила высказывание одного высокопоставленного византийского чиновника: «Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара». Стоит заметить, что сказанное отнюдь не свидетельство безумия, — при турецком правлении византийцы будут вольны исповедовать свою форму христианства, а под властью папы такое было бы немыслимо.

Итак, 3 апреля 1453 года началась осада Константинополя. В разрушенном городе давно не было прежнего миллиона жителей. Уже не столь массивные, как прежде, крепостные стены укрывали от силы тридцать тысяч горожан, причем в полном смысле слова защитников осталось не более пяти тысяч. Кроме них город удерживали три тысячи западных союзников, среди которых выделялись воины генуэзца Джованни Джустиниа-ни. По злой иронии судьбы его имя — латинизированное Юстиниан, именно так звали великого императора, правившего империей в период ее наивысшего расцвета девять веков назад. Против защитников турки выставили от восьмидесяти до ста тысяч воинов.

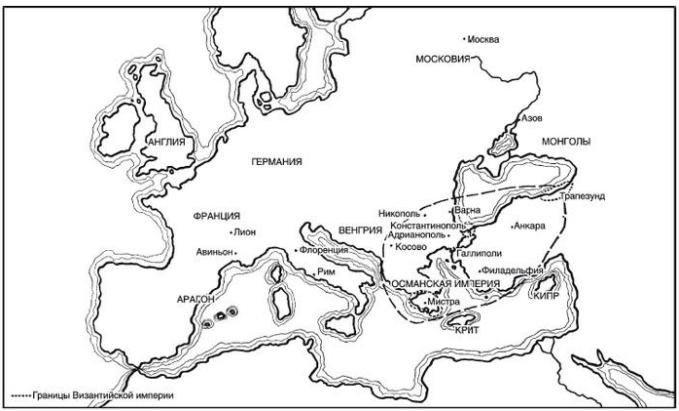
Однако и при такой численности оборонявшиеся вполне могли положиться на крепостные

стены, вот уже более одиннадцати веков отражавшие атаки неприятеля (конечно, если не брать в расчет откровенное предательство или действия «пятой колонны»). Как бы там ни было, но время не стоит на месте и мощь стен перестала играть решающую роль при осаде городов.

Лет за двести до битвы за Константинополь на Западе стал известен секрет китайцев, открывших порох; скорее всего, его принесли в Европу монголы. Вскоре порох приспособили для метания ядер и появились пушки. У султана Мехмеда II на тот момент были лучшие пушки в Европе, и именно с их помощью он начал обстреливать крепостные стены каменными ядрами весом до полутонны. Под такими ударами рушатся даже самые крепкие оборонительные сооружения.

Защитники дрались с отчаянием, достойным лучших времен империи. Днем сражались, а по ночам заделывали проломы в стенах. 18 апреля им удалось отбить лобовую массированную атаку турецких войск. А 22 апреля по приказу неумолимого султана корабли перетащили через узкий перешеек, отделявший море от бухты Золотой Рог, и проснувшиеся от грохота канонады жители поняли, что город обстреливают уже с двух сторон. Так путь к возможному отступлению

и доставке припасов по морю оказался отрезан. И тем не менее защитники города не сложили оружие, они надеялись на чудо, которое не раз выручало византийцев в прошлом.



Карта 13. Византийская империя в 1453 г. при Константине XI

Между тем обстрел не прекращался. 29 мая ранение в руку получил Джустиниани. В панике он оставил поле боя, а вслед за ним и все генуэзцы. Император молил их вернуться, но тщетно. 29 мая 1453 года Мехмед II отдал приказ о последнем решительном штурме. Турецкие воины разрушили стены и через проломы ворва-

лись в город. Отбросив императорские регалии, Константин с оружием в руках ринулся в самую гущу битвы. Сраженный мечом, он упал; его тело найдено не было.

Так погиб последний римский император, который вел свое происхождение от первого — Августа — на протяжении почти пятнадцати веков и двадцати двух веков с момента основания Рима. Так пал Константинополь при своем одиннадцатом императоре Константине, который был основан более одиннадцати веков назад первым императором по имени Константин. Несмотря на два столетия упадка, преследовавшего город, его жители нашли в себе силу духа и мужество сражаться за Константинополь как за славную столицу великой империи, которой он некогда был.

Разграбление поверженного города не шло ни в какое сравнение с тем, что сделали в 1204 году крестоносцы (правда, после них возможности крушить и грабить заметно поубавилось), но аристократ, который предпочел тюрбан тиаре, казнен был по приказу владельца именно тюрбана. Величественные мозаики и фрески собора Святой Софии закрыли от благочестивых турецких глаз побелкой (их лицезрение считалось

идолопоклонством), а пристроив к куполам минареты, превратили главную церковь в мечеть. (В XX веке, уже после провозглашения Турции республикой и светским государством, миру вновь открыли творения христианских мастеров и живописцев.) Новые хозяева города изменили и его название, превратив в Стамбул — то ли вариант искаженного «Константинополь», то ли тюркскую форму греческого — «на пути к городу».

Оставалось захватить остальные территории Византийской империи. В 1460 году Мехмед II взял Пелопоннес, некоторые участки земель, которые до сих пор находились под управлением латинян, и Афины. В 1461 году пала Трапезундская империя, а вместе с ней и все, что было связано с Византией. Некоторые области империи времен Василия II пока оставались прибежищем христианства, но уже давно контролировались Западом; одна за другой они тоже были завоеваны турками.

Теперь главной опасностью для Запада становилась Османская империя со столицей в Стамбуле. Завоевав Балканы и Венгрию, ее воины в 1529 году оказались у ворот Вены. Рост ее мощи продолжался целых два с половиной столетия с момента падения Константинополя, и лишь

после 1683 года наметились признаки упадка.

Между тем культурное влияние исчезнувшей с карты мира Византийской империи продолжалось. Даже в последнее столетие, полное бедствий и катастроф, искусство, литература и философия переживали небывалый подъем. Так, в последний раз, указывая дорогу Западу, вспыхнул луч просветительского огня уходящей в небытие цивилизации. В это время творили ученые мужи: императоры Кантакузин и Мануил II, Феодор Метохит, первый министр при Андронике II, автор трудов по естественной истории, астрономии и философии. В это столетие взошла звезда выдающегося ученого Георгия Гемиста Плифона[103]. Он родился и получил образование в Константинополе, но работал главным образом в Мистре, на Пелопоннесе, культурной столице империи при династии Палеологов.

Плифон истово отстаивал древнегреческие идеалы в тот период, когда засилье всего римского в

[103] Примечания: 103

Плифон (Плетон) (ок. 1355–1452), — византийский философ-платоник, ученый и государственный деятель. Разработал проект политических реформ, призванных вывести Византию из кризиса, и универсальную религиозную систему, противостоящую христианству и в основном совпадающую с греко-римским язычеством. Религиозно-политическая утопия Плифона «Законы» была сожжена в 1460 г. как безбожная; под влиянием его идей во Флоренции возникла Платоновская академия. *(Примеч. пер.)*

Константинополе начало постепенно отступать на второй план, а последние византийцы вновь ощутили себя греками. Отмечено даже распространение культа истинно греческих героев. Гемист Плифон решил создать новую религию, основанную на учении Платона, которая, по его замыслу, должна была прийти на смену христианству и исламу.

Труды автора попали на Запад, в особенности это касается его представлений в области географии. Его взгляды помогли европейцам многое переосмыслить и в конце концов способствовали организации великого плавания через Атлантику — через сорок лет после крушения прежнего миропорядка Христофор Колумб открыл Новый Свет. Правда, стать свидетелем этого события Гемисту Плифону не было суждено, он умер в 1452 году.

Одним из учеников Плифона был Иоанн Виссарион, который родился в Трапезунде, а обучался в Константинополе. В 1423 году он был пострижен в монахи и при императоре Иоанне VIII стал архиепископом Никеи. При его активном участии, а также поддержке другого видного ученого последних дней Византийской империи, Георгия Схолирия, император искал примирения

и воссоединения с Римом; оба посещали Европу с особой миссией.

Но, как мы знаем, жители Византии не согласились с решением императора. По возвращении в Константинополь Схолирий публично покаялся в отступничестве, а Виссарион остался на Западе и перешел в католичество. Папа Евгений IV возвел его в сан кардинала. С собой Виссарион привез около пятисот манускриптов (больше половины из них — античных авторов), которые послужили основой собрания библиотеки Святого Марка в Венеции и стали одним из мощных проводников гуманистических идей на Западе. Схолирий же в 1449 году стал монахом, нареченным Геннадием. В 1454 году его избрали константинопольским патриархом (первым при турецком владычестве), которым он оставался в течение пяти лет.

В 1463 году римский папа назначил Виссариона патриархом Константинополя, что, однако, не имело никаких последствий — греко-славянское население никогда бы не приняло Виссариона в этом качестве, даже имей он возможность появиться в городе. В тяжелые времена турецкого ига православные христиане так и не изменили своего враждебного отношения к западной церкви.

Эпилог: Призрак призрака

Однако с падением Константинополя не исчезло наследие императорского Рима. Как с «падением Рима» в 476 году на Востоке оставался полновластный император, так и теперь, в 1453 году, с «падением нового Рима» оставался полновластный император на Западе. В 1453 году им являлся Фридрих III из династии Габсбургов[104].

Обычно его владения именуют «Священной Римской империей» по причине главенства христианства, но определение «Священная», как правило, опускают. Формально это была та

---

[104] Примечания: 104

Фридрих III (1415–1493) — германский король и император Священной Римской империи с 1440 г., австрийский эрцгерцог с 1453 г. В 80-х гг. XV в. в борьбе с венгерским королем Матьяшем Хуньяди потерял почти все австрийские владения. *(Примеч. пер.)*

же империя, что и при императорах Августе и Константине I. При Карле V, правившем с 1520 по 1556 год, и Священная Римская, и Османская империи находились на пике могущества. Карл владел Германией, Италией, Испанией и огромными заморскими территориями, включая современные Соединенные Штаты Америки.

Постепенно Священная Римская империя дробилась, а к 1806 году практически прекратила существование (в ней остались лишь Германия и Австрия), когда под нажимом Наполеона Бонапарта ее последний император Франциск II был вынужден отказаться от своего титула.

Однако, начиная с Карла Великого, некий призрак Римской империи всегда присутствовал в мире вне зависимости от наличия империи Византийской со столицей в Константинополе. Византийская же империя, в последние столетия существования — лишь тень былого государства, превратилась в призрак призрака, не более того.

У последнего византийского императора Константина XI был брат Фома, чья дочь Зоя (Софья) Палеолог в 1472 году стала женой великого князя Московского Ивана III, государя обширной лесной страны на далекой окраине Европы. Столица его владений находилась в деревянном граде

Москве.

Православная Московия, сохранявшая независимость от Константинопольского патриархата, только освобождалась от жестокого монгольского ига. Вскоре после свадьбы Иван III принял титул царя и объявил себя наследником традиций Рима и Константинополя. Сын же его, Василий III, через мать действительно мог считать себя продолжателем династии Палеологов, так же как и его сын — Иван IV Грозный.

Последним царем, чьи потомки были императорами на берегах бухты Золотой Рог, считается Федор II, недолго правивший в 1605 году[105]. Последующие правители Московии, вскоре ставшей Российской империей, не имея на то никаких оснований, поддерживали представление о своей якобы законной и неразрывной связи с византийским двором. В обиход даже вошла присказка: «Первый Рим пал, второй Рим (Константинополь) пал, а третий Рим (Москва) — стоит и стоять

[105] Примечания: 105

Имеется в виду сын Бориса Годунова Федор Борисович (1589–1605), занимавший трон после смерти отца в апреле–мае 1605 г.; при приближении к Москве Лжедмитрия I был свергнут и убит. *(Примеч. пер.)*

будет»[106].

Все русские цари мечтали о Константинополе, но лишь при Петре I страна оказалась способной достойно сражаться с турками. В 1696 году, в период начала заката Османской империи, русские войска взяли Азов, крепость на ближних подступах к Черному морю.

В течение XVIII–XIX столетий Россия и Турция постоянно воевали, причем с каждой победой русские продвигались все дальше на юг, а турки отступали. К 1912 году все Балканы были освобождены от турецкого ига, а во вновь образовавшихся мелких государствах очень сильно оказалось влияние России. К этому моменту на территории Европы за Турцией оставался лишь небольшой участок между Стамбулом (Константинополем) и Эдирне (Адрианополем).

Во время Первой мировой войны, вспыхнувшей в 1914 году, Россия и Турция вновь оказались по разные стороны линии фронта: Россия стала

---

[106] Примечания: 106

Автор имеет в виду идею о Москве как «третьем Риме», сформулированную игуменом псковского Елиазарова монастыря Филофеем в посланиях великому князю Василию III, по которой Рим пал, отойдя от истинного христианства, Константинополь пал, изменив христианству, пойдя на унию с католической церковью, а Москве суждена роль третьего Рима: «Два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не бывать». В том смысле, что могут быть только три мировых царства, после чего наступит «конец света». *(Примеч. пер.)*

союзницей Великобритании и Франции, а Турция — Германии и Австро-Венгрии. Теперь русские не сомневались в том, что Константинополь достанется им, — правительства стран-союзниц обещали уступить его России в случае победы. В 1918 году долгожданная победа наступила, но принять Константинополь оказалось некому. Революция 1917 года лишила власти Николая II, последнего российского царя, а с его уходом с карты мира исчез и призрак призрака империи. Так Константинополь, вернее, теперь Стамбул остался турецким городом.

Более того, оправившись от поражения в Первой мировой войне, под руководством энергичного генерала Мустафы Кемаля Турция пережила истинное возрождение: в 1922 году было отбито наступление греческих войск; в 1923 году смещен последний султан Абдул-Меджид и провозглашена Турецкая республика. Во главе встал первый президент Кемаль Ататюрк, который за пятнадцать лет (он умер в 1938 году), действуя жестко и решительно, сумел вырвать страну из мрака Средневековья и вывести ее в XX век.

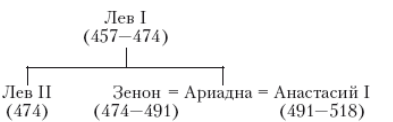
Во время Второй мировой войны Турция сохраняла нейтралитет и до сих пор остается независимым государством. Стамбул же, в кото-

ром проживает около двух миллионов человек, из-за невыгодного географического положения (не в центре страны) перестал быть столицей республики. Пусть и не столь прекрасный, как прежде, Стамбул/Константинополь и сегодня остается самым величественным городом на Босфоре.

Генеалогические таблицы

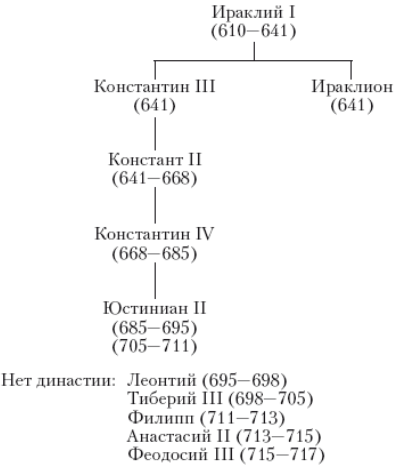
ФЕОДОСИЙ I И ЕГО ПОТОМСТВО (379–457)

ЛЕВ I И ЕГО ПОТОМСТВО (457–518)



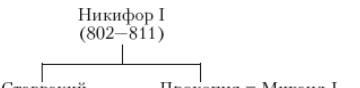
ЮСТИН I (518–602)

ИРАКЛИЙ I (610–711)



ЛЕВ III И ЕГО ПОТОМСТВО (717–802) (Исаврийская династия)

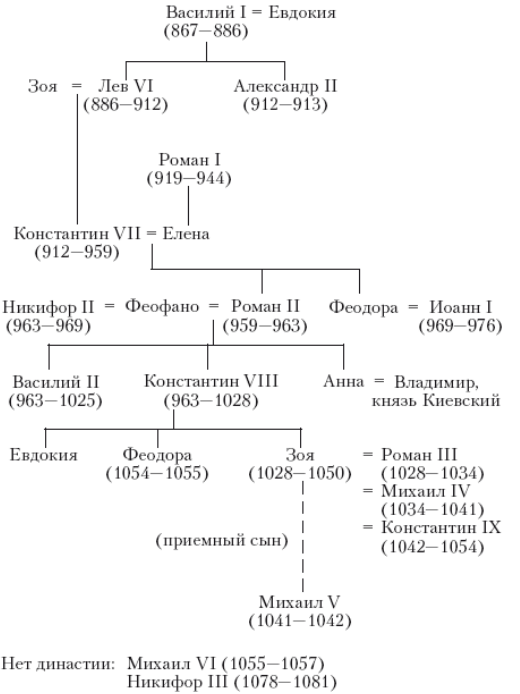
НИКИФОР I И ЕГО ПОТОМСТВО (802–813)



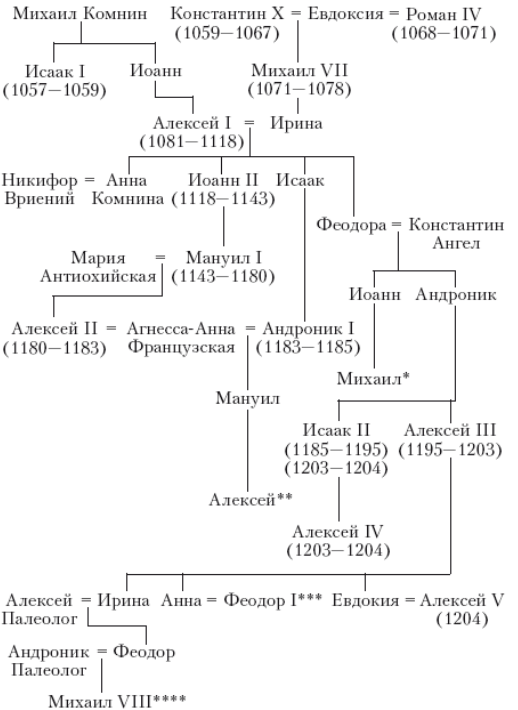
Нет династии: Лев V (813—820)

МИХАИЛ II (820–867) (Аморийская/Фригийская династия)

ВАСИЛИЙ I И ЕГО ПОТОМСТВО (867–1056)
(Македонская династия)



АЛЕКСЕЙ I И ЕГО ПОТОМСТВО (1057–1204) (династия Комнинов)



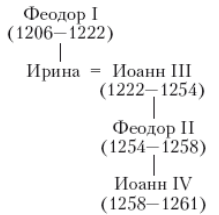
* Основатель династии правителей Эпирского деспотата.

** Основатель династии правителей Трапезундской империи.

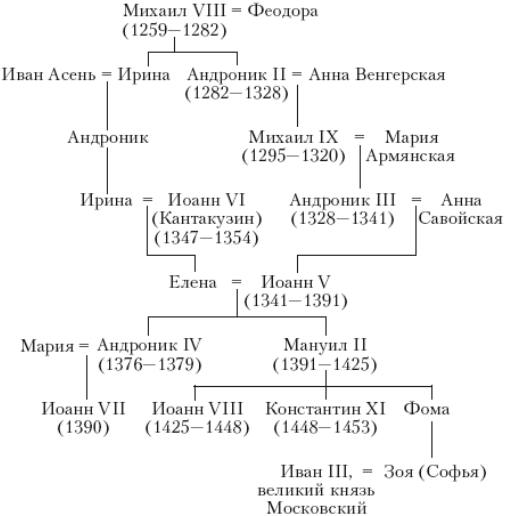
*** Основатель династии правителей Никейской империи.

**** Основатель династии правителей восстановленной империи со столицей в Константинополе.

ФЕОДОР I И ЕГО ПОТОМСТВО (1206–1261)
(династия Ласкаридов)



МИХАИЛ VIII И ЕГО ПОТОМСТВО (1259–1453)
(династия Палеологов)


Михаил VIII = Феодора
(1259—1282)
Иван Асень = Ирина
Андроник II = Анна Венгерская
(1282—1328)
Андроник
Михаил IX = Мария
(1295—1320)
Армянская
Ирина = Иоанн VI
(Кантакузин)
(1347—1354)
Андроник III = Анна
(1328—1341)
Савойская
Елена = Иоанн V
(1341—1391)
Мария = Андроник IV
(1376—1379)
Мануил II
(1391—1425)
Иоанн VII
(1390)
Иоанн VIII
(1425—1448)
Константин XI
(1448—1453)
Фома
Иван III, = Зоя (Софья)
великий князь
Московский

Примечание к генеалогической таблице

После 1118 года все правители Византии как в Константинополе, так и в Никее были потомками Алексея I. Эта династия продолжала царствовать еще сто пятьдесят лет после падения Константинополя и пресеклась на русском царе Федоре I, который умер в 1598 году, не оставив после себя детей.

Федор I был сыном Ивана Грозного, который сам являлся внуком Ивана III и Зои Константинопольской (Софьи Палеолог). Зоя была внучкой Мануила II, прапрапраправнука Михаила VIII, восстановившего империю в Константинополе.

Михаил VIII был праправнуком Алексея III, который узурпировал власть, чем ускорил захват в 1204 году Константинополя. Алексей III был праправнуком Алексея I.

Через жену Алексея I, Ирину Дуку, потомки Алексея становятся родственниками Константина X, который стал императором в 1059 году. Таким образом, русский царь Федор I был пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-

пра-пра-пра-пра-пра-правнуком Константина X. Иными словами, родственные связи правителей прослеживаются на протяжении восемнадцати поколений — с 1059 по 1598 год, или — пятьсот тридцать девять лет.

Хронология основных событий

Годы События

до н. э.

657 Год основания Византия

513 Персидский царь Дарий I пересекает Геллеспонт и захватывает Византий

480 Персидский царь Ксеркс I пересекает Геллеспонт

477 Спартанский правитель Павсаний освобождает Византий от персов

476 Афинский флотоводец Кимон отбирает Византий у Спарты

405 Битва у реки Эгоспотамы; спартанцы разбивают Афинян

389 Афинский полководец Фрасибул отбивает Византий у Спарты

356 Византий становится независимым городом-государством

340 Византий выдерживает осаду македонского царя Филиппа

219 Византий захватывают родосцы

62 Византий попадает под власть Рима

Наша эра

74 Византий входит в состав Римской империи

196 Захват и разграбление Византия римским императором Септимием Севером

324 Захват Византия римским императором Константином I

325 I Вселенский собор в Никее

330 Перестроенный Византий становится Константинополем — столицей Римской империи

379 Императором становится Феодосий I

395 Раздел Римской империи; Аркадий становится

императором в Константинополе

404 Ссылка патриарха Иоанна Златоуста

408 Феодосий II становится императором в Константинополе

410 Предводитель вестготов Аларих захватывает Рим

413 Начало возведения тройной линии обороны Константинополя

425 Год основания Константинопольского университета

431 III Вселенский собор в Эфесе; Феодосий II отправляет военную экспедицию против вандалов Гейзериха, закончившуюся провалом

438 Создание Кодекса Феодосия

441 Гунны Аттилы угрожают Константино-

полю

450 Марциан становится императором в Константинополе

451 IV Вселенский собор в Халкедоне

457 Лев I становится императором Константинополя

468 Лев I снаряжает военную экспедицию против Гейзериха, закончившуюся провалом

471 Лев I заменяет германскую гвардию исаврийцами

474 Лев II и Зенон поочередно становятся императорами в Константинополе

476 Падение Западной Римской империи; император остается только в Константинополе

478 Остготы под предводительством Теодориха вторгаются на Балканы

480 Взлет влияния монофизитской ереси

491 Анастасий I становится императором

499 Первое вторжение болгар на Балканы

518 Юстин I становится императором

527 Юстиниан и Феодора становятся императором и императрицей

529 Опубликован Кодекс Юстиниана; закрыта Афинская Академия

530 Велизарий одерживает победу в битве при Даре

532 Восстание «Ника»

534 Взятие Велизарием Карфагена; конец королевства вандалов

535 Вторжение войск Велизария на Сицилию и в Италию; взятие Рима

537 Освящение собора Святой Софии

548 Окончательный отзыв Велизария из Италии

550 Начало производства шелковых тканей в Византии

552 Нарсес занимает место Велизария в Италии; конец королевства остготов

554 Византия закрепляется на части Испании

558 Разгром Велизарием болгарской армии под стенами Константинополя

565 Юстин II становится императором; отзыв Нарсеса

568 Вторжение лангобардов в Италию; захват северных областей

578 Тиберий II становится императором

582 Маврикий становится императором

591 Маврикий помогает Хосрову II вернуть трон

602 Убийство Маврикия; Фока становится императором

603 Хосров II вторгается в Византию, намерева-

ясь отомстить за смерть Маврикия

608 Взятие Антиохии войсками Хосрова II

610 Гибель Фоки от рук черни; Ираклий становится императором

614 Хосров II захватывает Иерусалим и Истинный крест

615 Войска Хосрова II на берегу Босфора

618 Последние владения Византии в Испании захвачены вестготами

619 Хосров II завоевывает Египет

622 Ираклий переходит в контрнаступление и с моря вторгается в Малую Азию

626 Авары у стен Константинополя; снятие осады

627 Победа Ираклия над персами у Ниневии

628 Убийство Хосрова II; победа византийского оружия

629 Истинный крест возвращен в Иерусалим

632 Смерть Мухаммеда

634 Взятие арабами Боеры

635 Взятие арабами Дамаска

636 Битва на реке Ярмук; арабы наносят поражение Византии и захватывают Сирию

637 Взятие арабами Иерусалима; исчезновение Истинного креста

638 Патриарх Сергий формулирует компро-

миссные положения монофелитства

639 Вторжение арабов в Египет

641 Смерть Ираклия; императорами становятся Константин III и Ираклион, а затем Констант II

642 Взятие арабами Александрии

655 Арабы одерживают победу у острова Родос

663 Приезд Константа II в Рим

668 Убийство Константа II на Сицилии; Константин IV становится императором

673 Первая осада Константинополя арабами; применение «греческого огня»

677 Арабы снимают осаду

680 VI Вселенский собор в Константинополе

685 Юстиниан II становится императором

695 Ссылка Юстиниана II в Херсон; императором становится Леонтий

698 Свержение Леонтия; императором становится Тиберий III; взятие арабами Карфагена и забвение города

705 Возвращение Юстиниана II на трон

711 Свержение и убийство Юстиниана II; Филиппик становится императором; арабы вторгаются в Испанию

713 Анастасий II становится императором

715 Феодосий III становится императором

716 Вторжение арабов в Малую Азию

717 Лев III становится императором; начало Исаврийской династии; вторая осада Константинополя арабами

718 Арабы снимают осаду

726 Лев III издает первый иконоборческий указ

732 Битва при Туре; франки наносят поражение арабам

741 Смерть Льва III; императором становится его сын Константин V

751 Лангобарды захватывают Равенну; византийцы вытесняются из Центральной Италии

753 Церковный собор объявляет иконоборчество государственной политикой

756 Франкский король Пипин передает территории Равеннского экзархата под управление римского папы

775 Лев IV, сын Константина V, становится императором

780 Смерть Льва IV; его сын Константин VI становится императором при регентше-матери Ирине

787 VII (последний) Вселенский собор в Никее осуждает иконоборчество

797 Константин VI ослеплен и посажен в темницу; Ирина становится единоличной правительницей

800 Карл Великий становится императором и основателем 1000 — летней династии западных императоров, не признанных Константинополем

802 Смещение Ирины; Никифор I становится императором

803 Никифор I заключает мир с Карлом Великим

806 Гарун аль-Рашид, халиф Аббасидов, наносит поражение войскам Никифора

808 Во главе Болгарии встает Крум и вторгается на Балканы

811 В битве с болгарами погибает Никифор I; Михаил I становится императором

812 Михаил I признает императорский титул Карла Великого (но признание не распространяется на его преемников)

813 Лев V становится императором; болгары осаждают Константинополь, затем снимают осаду

820 Убийство Льва V; Михаил II становится императором

826 Арабы захватывают Крит

827 Арабы высаживаются на Сицилии

829 Феофил становится императором; возрождение иконоборчества

830 Арабы захватывают Палермо

838 Арабы уничтожают Аморий в Малой Азии

842 Смерть Феофила; молодой Михаил III становится императором при регентше-матери Феодоре; конец иконоборчества

858 Фотий становится патриархом; спор Востока и Запада о филиокве

862 Кирилл и Мефодий начинают миссионерскую деятельность в Моравии; создание кириллицы; варяг Рюрик основывает первую русскую царскую династию

865 Первый поход руссов на Константинополь (отбит); царь Болгарии Борис I принимает христианство

867 Убийство Михаила III; конец Аморийской династии; Василий I становится императором; начало Македонской династии

870 Болгария становится православным христианским государством

878 Арабы захватывают Сиракузы (Сицилия)

879 Год основания руссами Киева

886 Смерть Василия I от несчастного случая на охоте; Лев VI становится императором

887 Составление обновленного кодекса

893 Симеон становится правителем Болгарского царства; пик могущества болгар

904 Разбойное нападение Льва из Триполи на Фессалоники

906 Лев сочетается браком в четвертый раз, чем вызывает раздражение церкви

907 Вторая осада Константинополя руссами под предводительством Олега (отбита)

911 Лев из Триполи разбивает византийский флот

912 Константин VII становится императором при регенте-дяде Александре II

913 Александр II умирает; Симеон у стен Константинополя

916 Объединенные войска Византии и папы побеждают арабские войска в битве при Гарильяно в Италии

919 Роман I Лакапин становится соправителем Константина VII

924 Разгром византийцами сил Льва из Триполи; заключение мира с Симеоном

925 Симеон становится первым государем славян, принявшим царский титул

927 Страшный голод в империи

941 Третий поход руссов под предводительством князя Игоря на Константинополь; почти весь флот руссов уничтожен «греческим огнем»

944 Смещение Романа I

955 Русская княгиня Ольга принимает христианство

959 Роман II, сын Константина VII, становится императором

961 Никифор Фока отвоевывает Крит

963 Роман II умирает; трон совмещают сыновья Василий II и Константин VIII; второй муж матери Никифор II (Фока) становится их соправителем; Анастасий из Трапезунда основывает монастырь на горе Афон

965 Византия утрачивает последние владения на Сицилии

966 Никифор II вступает в союз с русским князем Святославом, а как только тот укрепляет свое положение, вынужден сражаться с ним

969 Убийство Никифора II; Иоанн I (Цимисхий) становится императором

971 Иоанн I присоединяет Восточную Болгарию; восстание феодалов под предводительством Варды Фоки, подавленное Вардой Склиром

972 Племянница Иоанна I Феофано выходит замуж за императора Священной Римской империи Оттона II

976 Иоанн I умирает; единоличным правителем становится Василий II, сын Романа II; восстание под предводительством Варды Склира

979 Варда Фока наносит поражение Варде Склиру

980 Образование варяжской гвардии; создание героической поэмы «Дигенис Акрит»

Василий II побежден Самуилом Болгарским у Софии

987 Мятеж объединенных сил Варды Фоки и Варды Склира

989 Смерть Варды Фоки; Варда Склир сдается на милость победителя; Анна, сестра Василия II, выходит замуж за киевского князя Владимира; крещение Руси

992 Первые торговые привилегии Венеции

996 Василий II проводит земельную реформу с целью ослабить партию крупных феодалов

1014 Разгром Василием болгар в битве при Беласице; ослеплены 15 тысяч пленных болгар; смерть Самуила

1018 Прекращение сопротивления болгар и аннексия Болгарии Византией; империя наносит поражение норманнам в Италии

1020 Василий II аннексирует Армению; Византия на пике могущества

1025 Василий II предпринимает военную экспедицию на Сицилию и умирает

1028 Константин VIII умирает; его дочь Зоя

выходит замуж за Романа Аргира, будущего императора Романа III

1031 Георгий Маниак одерживает победы в восточных районах Малой Азии

1034 Роман III умирает; второй муж Зои становится Михаилом IV; Гарольд Гардрада побеждает арабских пиратов

1037 В Персии приходят к власти турки-сельджуки

1040 Маниак и Гардрада одерживают победы на Сицилии, но отзываются в Константинополь

1041 Михаил IV умирает; на трон вступает приемный сын Зои Михаил V

1042 Маниак наносит поражение норманнам в Южной Италии; смещение Михаила V и провозглашение императором Константина IX, третьего мужа Зои; Маниак получает приказ оставить армию, поднимает мятеж, ведет свои войска на Балканы, но погибает в сражении

1050 Умирает Зоя

1054 Окончательный раскол христианства на западное и восточное; Константин IX умирает

1055 Умирает Феодора, сестра Зои, последний представитель Македонской династии; турки-сельджуки захватывают Багдад

1056 Михаил VI (Стратиотик) становится им-

ператором — послушным орудием в руках патриарха Михаила Кирулария

1057 Свержение Михаила VI; императором становится Исаак I Комнин

1059 Исаак I отрекается от престола; императором становится Константин X Дука

1064 Турки-сельджуки покоряют Армению

1065 Половцы (куманы) переправляются через Дунай и вторгаются на Балканы

1067 Константин X умирает; муж его вдовы становится императором Романом IV Диогеном; вершина творчества Михаила Пселла

1071 Норманны занимают Бари, окончательно вытесняя Византию из Италии; разгром турками-сельджуками византийской армии в битве при Манцикерте; смещение Романа IV; императором становится Михаил VII, сын Константина X

1078 Михаил VII отрекается от престола; императором становится Никифор III

1081 Никифора III смещают; императором становится Алексей I Комнин, племянник Исаака I; норманны под предводительством Роберта Гвискара высаживаются на Балканах

1082 Иоанн Итал публично раскаивается в заблуждениях в соборе Святой Софии

1084 Битва при Ларисе; византийцы наносят

поражение норманнам Боэмунда; прекращение норманнского вторжения

1086 Восстание богомилов при поддержке печенегов и половцев

1091 Алексей перекупает половцев, и те побеждают печенегов

1095 Алексей обращается к папе Урбану II за помощью в противостоянии с турками; начало Первого крестового похода

1096 Крестоносцы прибывают в Константинополь

1099 Крестоносцы овладевают Иерусалимом; Алексей отвоевывает западные районы Малой Азии; соперничество Алексея и Боэмунда за Антиохию

1108 Алексей I побеждает Боэмунда

1118 Алексей I умирает; императором становится Иоанн II; Анна Комнина удаляется от власти и пишет «Алексиаду»

1122 Иоанн I наносит окончательное поражение печенегам

1134 Иоанн I возглавляет Антиохийскую кампанию

1143 Иоанн I умирает; императором становится его сын Мануил I

1147 Второй крестовый поход; в Константи-

нополь прибывают король Франции Людовик VII и император Священной Римской империи Конрад III

1173 Энрико Дандоло предположительно был ослеплен в Константинополе

1176 Катастрофическое поражение византийцев от турок-сельджуков в битве при Мириокефалоне;

1180 Смерть Мануила I; императором становится его сын Алексей II

1183 Резня европейцев, устроенная чернью Константинополя; Андроник I Комнин узурпирует трон и становится императором

1185 Вильгельма II вытесняют с Балкан; турки Саладина овладевают Иерусалимом

1188 Независимость Болгарии

1189 Третий крестовый поход; Ричард I захватывает Кипр; император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса прибывает в Константинополь

1195 Исаак II смещен и ослеплен; императором становится его брат Алексей III

1202 Четвертый крестовый поход; рыцари под нажимом венецианца Энрико Дандоло захватывают Задар

1203 Крестоносцы возвращают трон Исааку II и

его сыну Алексею IV

1204 Алексей V ненадолго захватывает власть; разграбление Константинополя; образование Латинской империи; Венеция подчиняет себе Крит и острова в Эгейском море; образование в Малой Азии Никейской и Трапезундской империй; образование на северо-западе Греции Эпирского деспотата; Балдуин I становится императором в Константинополе; Эпир возглавляет Михаил Ангел Комнин; Никейскую империю возглавляет Феодор I Ласкарь

1205 Гибель Балдуина I в сражении с болгарами; императором в Константинополе становится Генрих I

1214 Михаила Эпирского сменяет Феодор Дука Ангел

1216 Петр де Куртене должен занять трон в Константинополе, но по дороге из Франции схвачен Феодором Эпирским

1221 Императором в Константинополе становится Робер де Куртене

1222 Феодор Эпирский покоряет Северную Грецию; императором в Никее становится Иоанн III

1228 Императором в Константинополе становится Балдуин II (почти не имея власти)

1230 Феодор Эпирский погибает в сражении с

болгарами

1244 Монголы наносят поражение туркам в Малой Азии; Никейская империя получает возможность расширить владения в Малой Азии и начать экспансию на Балканы

1254 Императором в Никее становится Феодор II

1255 Феодор II наносит поражение болгарам

1258 Иоанн IV становится императором в Никее

1259 Михаил Палеолог (Михаил VIII) становится соправителем Никейской империи

1261 Михаил VIII отбивает Константинополь, смещает Иоанна IV и становится единоличным правителем; конец Латинской империи; Михаил VIII занимает часть Пелопоннеса, где Мистра становится центром поздневизантийской культуры

1267 Карл Анжуйский заявляет права на Константинополь; Михаил VIII разрешает генуэзцам создать поселение в Галате

1271 Карл Анжуйский на Балканах

1274 Михаил VIII признает верховную религиозную власть папы римского, народ — отвергает

1281 Михаил VIII одерживает победу в сражении с Карлом Анжуйским; подъем Сербии при Милутине

1282 Ликвидация угрозы со стороны Карла Анжуйского во время «Сицилийской вечерни»; Андроник II становится императором и отменяет решение о признании первенства папы

1290 Возвышение турок-османов на северо-западе Малой Азии

1295 Михаил IX, сын Андроника II, становится соправителем империи

1296 Сербы предпринимают экспансию в западные районы Балкан

1302 Андроник II нанимает солдат Каталанской компании

1305 Разорительное нашествие каталанцев на Грецию после гибели их предводителя

1311 Каталанцы захватывают Афины

1320 Смерть Михаила IX

1326 Османы захватывают Брусу

1328 Смещение Андроника II; императором становится Андроник III

1330 Серб Стефан Дечанский побеждает болгар, которые больше не представляют угрозы для соседей; турки-османы захватывают Никею

1331 Стефан Душан становится правителем Сербии

1337 Турки-османы захватывают Никомедию

1341 Иоанн V становится императором; с прихо-

дом к власти Иоанна VI Кантакузина начинается гражданская война

1347 Чума в Константинополе

1354 Иоанн V берет верх в гражданской войне; турки-османы закладывают базу в Галлиполи

1355 Стефан Душан предпринимает поход на Константинополь, но умирает; пик могущества сербов

1365 Турки-османы завоевывают Фракию и объявляют столицей Адрианополь

1369 Иоанн V признает в Авиньоне верховенство римского папы, народ — нет

1371 Иоанн V признает себя вассалом османов

1376 Андроник IV, сын Иоанна V, временно захватывает власть

1386 Венецианцы захватывают остров Корфу

1389 Битва на Косовом поле; турки-османы одерживают победу и разрушают Сербское королевство

1390 Императорами становятся Иоанн VII, затем Мануил II

1396 Турки-османы наносят поражение венграм в битве при Никополе

1400 Мануил II отправляется за помощью на Запад; встреча с английским королем Генрихом IV

1402 Битва при Анкаре — предводитель монго-

лов Тамерлан разбивает турок-османов

1422 Мануил II продает Фессалоники венецианцем

1425 Иоанн VIII становится императором

1430 Турки-османы захватывают Фессалоники

1439 Иоанн VIII признает верховенство папы римского, народ — нет

1444 Поражение венгров от османов в битве при Варне

1448 Императором становится Константин XI

1451 Мехмед II становится султаном

1453 Падение Константинополя; прекращение существования Византийской империи

1456 Мехмед II захватывает Афины

1460 Мехмед II завоевывает Пелопоннес

1461 Мехмед II завоевывает Трапезундскую империю — последний оплот Византии

1472 Племянница Константина XI Зоя (Софья) становится женой московского царя Ивана III